

Великокняжеская и царская охота на Руси

Н. Самокишъ

съ X-го по XVI-й вѣкъ

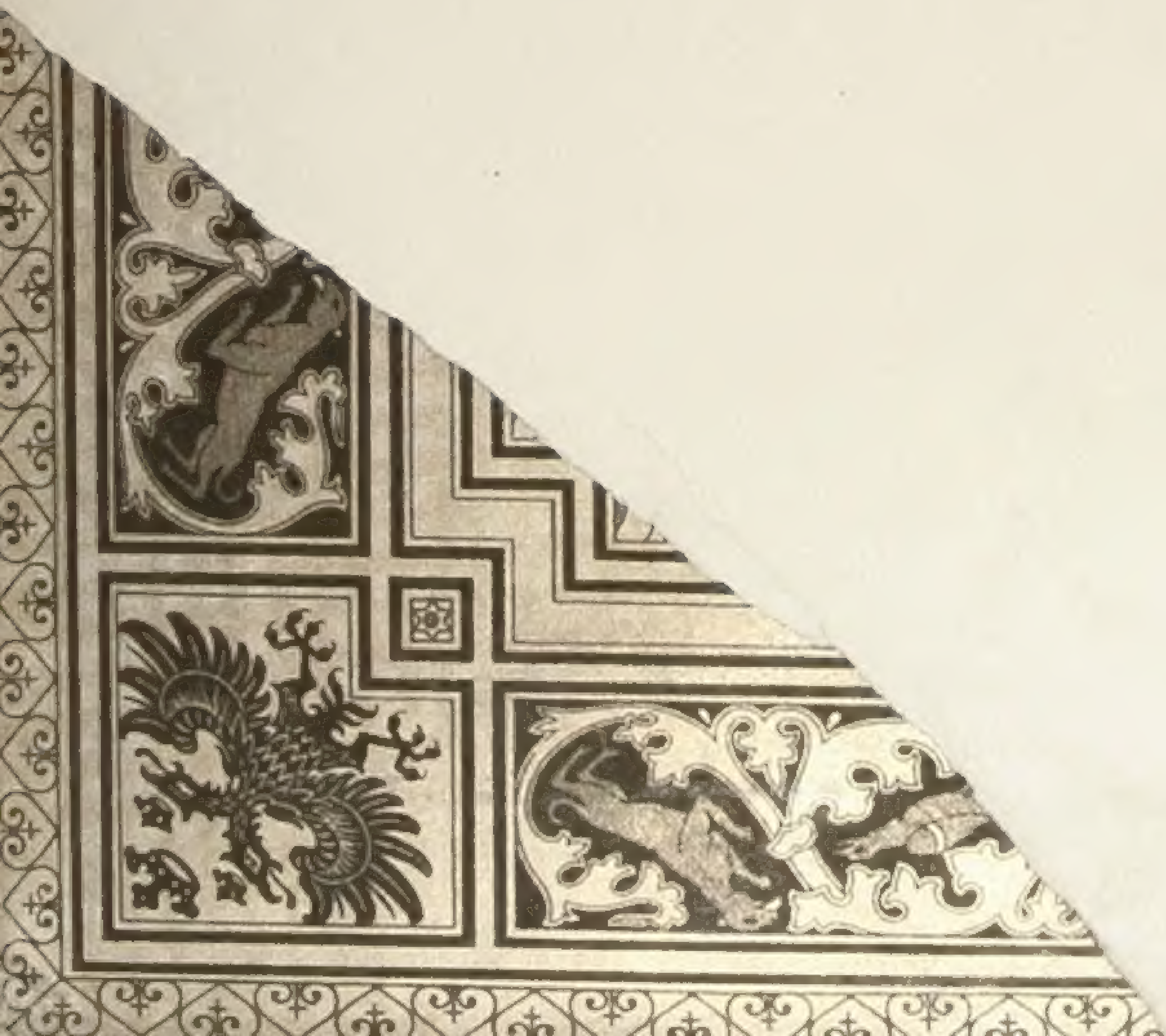


Томъ 1-й

Историческій очеркъ Николая Кутепова







ВЕЛИКОКНЯЖЕСКАЯ

и

ЦАРСКАЯ ОХОТА

НА РУСИ


А се труждахосѧ ловы дѣѧ.

ВЕЛИКОКНЯЖЕСКАЯ

и

ЦАРСКАЯ ОХОТА

НА РУСИ

съ X по XVI вѣкъ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Николая Кутепова

Изданіе иллюстрировано Профессоромъ В. М. Васнецовымъ и Академикомъ Н. С. Самокишемъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ

1896

Печатано съ разрѣшенія Министра Императорскаго Двора.





БЛАЖЕННОЙ И ВѢЧНОЙ ПАМЯТИ

ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ

АЛЕКСАНДРА III

БЛАГОГОВѢЙНО ПОСВЯЩАЕТСЯ СЕЙ ТРУДЪ,

ПО ЕГО ЦАРСТВЕННОМУ ЖЕЛАНІЮ НАЧАТЫЙ,

ПО ЕГО МЫСЛИ ИСПОЛНЕННЫЙ.

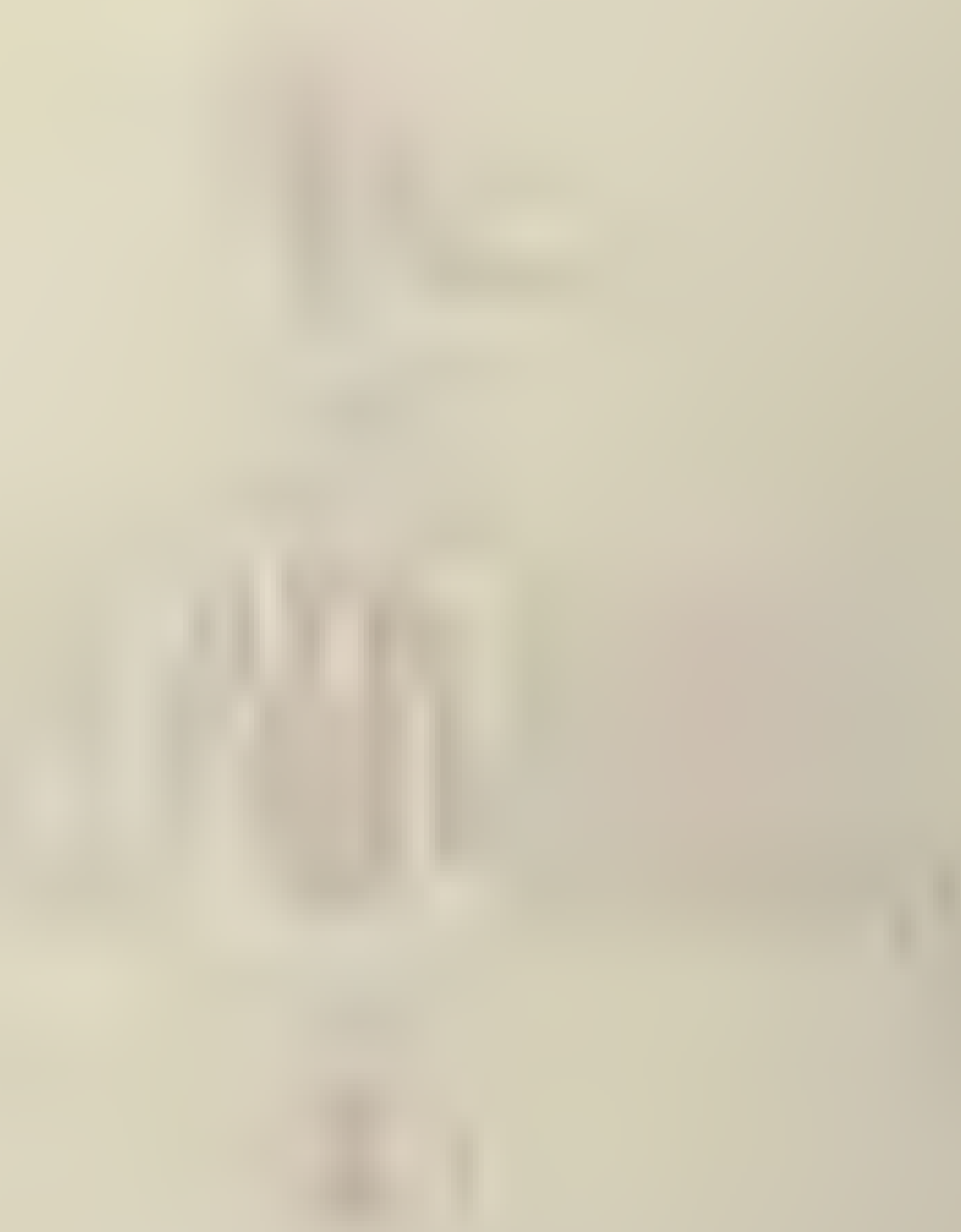
Считаю себя обязаннымъ принести искреннюю и глубокую благодарность учрежденіямъ и лицамъ, содѣйствовавшимъ мнѣ въ исполненіи трудной задачи составленія исторіи Великокняжеской и Царской охоты.

Документальныя свѣдѣнія получены мною изъ архивовъ: Общаго Министерства Двора (въ Москвѣ и Петербургѣ), Министерства Юстиціи (въ Москвѣ), Государственнаго (въ Петербургѣ), Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (въ Москвѣ), Патріаршей Ризницы (въ Москвѣ) и Троице-Сергіевой Лавры, а равно изъ Императорской Публичной библіотеки.

Разныя свѣдѣнія, справки и указанія благосклонно сообщены мнѣ: *Г. В. Есиповымъ, А. О. Бычковымъ, И. А. Бычковымъ, В. В. Стасовымъ, С. Н. Шубинскимъ, Н. П. Лихачевымъ, Г. И. Тимченко-Рубаномъ, А. А. Фаворскимъ, С. Л. Ширяевымъ и М. И. Безсребрениковымъ.*

Особенной благодарностью обязанъ я *П. Я. Дашкову*, любезно предоставившему въ мое распоряженіе свое богатое собраніе гравюръ, изъ котораго и заимствованы для настоящаго изданія рѣдчайшіе старинные гравюры и рисунки, изображающіе охотничій бытъ.









ОГЛАВЛЕНІЕ

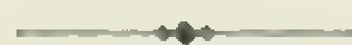
ГЛАВА III.

Способы, орудія и служебный персоналъ великокняжескихъ охотъ.

ГЛАВА IV.

Правовыя отношенія Великихъ Князей, народа и частныхъ лицъ въ области охоты.

СПИСОКЪ ИЛЛЮСТРАЦІЙ.



Заставка переплета — орнаментъ XII столѣтія. Тамъ же: изображеніе печати Великаго Князя Василія III Ивановича; въ кругѣ герба надпись: «Володимерьски Московск. Новгородьскі Псковскі Тверскіи Югорскіи Перъскіи и многихъ земель господарь». Другая сторона этой медали съ изображеніемъ В. К. Василія Ивановича, поражающаго копьемъ дракона; вокругъ его надпись: «великии господарь василеі Божіею милостию царь и гдрь всею Русіи великии князь». — Печать эта принадлежитъ къ 1514 году. Углы переплета: двуглавые орлы съ протазана 1687 г. На обратной сторонѣ переплета: шестоперъ съ прорѣзными на перьяхъ орлами — 1687 г.

ИЛЛЮСТРАЦІИ ВНѢ ТЕКСТА:

ИЛЛЮСТРАЦИИ ВЪ ТЕКСТѢ:

[illegible]

[illegible]

[illegible]





Изученіе отечественной старины представляетъ глубокій интересъ для всякаго, кто любитъ отчизну, кому дорого ея прошлое. Любопытны и порою поучительны понятія, которыми въ своей жизни руководились наши предки; интересны обычаи, составлявшіе укладъ ихъ жизни, и не лишены значенія даже мелкія подробности ихъ быта. Старина, въ ея многоразличныхъ проявленіяхъ, часто представляетъ намъ образецъ такой самобытности и цѣльности, которымъ могутъ позавидовать даже времена новѣйшія. Въ глубинѣ вѣковъ наблюдается нерѣдко такая полнота жизненныхъ ощущеній, какая почти совершенно неизвѣстна и мало доступна современному человѣчеству; кто ищетъ образца для жизни, полной здороваго труда и здоровыхъ наслажденій, тотъ всего скорѣе нашелъ бы его у предковъ нашихъ, съ большимъ умѣньемъ отдававшихъ дѣлу время, а потѣхѣ — часъ. Вотъ почему всѣ народы съ развитымъ самосознаніемъ посвящаютъ своей отечественной старинѣ, ея научному изученію и художественному воспроизведенію лучшія силы и массу труда. И можно сказать, что тѣмъ выше историческое самосознаніе даннаго народа, чѣмъ болѣе изслѣдована и разработана его старина.

1



Наша родная старина привлекала и привлекаетъ къ себѣ многія силы. Благодаря трудамъ историковъ и археологовъ, многое изъ нашей далекой старины изслѣдовано, разработано и возстановлено; однако, въ области старинно-русскаго быта, есть еще предметы и вопросы, мало затронутые въ изслѣдованіяхъ, и къ числу послѣднихъ относится вопросъ объ охотѣ въ древней Руси.

Въ современныхъ обществахъ охота не имѣетъ такого широкаго и важнаго жизненнаго значенія, какое ей свойственно было повсюду во времена древнѣйшія. Но въ исторіи человѣчества охота представляетъ собою фактъ глубокой важности, потому что ею открывался путь для постепеннаго развитія человѣка въ общественномъ и личномъ отношеніи.

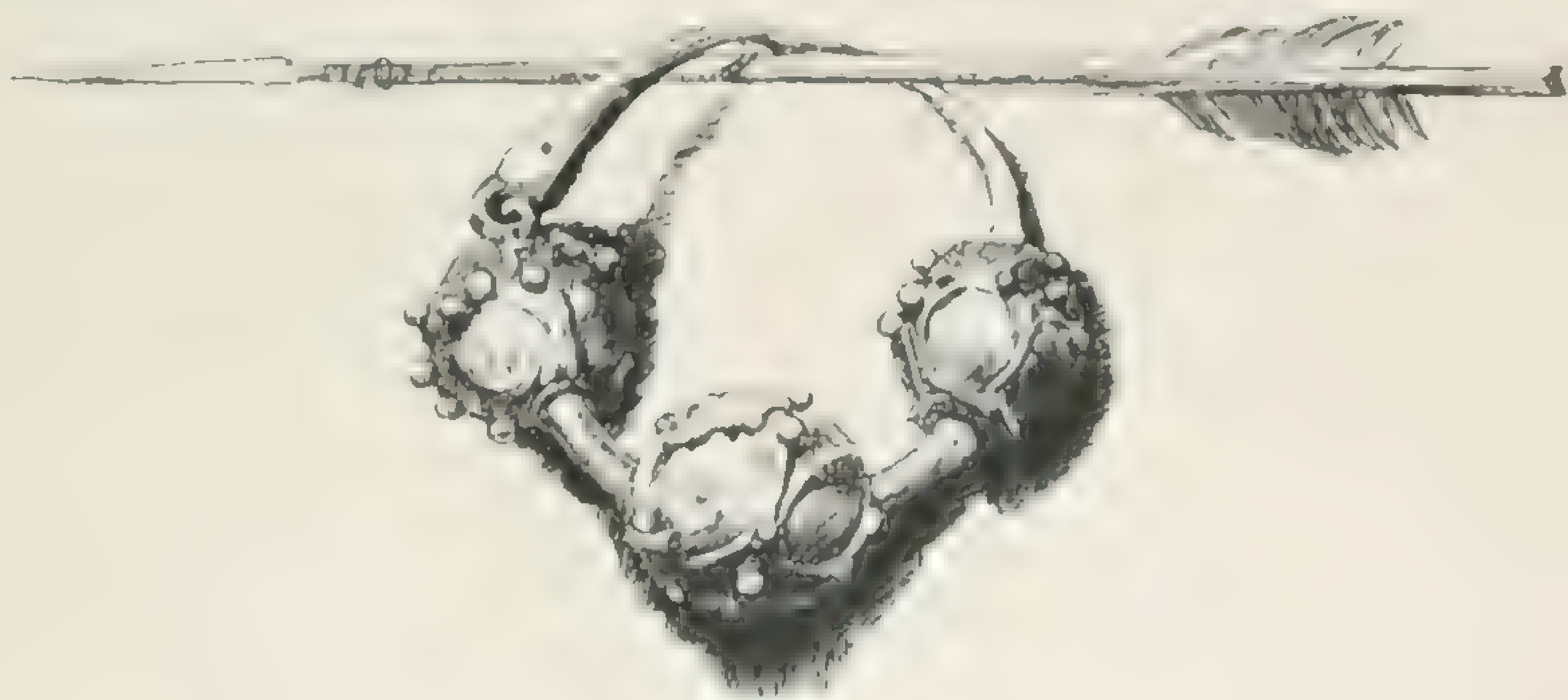
Охота одинаково свойственна и дикарю, и человѣку самаго высокаго развитія. Повсюду на земномъ шарѣ, гдѣ только живетъ человѣкъ, охота существовала и существуетъ. Исчезали съ лица земли племена и народы, вымирали учрежденія и обычаи, а охота не исчезла, но живетъ, лишь разнообразясь въ своихъ видахъ и пріемахъ, сообразно съ условіями территоріи и нравами населенія. Причину такой необыкновенной живучести охоты и ея распространенности слѣдуетъ искать, по нашему мнѣнію, въ тѣхъ естественно-экономическихъ условіяхъ народнаго быта, которыя впервые вызвали къ жизни охоту, такъ сказать, создали ее.

Для древнѣйшихъ обитателей земли охота являлась жизненною необходимостью. Для дикаря жить значило охотиться: истребляя звѣрей, онъ тѣмъ самымъ дѣлалъ свое существованіе болѣе обезпеченнымъ противъ трехъ главныхъ его враговъ — голода, холода и четвероногихъ хищниковъ. Охота, какъ борьба за существованіе, до послѣдней степени напрягала всѣ силы дикаря, постепенно развивала въ немъ способность наблюденія и умѣнье пользоваться результатами его, содѣйствовала развитію въ немъ способности мышленія и, благодаря ей, отчасти, онъ получилъ первыя понятія о природѣ.

Она разбудила спавшій геній человѣка, и человѣкъ изобрѣлъ копье, лукъ и стрѣлу — первыя орудія, которыя цивилизовали человѣка. Мало того, охота должна была дисциплинировать волю дикаря: чтобы сразить звѣря, иногда нужно выждать моментъ, когда ударъ всего вѣрнѣе, и принять то положеніе, которое всего удобнѣе. Сообразительность и ловкость, настойчивость и выносливость — вотъ тѣ навыки, какіе должны были образоваться въ борьбѣ со звѣремъ, навыки, получившіе особенную цѣну впослѣдствіи, когда человѣку пришлось вести борьбу уже не со звѣрями, а съ себѣ подобными. Такова первая ступень въ развитіи охоты.

Съ теченіемъ времени, когда человѣкъ научился побѣждать вредныхъ и страшныхъ звѣрей, а животныхъ полезныхъ съумѣлъ приручить и сдѣлать своими слугами, его мысль открыла способъ извлекать пользу изъ земли. Земледѣліе повлекло за собою осѣдлость, осѣдлость сократила районъ охоты. Съ этого времени человѣкъ до извѣстной степени прикрѣпляется къ землѣ, а раньше онъ свободно перемѣнялъ мѣста, и гдѣ было много звѣря, гдѣ былъ просторъ и приволье для охоты, тамъ было и его обиталище.

Когда человѣкъ сдѣлался землепашцемъ, охотничья добыча перестаетъ быть для него единственнымъ средствомъ существованія; матеріальное значеніе охоты съуживается, она становится у нѣкоторыхъ народовъ вспомогательнымъ или второстепеннымъ занятіемъ, но за то болѣе рельефно обозначается ея другая сторона — благороднаго занятія, искусства, обладателямъ котораго, если они отличаются храбростью и ловкостью, она доставляетъ славу, уваженіе и нерѣдко даже самую власть. Извѣстно, что въ пѣсняхъ дикарей прославляются отважные и искусные охотники и воспѣваются ихъ геройскіе подвиги; и, безъ сомнѣнія, въ первобытныхъ общественныхъ группахъ, какъ и у современныхъ дикарей, лучшіе охотники, отличавшіеся отвагою и удалью, становились главами и вождями племенъ.



Послѣднюю ступень охоты, на которой ея развитіе окончательно завершилось, мы встрѣчаемъ уже у цивилизованныхъ народовъ. Она явилась одновременно съ возникновеніемъ поземельной собственности, дѣленія общества на классы и общественнаго раздѣленія труда. На этой ступени охота дѣлается искусствомъ и зачастую привилегіей высшихъ классовъ общества; причемъ здѣсь охота не случайная забава, выполняемая какъ кому вздумается, но именно искусство, подчиненное извѣстнымъ правиламъ, извлеченнымъ изъ опыта. Правильная охота, какъ она теперь называется, требуетъ большаго, спеціально подготовленнаго, служебнаго состава и массы охотничьяго инвентаря. На все это нужно много любви къ дѣлу, довольно досуга и очень много средствъ; неудивительно, поэтому, что въ такомъ видѣ охота становится любимымъ занятіемъ людей достатка.

Въ современныхъ культурныхъ обществахъ охота, какъ дѣло необходимости, въ смыслѣ борьбы со звѣрями, уже явленіе случайное и рѣдкое; какъ промыселъ, она стала достояніемъ низшихъ классовъ; какъ искусство, она сдѣлалась занятіемъ высшихъ.

Исторія охоты, какъ борьбы за существованіе, находитъ себѣ мѣсто въ общей исторіи человѣчества. Исторія промысловой охоты неотдѣлима отъ общей исторіи промышленности въ той или другой странѣ. Охота, какъ искусство, можетъ и должна имѣть свою собственную исторію.

Какъ одно изъ существенныхъ жизненныхъ явленій, охота, конечно, не могла избѣгнуть регламентаціи права. Въ первоначальную эпоху своего существованія, когда охота была дѣломъ жизненной необходимости и главнымъ источникомъ существованія, она не подвергалась никакому ограниченію: всякій могъ охотиться, гдѣ ему было угодно, куда только онъ могъ проникнуть съ лукомъ, стрѣлой и копьемъ. Это періодъ безусловной свободы охоты.

Съ возникновеніемъ права поземельной собственности, владѣльцы той или другой территоріи стали запрещать охоту на своихъ



угодьяхъ постороннимъ лицамъ, такъ какъ, вслѣдствіе постоянной охоты, количество дичи быстро уменьшалось, а оставшаяся неистребленной спѣшила убраться изъ неспокойныхъ мѣстъ. Это второй періодъ — исключительнаго права охоты.

Третій періодъ въ развитіи права охоты — это такъ называемая регалія охоты, т. е. когда право охоты, на ряду съ другими промыслами, становится, ради фискальныхъ цѣлей, привилегіей государства. Регалія охоты возникла къ концу среднихъ вѣковъ и была широко распространена по всей Европѣ, но въ Россіи она не практиковалась. Средневѣковой регаліи у насъ на Руси отчасти соотвѣтствовали налоги, которые взимались съ охотничьей добычи.

Наконецъ, четвертый періодъ въ развитіи права охоты — это опять періодъ свободной охоты, но съ нѣкоторыми ограниченіями. Въ этотъ періодъ право охоты обусловливается, съ одной стороны, частнымъ поземельнымъ правомъ (чья земля, того и охота), съ дру-

гой — правомъ государства имѣть высшій надзоръ за правильностью и своевременностью охоты. Налоги, взимаемые при этомъ съ охоты, имѣютъ не фискальное значеніе, но идутъ на организацію надзора за правильностью охоты.

Изобразивъ общій ходъ развитія охоты, бросимъ теперь бѣглый взглядъ на ея исторію въ древнемъ мірѣ.

Въ преданіяхъ всѣхъ народовъ мы находимъ или прямое упоминаніе объ охотѣ, или ясные намеки на нее. Въ литературныхъ памятникахъ древняго міра имѣются несомнѣнныя указанія на болѣе или менѣе продолжительное существованіе охотничьяго быта. Животный эпосъ существовалъ у всѣхъ культурныхъ народовъ. Миѳы классическаго міра часто изображаютъ сцены охотничьей жизни. Въ Библіи и у Гомера любимыя и въ высшей степени поэтическія сравненія заимствуются изъ круга животнаго царства и охотничьяго быта. Все это показываетъ, что у историческихъ народовъ древняго міра охота была существеннымъ дѣломъ жизни, на которомъ сосредоточивалась практическая мысль и поэтическое творчество.

Библія представляетъ намъ типъ страстныхъ охотниковъ въ лицѣ Измаила и въ особенности Исава. Намъ извѣстно, какъ младшій братъ его Іаковъ, съ помощью хитрости, получилъ, вмѣсто Исава, благословеніе отца и права первородства, воспользовавшись отлучкой Исава на охоту.

Въ Библіи же мы находимъ сказаніе о Нимвродѣ, основателѣ Вавилонскаго царства. Страстный и неутомимый охотникъ, онъ, по словамъ народнаго преданія, съ изумительной отвагой преслѣдовалъ хищныхъ звѣрей, опустошавшихъ страну. Собравъ вокругъ себя дружину охотниковъ, онъ впослѣдствіи сдѣлалъ изъ нихъ воиновъ, расширилъ съ ними предѣлы своихъ владѣній и, упрочивъ свои захваты, положилъ начало монархіи, столь славной въ древности. Въ тѣ времена ничто такъ не обезпечивало человѣку уваженіе, высокій престижъ и авторитетъ, какъ отвага и опытность въ охотѣ и

успѣхъ на войнѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что цари и герои, о которыхъ воспоминанія сохранились въ вещественныхъ и литературныхъ памятникахъ древняго міра, характеризуются, какъ знаменитые охотники.

Семирамида, царица Ассирійская, велѣла изобразить на стѣнахъ своего дворца сцены леопардовой и львиной охоты. Стѣны древнихъ вавилонскихъ дворцовъ покрывались рельефами; нѣкоторые изъ нихъ изображаютъ царскую охоту. На ассирійскихъ монументахъ находятся барельефы, изображающіе большія царскія охоты на львовъ, кабановъ и буйволовъ. Ассирійскій царь Тулкатъ Гибаласаръ похваляется въ своихъ надписяхъ тѣмъ, что онъ убилъ 920 львовъ. Египетскій фараонъ Тутмесъ III, распространившій завоеванія египтянъ до рѣки Евфрата, охотился на слоновъ въ долинахъ Месопотаміи. Дарій, царь Персидскій, умирая завѣщалъ написать на его гробницѣ, что онъ былъ охотникъ. Артаксерксъ Лонгиманъ и Киръ были страстные охотники. Вообще персы видѣли въ охотѣ серьезное занятіе и прекрасную школу, подготовлявшую къ боевой дѣятельности, тѣмъ болѣе, что въ тѣ времена на войнѣ употреблялось то же оружіе, что и на охотѣ. Если признавать вполнѣ достовѣрными свѣдѣнія, сообщаемыя греческимъ историкомъ Геродотомъ, то оказывается, что воспитаніе у древнихъ персовъ состояло въ томъ, что молодежь пріучали ѣздить верхомъ, стрѣлять изъ лука и говорить правду. Царь Камбизъ, преемникъ Кира, отличался мѣткостью стрѣльбы изъ лука. Одинъ изъ его приближенныхъ, нѣкто Прексаспъ, на вопросъ царя, какого мнѣнія о немъ народъ, имѣлъ неосторожность отвѣчать: «Государь, народъ вообще прославляетъ тебя, твой умъ и твою доблесть; одинъ только недостатокъ находятъ въ тебѣ: что ты не довольно умѣренъ въ употребленіи вина». Камбизъ вспыхнулъ гнѣвомъ и, въ эту самую минуту, случайно взглянувъ въ окно, замѣтилъ Прексаспова малолѣтняго сына, игравшаго съ другими дѣтьми на царскомъ дворѣ. Онъ схватилъ лежавшіе подлѣ него лукъ и стрѣлу



и пустилъ ее въ ребенка; къ несчастью, выстрѣлъ былъ очень удаченъ: стрѣла пронзила ребенка въ самое сердце. «Хорошъ ли выстрѣлъ? и могутъ ли такъ стрѣлять люди, неумѣренно преданные вину»? съ злой усмѣшкой спросилъ царь дрожавшаго отъ ужаса Прексаспа. «Сами боги», проговорилъ несчастный отецъ: «не могли бы сдѣлать болѣе мѣткаго выстрѣла».

Сезострисъ Египетскій, одинаково съ Артаксерксомъ Лонгиманомъ, систематически обучалъ охотѣ своихъ сыновей. Птоломей Евергетъ самъ занимался охотой, и оказывалъ ей широкое покровительство.

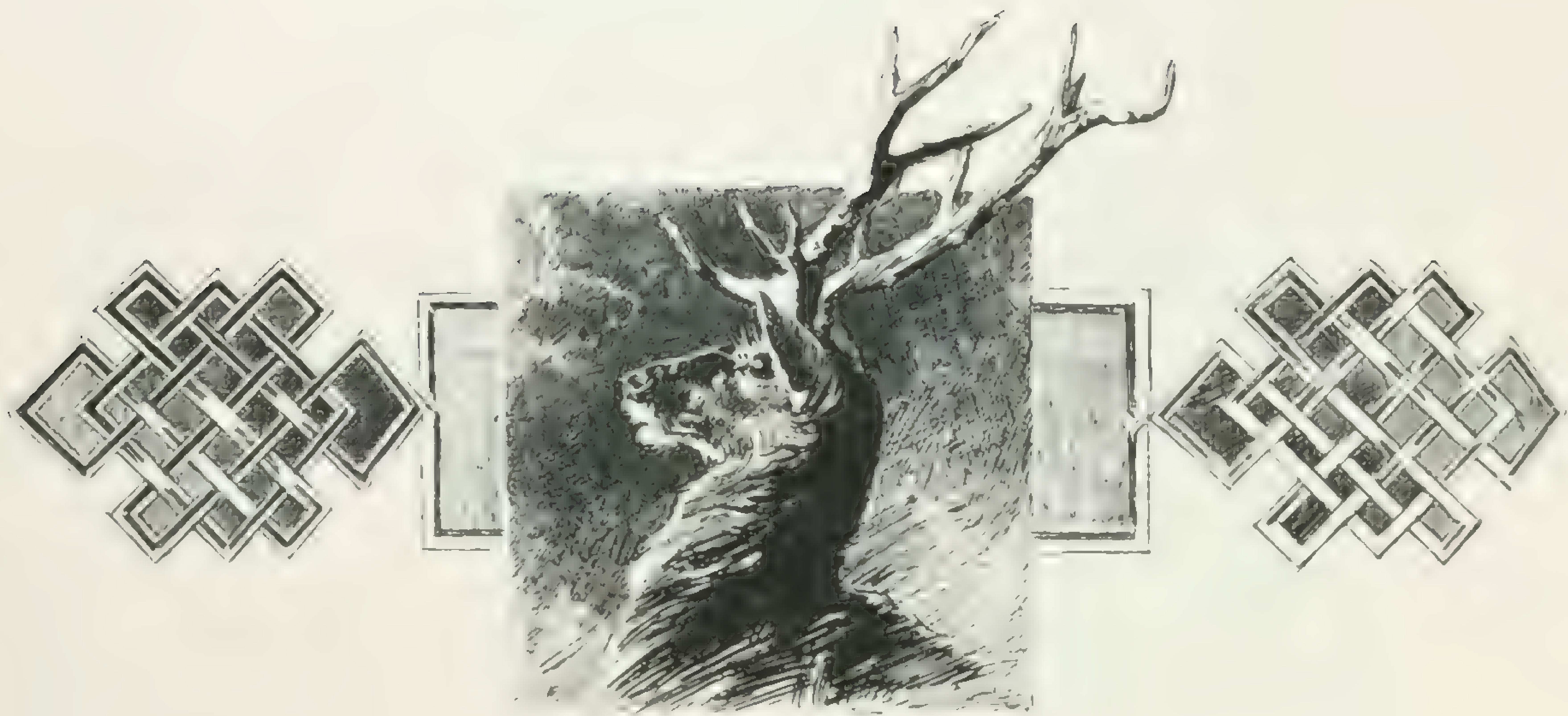
Изъ греческихъ царей особенно отличался страстью къ охотѣ Александръ Македонскій. Извѣстно даже, что онъ поручилъ Аристотелю, своему воспитателю и учителю, написать трактатъ объ охотѣ.



Въ греческой миѳологіи и поэзіи въ изобиліи воспроизведены черты охотничьяго быта, существовавшаго въ древнѣйшій періодъ греческой жизни. Веселый и бурный Вакхъ изображался въ тигровой шкурѣ — эмблема его подвиговъ въ охотѣ за тиграми. Гераклъ (Геркулесъ) носилъ шкуру льва, котораго онъ убилъ въ Немейскомъ лѣсу; бо́льшая часть его подвиговъ носятъ охотничій характеръ: таковы его побѣды надъ немейскимъ львомъ, эримантскимъ вепремъ, стимфалійскими птицами, критскимъ быкомъ, надъ конями Діомеда и ланью, посвященной Артемидѣ, которая считалась богиней лѣсовъ, рѣкъ и ручьевъ, покровительницею охотниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дичи. Артемидѣ былъ посвященъ великолѣпнѣйшій храмъ въ Ефесѣ, который, въ день рожденія Александра Великаго, сжегъ Геростратъ. Изображалась она или въ длинномъ женскомъ одѣяніи, или съ приподнятымъ для удобства охоты хитономъ; обыкновенно у нея за плечами колчанъ, а въ рукахъ лукъ или факелъ. Аполлонъ, которому приписывается изобрѣтеніе лука, также забавлялся охотой и былъ увѣнчанъ лаврами за убіеніе страшнаго дракона Пиѳона. Даже Афродита охотилась — изъ любви къ Адонису. По словамъ миѳа, въ которомъ разсказывается о нѣжной любви Афродиты къ Адонису, богиня покинула все для любимаго ею Адониса, забыла даже самое небо; не рядилась, не нѣжилась, но, до колѣнъ подобравъ одежду, бродила она съ юношей по горамъ и лѣсамъ, по скаламъ, поросшимъ колючими растеніями; съ собаками преслѣдовала ланей, зайцевъ и другихъ звѣрей, но мощнаго вепря, медвѣдя и волка она избѣгала и Адонису совѣтовала подальше держаться отъ нихъ.

Мнѣніе древнихъ персовъ, что охота представляетъ прекрасную школу, подготовлявшую къ боевой дѣятельности, раздѣляютъ и нѣкоторые греческіе философы и законодатели. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ философовъ древней Греціи, Платонъ рекомендуетъ охоту, какъ лучшее приготовительное средство къ перенесенію трудностей военной жизни.

2



Спартанскій законодатель Ликургъ, по свидѣтельству одного древняго автора, предписалъ спартанцамъ упражнять дѣтей своихъ въ разныхъ родахъ охоты, чтобы выработать въ нихъ ловкость, проворство и силу. Въ одномъ изъ произведеній римскаго поэта Виргилія, въ «Георгикахъ», находимъ, между прочимъ, указаніе на то, что спартанцы достигли въ охотѣ величайшаго искусства и славились породой гончихъ и борзыхъ собакъ.

У грековъ мы находимъ и первое сочиненіе, спеціально посвященное охотѣ. Оно принадлежитъ извѣстному греческому историку Ксенофонту. Сочиненіе объ охотѣ называется «Kynegetikos» — «похвала охотѣ». Ксенофонтъ называетъ охоту «божественнымъ изобрѣтеніемъ» и первыми охотниками считаетъ Аполлона и Діану; онъ описываетъ охоту на зайцевъ, оленей и кабановъ весьма подробно и любопытно; менѣе подробно говоритъ онъ объ охотѣ на львовъ, барсовъ и пантеръ; описываетъ двѣ породы существовавшихъ тогда собакъ, дѣлаетъ имъ сравнительную оцѣнку и указываетъ способы натаскиванія собакъ и уходъ за ними. Ксенофонтъ — восторженный поклонникъ охоты и признаетъ за ней громадное значеніе. «Охотники этимъ занятіемъ», говоритъ онъ, «развиваютъ тѣлесную силу,

тонкій слухъ, острое зрѣніе и крѣпкое здоровье». Особенно важна охота, по мнѣнію греческаго историка, какъ подготовка къ боевой жизни. «Если доведется во время войны идти по самымъ неудобнымъ дорогамъ, подъ изнуряющей тяжестью доспѣховъ, то охотникъ не падаетъ духомъ, такъ какъ онъ привыкъ переносить такія неудобства. Никто не можетъ быть менѣе его прихотливъ относительно ложа, нѣтъ лучшаго стража, нежели онъ; никто не выполнитъ приказанія отчетливѣе его; никто спокойнѣе не пойдетъ даже на явную смерть, такъ какъ онъ привыкъ глядѣть ей въ глаза на охотѣ за дикими звѣрями». Первая поэма въ честь охоты также появилась на греческомъ языкѣ, но уже въ эпоху Римскаго владычества. Оппіанъ, поэтъ II в. по Р. Х., написалъ поэму въ честь охоты въ четырехъ книгахъ; въ звучныхъ и красивыхъ стихахъ онъ даетъ прекрасныя описанія охоты и природы; извѣстно, что естествоиспытатель Бюффонъ обращался къ книгамъ Оппіана за справками; современники же называли стихи Оппіана «золотыми стихами».

Римляне, подобно грекамъ, также любили охоту и широко практиковали ее, по крайней мѣрѣ, въ эпоху роста и процвѣтанія Рима. Было даже время, когда всеобщая страсть къ охотѣ, казалось, угрожала другимъ существеннымъ занятіямъ жизни, и ее приходилось сдерживать. Извѣстно также, что римскіе легіоны упражнялись въ охотѣ и на ней пріучались къ воинской дисциплинѣ. Въ эпоху упадка и разложенія Рима изнѣженный римлянинъ уже лѣнился сѣсть на коня и выѣхать въ поле въ погоню за звѣремъ; онъ предпочиталъ смотрѣть травлю звѣрей въ циркѣ и придумалъ отвратительный бой гладіаторовъ, фактъ, показывающій, насколько извратился здоровый инстинктъ охоты. Впрочемъ, нѣкоторые императоры еще поддерживали истинный вкусъ къ охотѣ; такъ изящный и образованный Адріанъ былъ страстно преданъ охотѣ, любилъ собакъ и лошадей, и даже основалъ городъ, прозванный «Адріановой охотой», на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ убилъ дикаго кабана послѣ долгой погони за нимъ.

2*



Въ римской литературѣ охота не разъ находила себѣ отголосокъ. Виргилій дѣлаетъ Асканія (въ Энеидѣ) охотникомъ и уже въ раннемъ возрастѣ изображаетъ его первымъ на охотѣ, какъ и на войнѣ. Горацій, въ письмѣ къ Лоллію, хвалитъ охоту, какъ занятіе благородное, избавляющее душу отъ мрачнаго настроенія и дающее ей покой, радость и восторгъ. Плиній, консулъ, въ перепискѣ съ Тацитомъ также отмѣчаетъ доброе вліяніе охоты на душу; а въ одномъ мѣстѣ своей переписки съ другимъ пріятелемъ указываетъ на трудность усвоенія искусства правильной охоты въ слѣдующихъ словахъ: «что касается меня, то я занимаюсь въ Тусканской виллѣ охотой и наукой, иногда одной изъ нихъ, иногда и той, и другой вмѣстѣ, но я не въ состояніи, однако, рѣшить, въ которомъ изъ этихъ двухъ занятій достичь успѣха труднѣе».

Исторія древней и средневѣковой Европы полна сказаніями и легендами изъ охотничьяго быта и повѣстями объ охотникахъ-богатыряхъ. Страсть къ охотѣ была въ крови многихъ средневѣковыхъ королей; но особенно страстными охотниками были Карловинги. Пепинъ Короткій, Карлъ Великій, Карломанъ, Людовики XI и XII, Францискъ I, Генрихъ II, Карлъ IX, Генрихъ IV, Людовикъ XIII представляютъ собой типы истыхъ охотниковъ, соеди-

нявшихъ въ себѣ безграничную отвагу съ ловкостью и опытностью въ охотѣ.

Какъ всегда и вездѣ, и на Руси охота предупреждаетъ собою исторію. Исторія уже на первыхъ страницахъ бытописанія земли русской отмѣчаетъ существованіе охоты, какъ факта обычнаго и широко распространеннаго. Безъ сомнѣнія, и на нашей территоріи охота началась еще въ тѣ времена, когда здѣсь впервые появились люди. Вездѣ возникая одновременно съ появленіемъ человѣка, она и здѣсь должна была возникнуть въ далекой непроглядной тьмѣ вѣковъ.

Въ историческую же эпоху Руси мы уже находимъ охоту не только какъ промыселъ, но и какъ искусство. Если и теперь есть у насъ просторъ и живой матеріалъ для охоты на сѣверѣ и югѣ, на западѣ и востокѣ, то въ тѣ отдаленныя времена, очевидно, его было слишкомъ достаточно. Тогда Русь, въ значительной части, была покрыта исполинскими лѣсами, о которыхъ лишь слабое понятіе могутъ дать нынѣ сохранившіеся лѣса на сѣв.-вос. Россіи, по берегамъ Печоры и Камы. Въ нихъ было много простора и приволья для всякаго звѣря и для всякой птицы, и, слѣдовательно, много было разнообразнаго матеріала для охоты.

Первыя историческія извѣстія о народахъ, жившихъ въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, характеризуютъ ихъ, какъ охотниковъ.

Геродотъ, греческій историкъ и путешественникъ V в. до Р. Х., первый посѣтилъ нашу страну и оставилъ свѣдѣнія о ея древнихъ обитателяхъ. Въ его время въ предѣлахъ южной Россіи жили скиѳы и сарматы, народъ кочевой, которому звѣроловство доставляло пищу и одежду, столь необходимую въ холодномъ климатѣ. Въ юго-восточной степной полосѣ (въ предѣлахъ нынѣшнихъ Воронежской, Саратовской, Симбирской и др. губерній) жили будины; «за степью, поворотя болѣе къ востоку (т. е. въ пріуральскомъ пространствѣ), обитали тиссагеты, народъ многочисленный и особый, питающійся звѣриною ловлей; по смежности съ ними жили ирки, тоже

звѣроловы». Описывая бытъ этихъ народовъ, Геродотъ замѣчаетъ, что всѣ они занимались охотой: «высмотрѣвъ звѣря съ вершины какого-либо дерева, они пускаютъ въ него стрѣлу, а потомъ, вскочивъ на коня, преслѣдуютъ его съ помощью собаки».

Другія извѣстія, относящіяся уже къ христіанской эрѣ и болѣе близкія къ началу нашей исторіи, передаютъ, что на сѣверѣ Россіи жили роксоланы, занимавшіеся грабежемъ и охотой (Марцелинъ), а по берегамъ «міотійскихъ болотъ», въ бассейнѣ Днѣпра и далѣе на с.-зап. жили унны или гунны, свирѣпое племя, занимавшееся исключительно охотой (Прискъ и Іорнандъ).

Арабскіе писатели Ибн-Хордаббе и Ибн-Хаукаль говорятъ объ обширной торговлѣ пушнымъ товаромъ, которую жители Руси вели на Румскомъ (Черномъ или Средиземномъ) морѣ.

Еще болѣе убѣдительное и наглядное подтвержденіе охотничьяго быта древнихъ обитателей Россіи даютъ намъ археологическія находки, такъ называемой «Чертомлыцкой могилы». «Толстая» могила, названная по имени рѣчки Чертомлыцкой, представляетъ громадный курганъ, находившійся къ с.-з. отъ мѣстечка Никополя, лежащаго на самомъ Днѣпрѣ (Екатеринославской губ. и уѣзда). При раскопкѣ этого кургана, въ Маѣ 1862 года, были открыты сложенные въ кучу, безъ всякаго порядка, различные предметы конскаго уздечнаго и др. прибора: перержавѣвшія желѣзныя удила (числомъ до 250), бронзовые баранчики, пуговицы, пряжки, запоны рѣзныя въ видѣ птичьей головы и наносники въ видѣ бюста какого-то животнаго. Подъ удилами лежали различныя бронзовыя вещи, изображавшія звѣрей и птицъ. Въ могилѣ найдено 5 мечей съ рукоятками, покрытыми чеканнымъ золотомъ; на четырехъ изъ нихъ грубой работой изображены грифоны и олени, а на пятой превосходно вычеканено изображеніе охоты. Въ одномъ изъ подземелій были открыты золотыя украшенія, съ изображеніями на нихъ оленей, зайцевъ и др. животныхъ, и тутъ же найденъ полуистлѣвшій остовъ собаки, быть можетъ

охотничьяго пса погребеннаго вождя. Въ глубинѣ подземелья открыта серебряная ваза, съ изображеніемъ двухъ грифовъ, терзающихъ оленя, и украшенная горельефными вызолоченными изображеніями сценъ изъ быта скиѳовъ, занятыхъ уходомъ за своими конями. Безъ сомнѣнія, здѣсь изображено самое существенное и важное дѣло изъ скиѳскаго быта, именно покореніе дикаго коня. Эта мысль развита съ замѣчательнымъ искусствомъ, и изящныя изображенія расположены въ томъ послѣдовательномъ порядкѣ, какимъ всегда сопровождалось это скиѳское степное занятіе. Изображенія расположены вокругъ вазы и составляютъ два особые и равные отдѣла: передній и задній. Начальный пунктъ художественной мысли и самаго дѣла находится по серединѣ этой задней стороны всей картины. Здѣсь двѣ лошади представлены еще на степной дикой свободѣ: онѣ пасутся въ степи. По сторонамъ изображено первое дѣйствіе ихъ покоренія человѣку: онѣ уже пойманы на арканъ скиѳами, которые стараются удержать, остановить ихъ на мѣстѣ. Фигуры лошадей и скиѳовъ изображаютъ сопротивленіе другъ другу: лошади



Серебряная ваза (Никопольская), съ изображеніемъ скиѳовъ.

стремятся убѣжать, скиѳы всѣми силами упираются, чтобы удержать ихъ. Такимъ образомъ, этотъ задній отдѣлъ картины, и съ правой, и съ лѣвой стороны, существенно выражаетъ одно: ловлю степного дикаго коня. Съ передней стороны вазы, на самой срединѣ, изображена картина усмиренія пойманной лошади, представлено усиліе трехъ скиѳовъ повалить на землю дикаго коня, чтобы взнуздать его. Два скиѳа, стоящіе впереди коня, тянутъ его веревками, одинъ за правую переднюю ногу, другой за обѣ заднія ноги, повидимому спутанныя; третій скиѳъ, стоящій позади, тоже тянетъ къ себѣ коня за лѣвую



Покореніе дикаго коня,
рельефъ на Никопольской серебряной вазѣ.

переднюю ногу. Группа слѣва показываетъ, что конь уже взнузданъ, и скиѳъ треножитъ его, подтягивая лѣвую переднюю ногу черезъ плечо коня къ правому поводу узды, съ цѣлью оставить его въ этомъ неестественномъ и неудобномъ положеніи, чтобы онъ самъ собою привыкъ слушаться узды. Группа справа показываетъ, что дикій конь уже спокоенъ, объѣзженъ, взнузданъ и осѣдланъ, и скиѳъ его треножитъ для отдыха.

Таковы данныя археологіи, которыя говорятъ намъ о древнѣйшей эпохѣ русской охоты.

Судя по даннымъ лѣтописей и другихъ письменныхъ источниковъ, наши предки называли охоту «ловами»: «ловы дѣяти» значило охотиться, «обловитися» значило имѣть большой успѣхъ на охотѣ.

Это названіе съ древнѣйшихъ временъ прочно держалось и въ письменномъ языкѣ, и въ употребленіи народномъ. Любопытна замѣна его современнымъ названіемъ «охота». Послѣднее названіе начинаетъ устанавливаться съ конца XV — начала XVI в., и эта замѣна въ названіяхъ произошла подъ вліяніемъ измѣненій въ самомъ характерѣ и значеніи охоты. «Ловы» выражаютъ мысль о матеріальной сторонѣ охоты, о желательномъ обиліи улова; «охота», напротивъ, указываетъ на настроеніе, на страстное хотѣніе «гнати по звѣрю», когда важно не то, сколько уловлено, но какъ и при



Ловля дикаго коня,
снимокъ съ фрески Кіево-Софійскаго собора, временъ Ярослава, XI стол.

какихъ обстоятельствахъ. Если для «ловца» важенъ обильный уловъ звѣрей или птицъ при наименьшей затратѣ силъ, то для «охотника», напротивъ, важенъ не матеріальный, количественный успѣхъ охоты, но тѣ ея условія, которыя даютъ пищу догадливости и проницательности охотника, его ловкости и смѣлости, и которыя обращаютъ охоту въ источникъ наслажденія; чѣмъ больше препятствій, тѣмъ пріятнѣй для охотника успѣхъ и выше его качество, а количественное выраженіе этого успѣха для истиннаго охотника на второмъ планѣ. Но если это такъ, то замѣна въ названіяхъ и должна была произойти въ то время, когда охота обратилась въ искусство, цѣль котораго было не столько удовлетвореніе первыхъ нашихъ нуждъ, какъ-то доставленіе себѣ пищи и одежды, сколько удовлетвореніе

свойственной человѣческой душѣ потребности въ наслажденіи. Правда, въ былинахъ Владимірова цикла встрѣчается названіе «охоты»: такъ, калики перехожіе, подходя къ Кіеву, встрѣчаются съ княземъ Владиміромъ, который «ѣздитъ за охотою»; но вѣдь извѣстно, что въ языкѣ былинъ, какъ и въ ихъ содержаніи, наблюдается цѣлый рядъ наслоеній позднѣйшаго происхожденія. Во всякомъ случаѣ замѣна слова «ловы» словомъ «охота» произошла не раньше XV вѣка; а къ этому, приблизительно, времени, повидимому, относится замѣтный упадокъ охоты, какъ промысла съ одной стороны, и возникновеніе нѣкоторой организаціи въ княжескихъ и царскихъ охотахъ съ другой.

XV — XVI в., вообще говоря, можно считать временемъ, когда охота княжеская измѣняетъ свой первоначальный характеръ добычливаго промысла и становится развлеченіемъ и забавой для князей.





Глава I.

Естественныя и бытовыя условія древней русской охоты.

Охота и охотничій промыселъ искони существовали на Руси. Неизвѣстно, когда наши предки исключительно занимались охотою, и въ какую пору они научились воздѣлывать землю. Устные и письменные источники нашей исторіи свидѣтельствуютъ о событіяхъ той эпохи, когда охота и земледѣліе у восточныхъ славянъ существовали уже совмѣстно. Въ виду прямыхъ и косвенныхъ свидѣтельствъ объ охотѣ, находимыхъ нами въ лѣтописяхъ, былинахъ, въ грамотахъ и актахъ различнаго содержанія, а также въ сказаніяхъ нѣкоторыхъ иностранцевъ, въ качествѣ пословъ или гостей, посѣтившихъ Россію въ XVI и XVII вв., едва ли возможно сомнѣваться въ томъ, что въ раннюю пору

3*

русской жизни охота за звѣрями и птицами была широко распространена по всей территоріи древней Руси. Охота давала нашимъ предкамъ средства удовлетворять ихъ несложнымъ и неприхотливымъ потребностямъ въ пищѣ и одеждѣ, и она же положила первое начало ихъ экономической дѣятельности.

По словамъ лѣтописи, наши предки жили въ лѣсахъ и питались птицами и звѣрями: «Древляне живяху звѣриньскимъ образомъ..... ядяху вся нечисто.... И Радимичи и Вятичи и Сѣверъ одинъ обычай имяху: живяху въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуще все нечисто» [1]. Въ этомъ отношеніи наши предки-славяне мало чѣмъ отличались отъ своихъ безпокойныхъ сосѣдей, полудикихъ кочевниковъ-Половцевъ, о которыхъ лѣтописецъ выражается такъ: «Ядуще мертвечину и всю нечистоту, хомѣки и сусолы» [2]. Въ лѣтописномъ преданіи объ основателяхъ Кіева разсказывается, между прочимъ, о томъ, что они ловили звѣрей въ тогдашнихъ густыхъ днѣпровскихъ лѣсахъ. «И быша три брата, единому имя Кій, а другому Щокъ, третьему Хоривъ, а сестра ихъ Лыбедь... и... сотвориша себѣ градокъ во имя брата своего старѣйшаго, якоже и бысть, и нарекоша имя ему градъ Кіевъ. И бяше же около града того лѣсъ и боръ великъ и бяху ловяще звѣрь» [3]. И такъ, по словамъ лѣтописнаго преданія, первые поселенцы Кіева занимались охотой. Многія лѣтописныя извѣстія положительно устанавливаютъ тотъ фактъ, что охота и звѣроловство въ IX—XVI вв. производились повсюду на всемъ пространствѣ отъ Бѣлаго моря до Днѣпра и отъ западныхъ границъ Руси до Урала и за Ураломъ. Угрюмый житель сѣвера былъ такимъ же страстнымъ охотникомъ-звѣроловомъ, какъ и подвижной южанинъ. Несознательный выборъ или личныя склонности дѣлали нашихъ предковъ охотниками, но властныя, хотя и безмолвныя, указанія природы, спорить съ которой у нихъ еще не было ни силъ, ни средствъ. Природа древней Руси во многомъ отличалась отъ нынѣшней. Теперь страна наша — земледѣльческая, и ея безчисленныя пашни, рас-

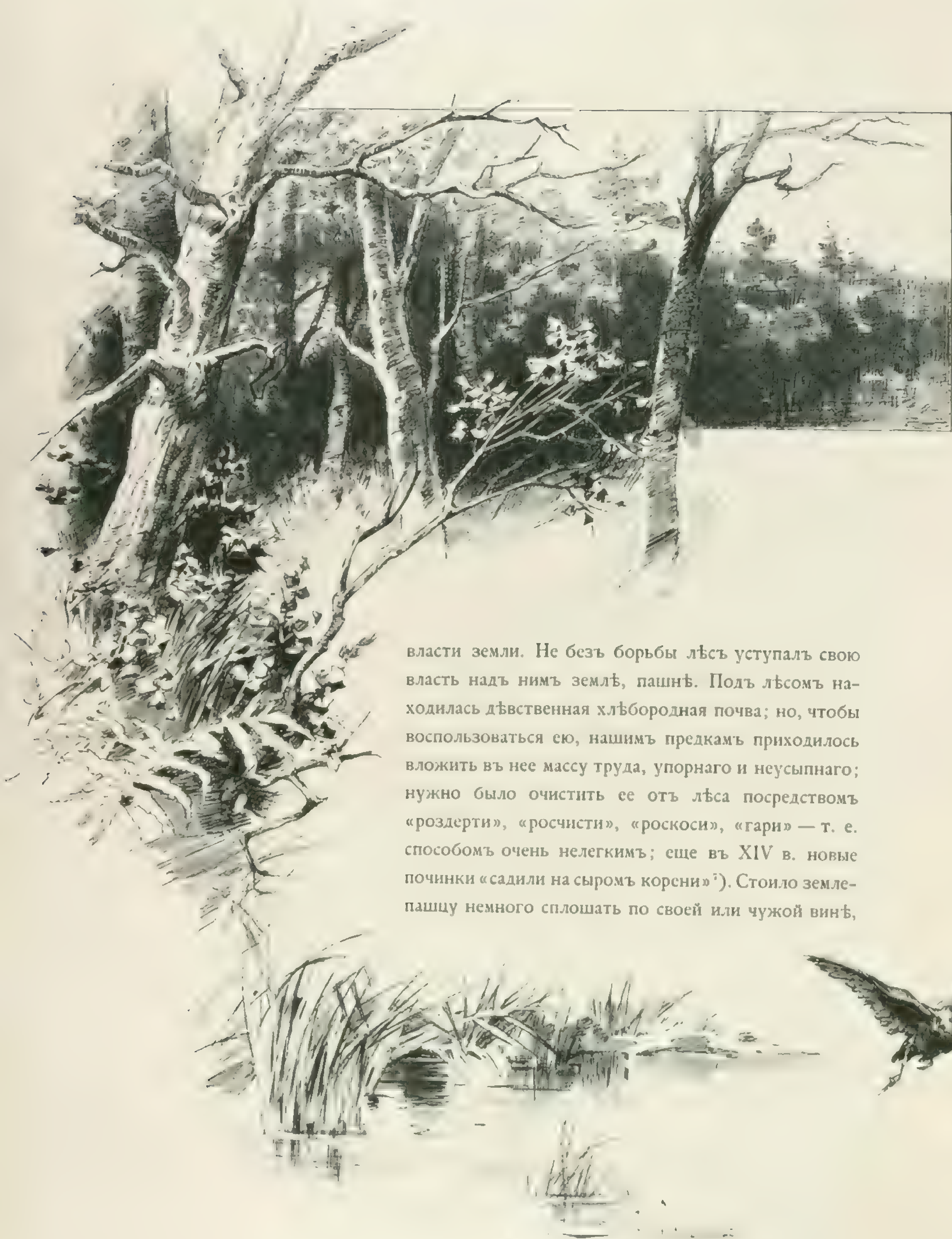
Карта Московіи Герберштейна, конца XV столѣтія, съ современной гравюры на деревѣ.

кинувшіяся вдаль и вширь по лицу земли нашей, кормятъ хлѣбомъ не одну Русь, но и другіе народы. А въ древнее время Русь была страною сплошныхъ лѣсовъ, болотистыхъ и непроходимыхъ, гдѣ легко погибала иногда цѣлая рать [4]). Тогда лѣсъ покрывалъ почти всю Русь. Спускался онъ съ Карпатовъ на сѣверъ въ низменности Припети, Березины, Вислы, Нѣмана, покрывалъ ихъ густою, непроходимой чащей, раскидывался онъ и на востокъ, съ тѣхъ же Карпатовъ за горы Риѳейскія, спускаясь на югѣ приблизительно до 48° с. ш. Здѣсь граница его, уклоняясь постепенно на сѣверъ, шла наперерѣзъ по верховьямъ Днѣстра, Южнаго Буга и Ингула до Днѣпра; перейдя затѣмъ на лѣвую его сторону, она сопровождала берега Сакмары, Волчьихъ водъ, пересѣкала верховья Калки, Берды, Міуса и направлялась къ устьямъ Донца; перекинувшись потомъ за Донъ, она поднималась вверхъ по этой рѣкѣ и шла къ тому мѣсту Волги, гдѣ въ послѣднюю впадаетъ Сарпа; далѣе она опять поднималась вверхъ по правой сторонѣ Волги до впаденія въ нее Иргиза, а затѣмъ, перейдя на лѣвый берегъ, направлялась параллельно Общему Сырту къ устью Сакмары и, перебросившись черезъ Уралъ, терялась въ степяхъ Азіи. На югъ отъ этой черты было царство степей, травянистыхъ въ низовьяхъ рѣкъ Днѣстра, Буга, Калки, Дона, и пустынныхъ въ низовьяхъ Волги. Итакъ, лѣсъ покрывалъ болѣе или менѣе плотно все пространство Россіи, заключавшееся приблизительно между 48° и 66° 30' с. ш. и 45° и 80° в. д., т. е. площадь приблизительно въ 3.500.000 квадратныхъ верстъ [5]). Насколько измѣнился съ тѣхъ поръ внѣшній видъ нашей страны, можно понять изъ того, что въ настоящее время подъ лѣсомъ Евр. Россіи только 157.600.000 десятинъ [6]).

Нашимъ предкамъ поневолѣ приходилось жить среди лѣсовъ. Въ лѣсу они родились, въ лѣсу жили, въ лѣсу и умирали. Онъ ихъ кормилъ и одѣвалъ, давая имъ все, что только могъ дать. Но за то они были во власти лѣса, такъ же какъ нынѣшній крестьянинъ во



Карта Московіи Якова Гастольди, конца XV столѣтія, съ современной гравюры на деревѣ.



власти земли. Не безъ борьбы лѣсъ уступалъ свою власть надъ нимъ землѣ, пашнѣ. Подъ лѣсомъ находилась дѣвственная хлѣбородная почва; но, чтобы воспользоваться ею, нашимъ предкамъ приходилось вложить въ нее массу труда, упорнаго и неусыпнаго; нужно было очистить ее отъ лѣса посредствомъ «роздерти», «росчисти», «роскоси», «гари» — т. е. способомъ очень нелегкимъ; еще въ XIV в. новые починки «садили на сыромъ корени»[1]). Стоило землепашцу немного сплошать по своей или чужой винѣ,

и лѣсъ снова бралъ верхъ надъ пашней: изъ «сыраго корня» быстро выростала молодая поросль, заглушала ниву и губила труды земледѣльца.

Такъ послѣ разоренія Курска, «окрестности и весь уѣздъ его веліемъ древесемъ проростоша и многимъ звѣрямъ обиталища быша»[8]). Вкладывая въ пашню массу труда и неусыпно блюдя за ней, земледѣлецъ, однако, не могъ быть увѣренъ въ томъ, что плоды ея достанутся ему. Въ древнее время часто нивы и села были жертвой набѣговъ половецкихъ или татарскихъ. Подъ 1093 годомъ лѣтописецъ говоритъ: «Се бо на ны Богъ попусти поганыя... сынове Измаилеви (т. е. Половцы) пожигаху села и гумна и многи церкви огнемъ запалиша... города вси опустѣша, села опустѣша; перейдемъ поля, идеже пасома бѣша стада конь, овця и волове, все тоще нынѣ видимъ, нивы поростше звѣремъ жилища быша» [9]). При такихъ условіяхъ вполнѣ естественно, что наши предки тяготѣли болѣе къ лѣсу, чѣмъ къ пашнѣ. Въ лѣсу стоило имъ закинуть тенета, поставить на путикѣ кляпцы или настороjжить пругла, и звѣрь или птица попадались въ ловушку. Въ тогдашнихъ лѣсахъ и болотахъ привольно было жить и плодиться всякому звѣрю и всякой птицѣ, и повсюду ихъ было великое множество. Ходили даже разсказы о томъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ звѣри падаютъ на землю изъ тучи, и простодушные предки вѣрили такимъ разсказамъ. «Еще мужи старіи ходили за Югру и Самоядь, яко видивши сами на полунощныхъ странахъ, спаде туча, и въ той тучи спаде вѣверица млада, аки топериво рожона, и възростъши и расходится по земли, и паки бываетъ другая туча, и спадаютъ оленци мали въ ней, и възростаютъ и расходятся по земли. Сему же ми есть послухъ посадникъ Павелъ Ладожскій и вси Ладожане» [10]). Чтобы дать представленіе объ изобиліи звѣрей въ древней Руси, мы приведемъ свидѣтельства о звѣряхъ сѣвера и юга, востока и запада.

На сѣверо-востокъ отъ Новгорода и Москвы лежали земли, богатыя пушными звѣрями: Югра, Печора, Заволочье и Пермь.

4

Югра сама говорила Новгородцамъ: «копимъ серебро и соболи и ино узорочье» [11]). Петрей де-Ерлезундъ говоритъ о жителяхъ Югры, что они «не имѣютъ ни пахотныхъ полей, ни луговъ, а живутъ въ пустыняхъ, какъ Лапландцы, и вмѣсто хлѣба употребляютъ въ пищу мясо дикихъ птицъ и звѣрей» [12]).





Лѣсистый печорскій край, населенный самоѣдами, былъ настоящимъ царствомъ звѣрей и птицъ. Здѣсь добывались самые лучшіе мѣха пушныхъ звѣрей. Герберштейнъ, Петрей де-Ерлезундъ, Мильтонъ (XVII в.) и др. [13]) свидѣтельствуютъ, что на Печорѣ въ изобиліи водились лучшіе соболи, прекраснѣйшія куницы, бобры, горностаи, бѣлые медвѣди, бѣлые и черные волки, черныя лисицы, лучшія и отборныя бѣлки, зайцы и другіе звѣри; изъ птицъ здѣсь встрѣчались соколы и кречеты, гуси и утки, куропатки, лебеди; кромѣ того, самоѣды, жившіе у самаго моря, охотились на моржей, зубы которыхъ цѣнились на вѣсъ серебра и шли преимущественно въ Турцію.

Жители Пермской области, по свидѣтельству Ерлезунда, питались мясомъ дикихъ птицъ и звѣрей [14]).

На востокѣ Руси были расположены земли: Мордовская, Муромская, Рязанская. Мѣха звѣрей Мордовской земли были извѣстны въ древности подъ именемъ буртасскихъ и очень дорого цѣнились. Арабскій писатель X в. Масуди писалъ: «черныя лисицы, привозимыя изъ земли Буртасовъ, составляютъ самые уважаемые и дорогіе мѣха; владѣтельныя особы дѣлаютъ изъ нихъ шапки и шубы и цѣнятъ ихъ весьма высоко» [15]). По сказанію другихъ арабскихъ писателей, кромѣ чернобурыхъ лисицъ, Мордовская земля была богата черными куницами и скіоскими соболями. Петрей де-Ерлезундъ такъ описываетъ Мордовскую и Черемисскую землю: «въ Мордовской и Черемисской землѣ не совсѣмъ-то хорошо ростетъ хлѣбъ: жители мѣняютъ свои драгоцѣнные мѣха русскимъ на хлѣбъ, водку, платье и сало. Въ лѣсахъ у нихъ водятся разные звѣри, птицы и въ изобиліи

4*

пчелы. Нѣкоторые изъ нихъ живутъ въ домахъ, нѣкоторые въ полѣ, шалашахъ и хижинахъ и большею частью кормятся отъ своихъ стадъ. Женщины такъ искусны и ловки, что стрѣляютъ изъ луковъ, какъ мужчины. Они пріучаютъ къ стрѣльбѣ и своихъ дѣтей съизмала и не прежде даютъ имъ обѣдать, пока они не попадутъ въ поставленную для стрѣльбы цѣль или мѣту» [16]). О Рязанской области есть указаніе у Герберштейна, что даже въ его время (XVI в.) она изобиловала птицами и дикими звѣрями [17]).

Въ южномъ краѣ Россіи, гдѣ начиналась степная полоса, обиліе звѣрей и птицъ было столь же значительно, какъ и въ сѣверо-восточной части ея. Архимандритъ Переяславскій Пименъ, совершившій въ 1389 году, съ подложною грамотою, свое путешествіе въ Царьградъ къ императору и патріарху за митрополитствомъ, такъ описывалъ берега Дона: «Бысть же сіе путное шествіе печально и унывливо: бяше бо пустыня зѣло всюду, не бѣ бо видѣти тамо ни что же, ни града ни села.... пусто же все и не населено; нигдѣ бо видѣти человѣка, точію пустыня велія и звѣрей множество: кози, лоси, волцы, бобры; и птицы: орлы, гуси, лебеди, журавли и проч.» [18]). Герберштейнъ также сообщаетъ, что на Дону «дичи множество и ее такъ легко добываютъ стрѣлами, что путешествующіе по тѣмъ мѣстамъ нуждаются только въ огнѣ и соли» [19]).

Южныя и юго-западныя области древней Руси изобиловали рѣдкими породами звѣрей. Въ Черниговской области, въ XII в., судя по духовной Владиміра Мономаха, водились въ большомъ количествѣ дикіе кони, туры, вепри, олени, лоси и волки [20]). Въ Волынской области упоминаются кабаны и медвѣди. Вообще, въ юго-западной Руси звѣря и дичи было великое множество, какъ это можно видѣть изъ путевыхъ записокъ Михалона Литвина. По его словамъ, даже въ первой половинѣ XVI в. тамъ было «такое множество звѣрей въ лѣсахъ и степяхъ, что дикіе волы (bisontes), дикіе ослы (anagri) и олени убиваются только для кожи, а мясо

бросается; козъ и кабановъ оставляютъ безъ вниманія. Газелей такое множество перебѣгаетъ изъ степей въ лѣса, а лѣтомъ въ степи, что каждый крестьянинъ убиваетъ тысячи. На берегахъ живетъ множество бобровъ. Птицъ удивительно много, такъ что мальчики весною наполняютъ лодки яйцами утокъ, дикихъ гусей, журавлей, лебедей и потомъ ихъ выводками наполняются птичьи дворы. Орлятъ запираютъ въ клѣтки для перьевъ къ стрѣламъ» [21]). Безъ сомнѣнія, это свидѣтельство Михалона не вполнѣ достовѣрно: количество звѣрей и птицъ очевидно въ немъ преувеличено, но характерно и самое преувеличеніе, ибо оно вызвано дѣйствительно изумительнымъ обиліемъ звѣрей и дичи юго-западной окраины древней Руси.

Литва въ началѣ XVI в., по словамъ Герберштейна [22]), была богата бизонтами, буйволами и лосями; а по свидѣтельству другого писателя того же времени, въ ней водились цѣлыя стада дикихъ быковъ, множество бѣляковъ (зайцевъ) и лисицъ, изъ птицъ преимущественно куропатки, продававшіяся около 1 ½ копѣекъ за штуку [23]).

Въ Полоцкой области было много бобровъ [24]), а въ Смоленской водились куницы, лисицы, лоси и часто встрѣчались тетерева [25]).

Не обижена была звѣрями и дичью и центральная полоса древней Руси; но здѣсь птицъ водилось больше, чѣмъ звѣрей. Ерлезундъ говоритъ, что «въ Московской землѣ изъ дикихъ птицъ водятся: дрохвы, глухари, тетерева, лѣсныя куропатки, дикія утки, ястреба, рябчики, сѣдоголовые и обыкновенные дрозды, кулики, жаворонки, сороки, голуби и много другихъ» [26]). Встрѣчались здѣсь,



однако, лоси, медвѣди, волки и зайцы. Въ 1552 году, во время похода Іоанна Грознаго на Казань, царское войско, идя изъ-подъ Тулы дремучими лѣсами и пустынями, питалось дикими звѣрями, птицею и рыбою. «Мы не имѣли запасовъ съ собою», — пишутъ очевидцы этого похода — «вездѣ природа до наступленія поста готовила для насъ обильную трапезу. Лоси являлись стадами, рыбы толпились въ рѣкахъ, птицы сами падали на землю предъ нами» [27]), — и такъ, говоритъ кн. Курбскій, «Господь пропиталъ насъ и войско, ово рыбами, ово иными звѣрьми» [28]).

Приведенныя свидѣтельства даютъ намъ полное право сказать, что съ IX по XVI в. Русь, во всѣхъ своихъ областяхъ и мѣстностяхъ, была чрезвычайно богата звѣрями и птицами. Въ ея дремучихъ лѣсахъ жили, плодились и множились пушные звѣри, одѣтые въ красивые, мягкіе, дорогіе мѣха; водились въ нихъ и рѣдкія животныя, въ родѣ зубровъ и туровъ; въ степяхъ встрѣчались дикіе кони, не знавшіе узды и всадника; и повсюду стаями попадались птицы самыхъ разнообразныхъ породъ. Русскій человѣкъ со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ звѣрями, но нельзя сказать, чтобы это сосѣдство было для него всегда удобно или пріятно. Иногда эти четвероногіе сосѣди дѣлали набѣги на селенія и производили въ нихъ общую панику. Иностранцы, посѣщавшіе Русь, разсказывали, что въ зимнюю холодную пору звѣри, гонимые изъ





лѣсовъ морозомъ и стужей, врывались въ дома жителей, а тѣ отъ страха разбѣгались и мерзли около своихъ жилищъ, не рѣшаясь выпроводить изъ нихъ назойливыхъ гостей [29]).

Бывали отъ нихъ и другія бѣды; лѣтопись подъ 1430 годомъ отмѣчаетъ такой фактъ: «въ Смоленьсцѣ явися волкъ голъ безъ шерсти, и много людей ѣлъ» [30]). Но всѣ эти неудобства и непріятности вполнѣ искупались тѣми выгодами, какія наши предки извлекали изъ этого обилія звѣрей и птицъ. При малочисленности удобныхъ для пашни земель, обиліе звѣрей и дичи дѣлалось основнымъ источникомъ народнаго хозяйства, а охота и звѣроловство — главнымъ занятіемъ тогдашняго населенія. Охота удовлетворяла личныя и общественныя нужды нашихъ предковъ и совмѣщала въ себѣ эстетическое наслажденіе и прямую выгоду. Эта мысль прекрасно оттѣнена въ духовной Владиміра Мономаха; дивясь обилію звѣрей и птицъ, наполняющихъ поля и лѣса, Мономахъ говоритъ: «Все же то далъ Богъ на угодье человѣкомъ, на снѣдь и на веселье» [31]).



Нападеніе медвѣдей на проѣзжающихъ,
съ современной гравюры начала XVII столѣтія.

Мѣха звѣрей, массами истреблявшихся на ловляхъ и охотахъ, составляли главное богатство народа: за удовлетвореніемъ личныхъ потребностей, все остальное количество добывавшихся мѣховъ частію шло на уплату дани, а частію на торговые обороты.

Мѣховую дань предки наши платили вначалѣ Варягамъ и безпокойнымъ кочевникамъ юга, затѣмъ собственнымъ князьямъ и впослѣдствіи завоевателямъ-татарамъ. «Имаху дань Варязи, приходяще изъ Заморья на Чуди и на Словенѣхъ и на Мѣряхъ и на всѣхъ и



Нападеніе медвѣдей на домашній скотъ,
съ рисунка А. Брандта — начала XVII столѣтія. Собраніе П. Я. Дашкова.

на Кривичѣхъ; а Козаре имахуть на Полянехъ и на Сѣверехъ и на Вятичѣхъ, имаху по бѣлѣ и вѣверицѣ тако отъ дыма» [32]).

Олегъ обложилъ Древлянъ и Сѣверянъ мѣховою данью: «Иде», говоритъ лѣтопись, «Олегъ на Древляны и Сѣверы, и възложи дань на нихъ по чернѣ кунѣ» [33]). Татары, завоевавъ Русь, обложили все населеніе поголовною мѣховою данью: всякій, не исключая младенцевъ, долженъ былъ давать по шкурѣ бѣлаго или чернаго медвѣдя, чернаго бобра, чернобурой лисицы, соболя и хорька или дохона [34]).

5



Несомнѣнно, однако, что самая громадная часть мѣховой добычи употреблялась на продажу. Въ средніе вѣка въ Европѣ господствовала мода на мѣховыя одежды; поэтому спросъ на мѣха былъ очень большой.

Русскіе продавали мѣха и въ Европу, и азіатскимъ народамъ. «Скора» или шкуры звѣрей были главнымъ предметомъ нашего вывоза и мѣновой торговли: черезъ Новгородъ мѣха шли въ Ганзейскіе города; по великому пути «изъ Варягъ въ Греки», т. е. по Днѣпру въ Царьградъ, мѣха отправлялись въ Грецію; по такъ называемому «залозному пути», лежавшему по Днѣстру и черезъ Галицію, мѣха продавались въ Венгрію и Богемію; по «солоному» пути черезъ Донъ въ Крымъ мѣха доставлялись въ г. Судакъ, куда съѣзжались купцы разныхъ странъ, наконецъ, по Волгѣ мѣха шли въ Болгары и Итиль, а отсюда развозились въ Берду, Дербентъ, Багдадъ и далѣе въ Азію.

Въ обмѣнъ на свои мѣха, Русскіе получали изъ Европы преимущественно серебро, золото, шелковыя ткани, одежды и пряности, изъ Азіи оружіе, атласныя ткани, камки, иногда хлѣбъ и рѣдкія овощи и пряности. О размѣрахъ мѣхового вывоза можно судить по слѣдующему факту: въ царствованіе царя Ѳеодора Іоанновича, т. е. во времена болѣе или менѣе позднѣйшія, за границу отпускали до 10.000 кожъ лосьихъ, оленьихъ и др. ежегодно [35]), а общая стоимость мѣхового вывоза достигала тогда солидной суммы 500.000 рублей.

Мѣховая дань и мѣховая торговля существовали, благодаря охотѣ за звѣрями; но, въ свою очередь, онѣ вліяли на охоту, дѣлая ее повсемѣстной, возбуждая къ ней энергію русскаго народа. Такимъ образомъ, малочисленность пахатныхъ земель, безмѣрное обиліе звѣрей и птицъ, мѣховая дань и торговля мѣхами—вотъ причины повсемѣстной охоты въ древней Руси. Охотились мужчины и даже женщины. Въ древнюю пору русская охота имѣла характеръ преимущественно промысловый, добычливый; но съ теченіемъ времени, когда человѣкъ сталъ побѣждать дѣвственную русскую природу, когда дичь стала



уменьшаться въ количествѣ, охотникъ-промышленникъ начинаетъ уступать свое мѣсто охотнику-любителю. Впрочемъ, и въ древнюю пору, на ряду съ охотой «прибытка ради» [36]), существовала также и охота ради удовольствія и забавы: русскіе князья и тогда уже охотились «утѣху себѣ творяще» [37]).

Соотвѣтственно этимъ двумъ типамъ охотниковъ, можно и звѣрей древней Руси раздѣлить на двѣ группы: промысловыхъ и охотничьихъ; за первыми охотились ради ихъ дорогихъ мѣховъ, за вторыми — по страсти къ сильнымъ ощущеніямъ, какими сопровождалась всегда эта охота.

Первая группа состояла изъ слѣдующихъ звѣрей: соболи, куницы, бобры, лисицы, выдры, песцы и зайцы, горностаи, хорьки, медвѣди, волки, рыси, барсуки, россомахи, векши (вѣверицы), норки, сурки («хомѣки»); а ко второй группѣ принадлежали: вепри или кабаны, лоси, олени, дикія козы, серны, сайгаки (иначе называвшіеся солгаками и сейгаками), зубры, туры и дикіе кони. Чтобы полнѣе представить картину древне-русской фауны, перечислимъ здѣсь также и птицъ, существовавшихъ на Руси и имѣвшихъ отношеніе къ охотѣ: соколы, кречеты и ястреба были ловчими птицами, и съ ними охотились на лебедей, журавлей, гусей, утокъ, чернедей (чирковъ), гоголей (или гагъ), тетеревовъ, рябчиковъ, крастелей и перепелокъ.

Въ теченіе вѣковъ русская фауна, конечно, должна была измѣниться. Прошли тѣ времена, когда Владиміръ Мономахъ могъ ловить по 10 и 20 дикихъ коней или охотиться на туровъ, когда бобры возводили свои замысловатыя постройки на рѣкахъ почти всей Руси. Воспоминаніе объ этихъ животныхъ сохранилось только въ названіяхъ рѣкъ, селъ и городовъ: напр., рѣка Тура, гор. Туровъ, Бобровъ, Бобруйскъ, рѣка Бобръ, Бобрина и т. п.

Хотя звѣрями и птицами были богаты всѣ мѣста древней Руси, однако, у каждой породы звѣрей были свои излюбленныя мѣста, наиболѣе отвѣчавшія, по своимъ условіямъ, природѣ, нравамъ и образу

5*



жизни того или другого звѣря. Въ настоящее время трудно возстановить съ большою точностью географическія границы распространенія извѣстныхъ породъ въ древней Руси; опираясь на скудныя извѣстія памятниковъ нашей письменности, можно лишь съ приблизительною вѣрностью обозначить эти границы [33]). Общая картина разселенія звѣрей въ древней Руси такова: сѣверо-восточный край былъ занятъ преимущественно промысловыми звѣрями, юго-западный — преимущественно охотничьими, а въ центральной полосѣ обитали и тѣ, и другіе.

Соболь въ группѣ промысловыхъ звѣрей сѣверо-восточнаго края занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Коренная родина соболя — сплошные нагорные лѣса центральной Сибири, но въ древнее время онъ обиталъ во всей сѣверо-восточной части Руси, а 200 лѣтъ тому назадъ онъ водился во всей Пермской губерніи и въ восточной части губерній Вятской, Вологодской и Архангельской. Въ XVI в. иногда встрѣчался въ сѣверо-западной части, хотя слѣдуетъ думать, что въ эту сторону случайно заходили лишь отдѣльные экземпляры. «По сю (т. е. западную) сторону Устюга и Двинской области соболей находятъ весьма рѣдко» — говоритъ Герберштейнъ — «но около Печоры ихъ много и притомъ превосходнѣйшихъ... у каменнаго пояса (Урала) самоядь ловитъ много соболей... а на самомъ каменномъ поясѣ, гдѣ растутъ кедры, водится самый черный соболь» [39]).

Судя по свидѣтельству Ибн-Фоцлана и Истахари о томъ, что мѣха соболей въ ихъ время доставлялись «изъ земли Визу», можно думать, что въ IX в. соболь водился въ области рѣкъ Мологи и Шексны. О существованіи соболя въ западной полосѣ говорятъ только былины; но это показаніе не находитъ себѣ подтвержденія въ другихъ данныхъ. Основываясь на немногихъ свидѣтельствахъ о распространеніи соболя, можно утверждать, что соболь въ древности не спускался юго-западнѣе черты, проведенной отъ верховьевъ Невы и Волги до верховьевъ Мокши и Суры. Въ настоящее время соболь встрѣчается иногда въ верховьяхъ Печоры и на сѣверо-западномъ склонѣ Уральскаго хребта, но какъ рѣдкій и желанный гость; вообще теперь можно принять хребетъ Урала отъ 64° с. ш. до 58° с. ш. за западную границу распространенія соболя, которую, однако, нельзя назвать устойчивой: тѣснимый соболь все болѣе и болѣе удаляется къ востоку, изъ низменныхъ лѣсовъ въ горную тайгу сѣверной Азіи [40]).

Въ древнее время соболей добывалось великое множество. Карамзинъ говоритъ, что въ XVI в. ихъ добывалось ежегодно до 50.000 сороковъ, т. е. до 2.000.000 штукъ. Въ 1594 г. Борисъ Годуновъ отправилъ въ Вѣну 40.360 соболей. При такомъ обиліи, цѣна ихъ тогда была невысока. Въ XVI в. дикари Біарміи (Пермскаго края) давали за топоръ столько соболей, сколько пролѣзетъ ихъ въ проушину его; а Камчадалы платили за ножъ 6 соболей, а за желѣзный котелъ — сколько въ него входило, да при этомъ еще и смѣялись надъ легкомысліемъ продавцевъ. Въ торговлѣ было три сорта соболей: добрые, средніе и плохіе; низшій сортъ соболей назывался «недособли». Продавались цѣлые мѣха и отдѣльно собольи лапки, брюшки, душки, хвосты; брюшки, душки и лапки продавались парами и сороками (20 паръ), а хвосты всегда отдѣльно.

Иностранцы покупали соболей сороками или «циммерами». Во времена Ермака сорочекъ соболей стоилъ 28 рублей. Въ концѣ



Изображеніе Камчадала, изъ изданія Путешествія Избранта Идеса.

XVI в. соболи, стоившіе въ Перми 10 рублей за сорочекъ, въ Холмогорахъ продавались по 25 рублей. Собольи хвосты цѣнились отъ 3 алтынъ 2 денегъ до 10 алтынъ за штуку или отъ 6 до 18 р. за сорочекъ [41]).

Въ домашнемъ обиходѣ мѣха соболей употреблялись на шубы, шапки и одѣяла. Въ 1328 г. Иванъ Калита завѣщалъ своему сыну «бугай соболій съ наплечки». О собольихъ одѣялахъ мы узнаемъ изъ посланія Даніила Заточника неизвѣстному князю (1199): (можно догадываться, что это былъ Новгородскій князь Ярославъ Владиміровичъ, княжившій съ 1182 по 1199 г.) «егда ляжеши на мягкихъ постеляхъ подъ собольими одѣялы, а мене помяни, господине, подъ

единымъ платномъ лежаще, зимою умирающе и каплями дождевыми, яко стрѣлами, пронизающе». Ибн-Фоцланъ видѣлъ, какъ Русскіе при погребеніи на мертваго надѣвали соболью шапку [42]). Въ былинахъ щеголь Владиміръ описывается въ такомъ нарядѣ: «кунья шубонька на одно плечо, шапочка соболья на одно ушко» [43]). Собольими хвостами украшались иногда головы лошадей.

Болѣе распространеннымъ пушнымъ звѣремъ, чѣмъ соболь, была куница, которая водится какъ въ хвойныхъ, такъ и въ лиственныхъ лѣсахъ, тогда какъ соболю нуженъ хвойный лѣсъ. Куница водилась въ средней части бассейна Днѣпра, въ лѣсахъ по берегамъ Зап. Буга, Бобра, Нарева, по берегамъ Нѣмана, Березины и Припети, по верховьямъ Зап. Двины, въ бассейнѣ Суры и Мокши и въ волжскихъ лѣсахъ и спускалась на югѣ до границы лѣсовъ [44]). Къ XVI вѣку границы распространенія ея начинаютъ съуживаться, и куницъ становится все меньше и меньше. Лучшими куницами считались башкирскія; въ торговлѣ куницы раздѣлялись на лѣсныхъ и каменныхъ. Куньи мѣха въ XVI в. продавались также сороками, въ видѣ цѣльныхъ шкурокъ, и только куньи хвосты продавались отдѣльно; цѣна сорочку куницъ была 13 рублей. Въ раннюю пору куньи шкурки служили ходячей монетой; куньи мѣха употреблялись на шубы, преимущественно въ средѣ людей небогатыхъ, но достаточныхъ. Впрочемъ, куньи шубы носились и богатыми; проповѣдникъ XII в. такъ обличаетъ богача: «ты облачишися и ходиши въ паволоцѣ и въ кунахъ, а убогый руба не имать на тѣлеси» [45]).

Бобры, уцѣлѣвшіе нынѣ только въ Минской губерніи, въ древней Руси водились повсюду. Въ лѣтописяхъ и въ особенности въ жалованныхъ грамотахъ и въ писцовыхъ книгахъ часто упоминаются «бобровые гоны» и «зеремяна», т. е. мѣста поселенія, колоніи бобровъ. Бобры водились по рѣкѣ Сурѣ, т. е. въ предѣлахъ нынѣшнихъ губерній Нижегородской, Пензенской, Симбирской, въ бассейнѣ Западной Двины, т. е. въ Полоцкой и Смоленской областяхъ, и въ

бассейнѣ Дона; на югѣ, такимъ образомъ, бобры спускались до границы лѣсовъ. Бобры раздѣлялись на настоящихъ и кошлоковъ, а по цвѣту были черные, чернокаріе, каріе и рыжіе; лучшими считались черные. Въ торговой книгѣ XVI в. обычная рыночная цѣна черному бобру показана два рубля. Продавалась также бобровая струя, имѣвшая медицинское употребленіе, и пудъ ея въ XVI в. стоилъ 3 р.; кромѣ того, изъ бобровъ вычесывали шерсть, которую продавали во Францію, гдѣ изъ нея дѣлали шляпы. Изъ шкуры бобровъ въ старину дѣлали колчаны («тулы бобровые»); ими же отдѣлывались женскія шубки, какъ это можно видѣть изъ плача Ярославны въ «Словѣ о Полку Игоревѣ»: «полечу зегзицею (лѣсной голубкой) по Дунаеви, омочу бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ» [46]), или какъ это передано въ русскомъ стихотворномъ переводѣ:

«Я быстрѣй лѣсной голубки
По Дунаю полечу
И рукавъ бобровой шубки
Я въ Каялѣ омочу,
Князю милому предстану
И на тѣлѣ на больномъ
Окровавленныя раны
Оботру тѣмъ рукавомъ».

Лисицы были распространены по всей Россіи; но лучшія чернобурыя водились въ Мордовской землѣ. Въ продажѣ существовало семь сортовъ лисицъ: черныя, чернобурыя, черночерёвыя, бурыя, сиводушчатыя, бѣлыя [47]) и красныя. За мѣхъ чернобурой лисицы въ XVI в. платили отъ 30 до 40 червонцевъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Рафаэль Барберини, жившій въ XVI в. по торговымъ дѣламъ въ Москвѣ. Простыя лисицы продавались сотнями, и сотня въ XVI в. стоила только два рубля. Лисьи мѣха на Руси были въ большемъ употребленіи и въ особенности на мужскія шапки.



Охота на бѣлокъ, съ рисунка А. Брандта, начала XVII столѣтія. Собраніе П. Я. Дашкова.

О горностаяхъ извѣстій очень мало; можно думать, что этотъ звѣрекъ преимущественно водился въ сѣв.-в. Руси и въ Сибири. Горностаи въ XVI в. продавались по 3—4 деньги за штуку и вывозились преимущественно въ Испанію. Горностаевый мѣхъ употреблялся на украшеніе одежды и платья; дѣлались изъ него и шубы. Сохранилась шапочка Новгородскаго архіеп. Никиты (1108) изъ синей шелковой ткани, опушенная горностаемъ. На царскія

6

мантіи горностай въ древнее время не употреблялся; всего чаще изъ него дѣлалась опушка на женскихъ платьяхъ и накладка снизу до колѣнъ [48]). Уже въ позднѣйшее время художники начали изображать благовѣрную княгиню Ольгу, равноапостольнаго князя Владиміра и другихъ князей, преимущественно угодниковъ, въ горностаевыхъ мантіяхъ. Цѣнность горностаевыхъ мѣховъ стала быстро возрастать съ XVII в., когда китайцы стали дѣлать большія закупки горностая.

Остальные промысловые звѣри: медвѣди, волки, барсуки, россомахи, зайцы, бѣлки, рыси и др. водились по всей территоріи древней Руси. Медвѣжьи шкуры продавались въ XVI в. по 20 алтынъ за штуку; употреблялись на шубы, санныя полости и рукавицы. Джонъ Мильтонъ говоритъ, что «Русскіе ѣздили зимою въ саняхъ, сидя на коврѣ или шкурѣ бѣлаго медвѣдя; шея впряженной лошади убиралась множествомъ волчьихъ или лисьихъ хвостовъ» [49]). «Убранствомъ головы лошади служили также и собольи хвосты» [50]). Послу императора Римскаго Максимиліана II къ царю Іоанну IV, Перштейну, посѣтившему Москву въ 1575 г., Грозный «подарилъ сани и чудную бѣлую лошадь, украшенную шкурою бѣлаго медвѣдя» [51]). Волки продавались въ XVI в. у Двинскаго порта отъ 1 рубля 3 алтынъ до 1 рубля 11 алтынъ. Въ XIII в. изъ волчьихъ шкуръ дѣлались шлемы, какъ равно и изъ барсуковыхъ шкуръ («прилбицы»). Бѣлка была самымъ



употребительнымъ мѣхомъ; добывалась она повсюду, но лучшими бѣлками были устюжскія и вологодскія, а самыя лучшія сибирскія. Лучшіе бѣличьи мѣха были съ краснымъ отливомъ — «прокрасные», худшіе молочнаго цвѣта. Продавались бѣличьи мѣха тысячами, и тысяча въ XVI в. стоила въ Холмогорахъ 40 ефимковъ [62]). Изъ бѣличьихъ мѣховъ преимущественно шились шубы и вообще теплыя одежды, но они шли также и на украшеніе женскихъ нарядовъ. Лучшіе зайцы водились въ крымскихъ степяхъ, назывались русаками и были свѣтлосѣраго цвѣта.

Такимъ образомъ, большая часть промысловыхъ дорогихъ звѣрей принадлежала сѣверо-восточной Руси и Сибири; изъ послѣдней въ царствованіе царя Ѳеодора Іоанновича ежегодно доставлялось въ казну 200 т. соболей, 10 т. черныхъ лисицъ и 500 т. бѣлокъ.

Изъ группы охотничьихъ звѣрей распространеннѣе другихъ были вепри или кабаны. Нынѣ они живутъ только въ Литвѣ и на Кавказѣ, а въ древнее время водились почти повсюду. На сѣверѣ они заходили гораздо выше Новгорода; такъ въ договорной грамотѣ Новгорода съ вел. кн. Ярославомъ Ярославичемъ Тверскимъ въ 1265 (и послѣ въ 1307—8 и 1326 г.) сказано: «а свиньи ти, княже, бити за 60 верстъ отъ города» [63]); на востокѣ попадались въ Рязанскомъ княжествѣ, но въ большемъ изобиліи встрѣчались на югѣ, въ Черниговскомъ княжествѣ и на югѣ-западѣ, въ Галиціи. Охота на вепрей всегда была сопряжена съ большими опасностями: вепрь, даже тяжело раненый, защищается свирѣпо и отчаянно. «Вепрь ми на бедрѣ мечь отялъ (оторвалъ)», говоритъ Владиміръ Мономахъ.

Лоси спускались гораздо южнѣе, чѣмъ нынѣ: водились они въ бассейнѣ Дона и въ бассейнѣ Десны, а на сѣверѣ встрѣчались по верховьямъ Волги.

Объ оленяхъ въ древнихъ памятникахъ упоминается рѣдко. Изъ поученія Владиміра Мономаха мы знаемъ, что въ его время олени водились въ Черниговскомъ княжествѣ, а по свидѣтельству Михалона Литвина въ XVI в. ихъ много было и въ Литвѣ.

6*

5

Договорная грамота Новгорода съ Вел. Кн. Тверскимъ Михаиломъ Александровичемъ, 1305—1308 г.

Въ южныхъ степяхъ кочевалъ стадами сайгакъ, о которомъ Герберштейнъ говоритъ слѣдующее: «въ степяхъ Борисѳена (Днѣпра), Танаиса (Дона) и Ра (Волги) есть лѣсная овца, которую поляки называютъ солгакъ, а московиты сейгакъ; величиною съ молодого козла, только ноги покороче, рога у нея высокіе, длинные и рубчатые; изъ нихъ московиты дѣлаютъ рукоятки для ножей; сайгаки весьма быстры на бѣгу и очень высоко прыгаютъ» [54]). Вѣроятно, Михалонъ Литвинъ говоритъ именно о сайгакахъ, ошибочно называя ихъ газелями, что «въ Литвѣ ихъ такое множество перебѣгаетъ зимою изъ степей въ лѣса, а лѣтомъ въ степи, что каждый крестьянинъ убиваетъ ихъ тысячи». Сайгачьи шкуры и рога были предметомъ торговли.

Въ лѣсахъ юго-западной Руси водились туры или дикіе быки, окончательно вымершіе, по словамъ Брема, въ началѣ XVII в. Во времена Герберштейна на Руси ихъ уже не было, но въ Литвѣ они еще встрѣчались, хотя и не въ изобиліи. Герберштейнъ такъ описываетъ туровъ: «Это въ самомъ дѣлѣ лѣсные быки, нисколько не отличающіеся отъ домашнихъ, развѣ только тѣмъ, что они всѣ черные и имѣютъ бѣлую полосу вдоль хребта. Ихъ не очень много, и на нѣкоторыя деревни возложенъ уходъ за ними; наблюдають за ними также почти, какъ въ звѣринцахъ... Король Сигизмундъ подарилъ мнѣ, когда я былъ посломъ у него, одного выпотрошеннаго быка, котораго добили охотники, когда онъ полуживой былъ выгнанъ изъ стада... Извѣстно, что пояса изъ буйволовой кожи цѣнятся, и въ народѣ вѣрятъ, что опоясываніе ими помогаетъ въ родахъ. По этой причинѣ королева Бона, мать Сигизмунда Августа, подарила мнѣ два такихъ пояса, изъ которыхъ одинъ благосклонно приняла отъ меня въ подарокъ моя пресвѣтлѣйшая Государыня Королева Римская» [55]). Въ древнихъ памятникахъ туръ представляется животнымъ весьма сильнымъ, смѣлымъ и свирѣпымъ. «Тура мя два метала на розѣхъ и съ конемъ», говоритъ Владиміръ Мономахъ. Въ народной поэзіи туръ служитъ любимымъ образомъ для сравненія: былины сравни-

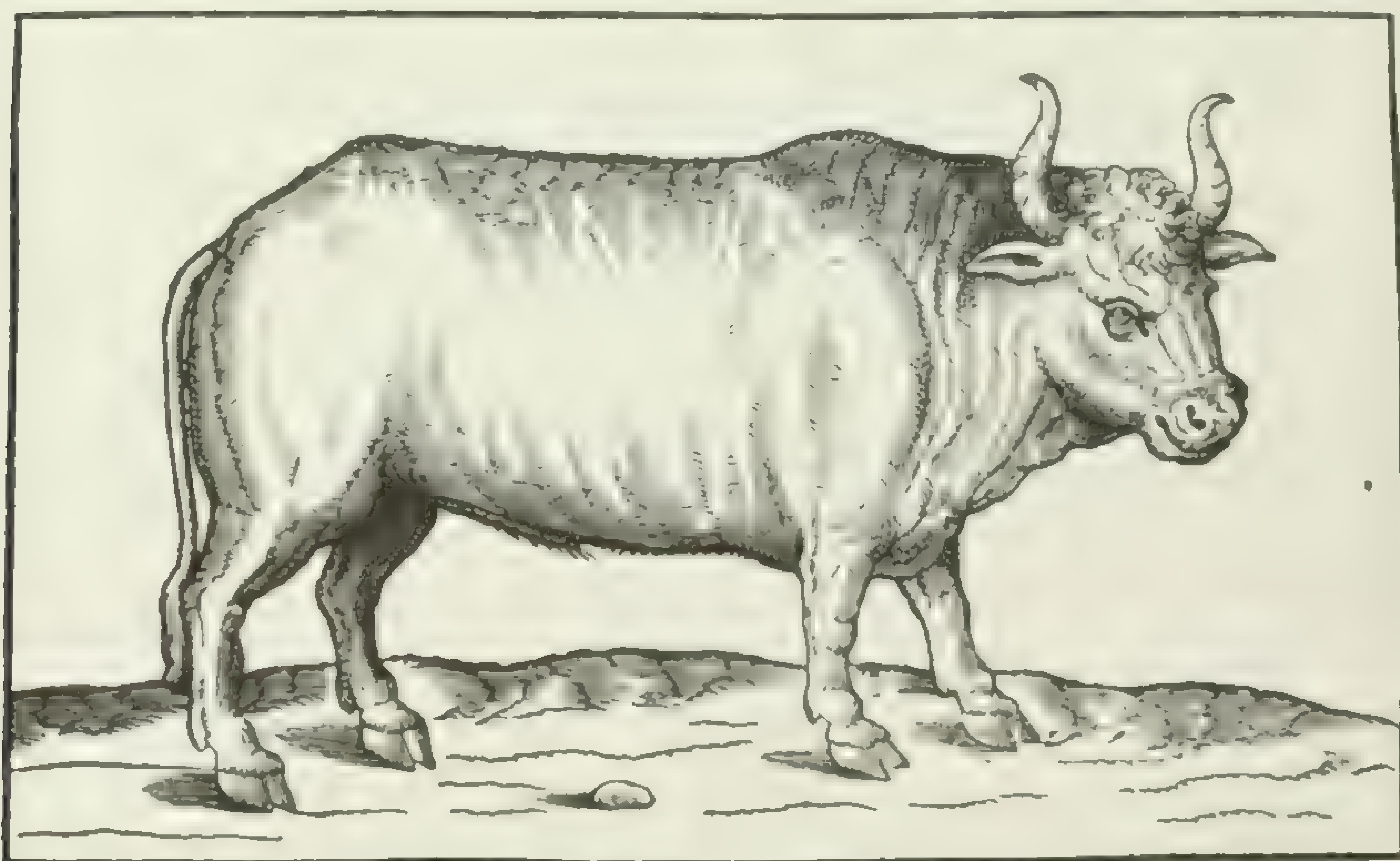


Облава на оленей въ Литвѣ,
съ голландской гравюры начала XVII столѣтія.

ваютъ съ туромъ богатырей, а слово о Полку Игоревѣ называетъ князя Всеволода «буй-туромъ». Въ памятникахъ XIV столѣтія находимъ свѣдѣнія объ употребленіи турьихъ роговъ, какъ сосудовъ для напитковъ. При упоминаніи о вѣрованіи въ божество Переплута встрѣчаемъ фразу: «Иже вертячеся пьютъ ему въ розѣхъ» (турьихъ) [50]).

Другимъ рѣдкимъ звѣремъ былъ зубръ; водились ли зубры въ предѣлахъ древней Руси, объ этомъ прямыхъ указаній памятники не даютъ, и въ лѣтописяхъ о зубрахъ вовсе не упоминается; можетъ быть, впрочемъ, что наши предки подъ названіемъ «тура» иногда разумѣли тура въ собственномъ смыслѣ, а иногда зубра. Но если зубры и водились въ предѣлахъ древней Руси, то это во всякомъ случаѣ было въ раннюю эпоху, не позже конца XII в. Уже въ XI в.

польскіе короли запрещаютъ охоту на зубра подъ страхомъ смертной казни, несомнѣнно изъ желанія сохранить эту рѣдкую породу. Подъ конецъ XII в. зубръ становится уже большою рѣдкостью и встрѣчается только около Кракова, Сандомира, Радома, Варшавы и въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи. По свѣдѣніямъ Люстраціи 1533 г., зубры еще водились въ царствѣ Польскомъ въ пущѣ Jaktorowskiej, имѣвшей въ



Изображеніе Тура, съ гравюры на деревѣ, конца XV столѣтія, Путешествіе Герберштейна по Россіи.

длину 20 верстъ и въ ширину 14; здѣсь-то, вѣроятно, и видѣлъ ихъ Герберштейнъ. Онъ такъ описываетъ ихъ: «бизонтъ съ гривой; шея и плечи косматыя; борода висящая съ подбородка; волоса пахнутъ мускусомъ; голова короткая; глаза большіе, впалые, какъ бы пылающіе; лобъ широкій; рога по большей части расположены такъ, что въ промежуткѣ между ними могутъ усѣсться три хорошо сложенныхъ человѣка... Спина зубра приподнимается въ видѣ горба, такъ что передняя и задняя части животнаго ниже середины» [57]). Неизвѣстный авторъ письма, сохранившагося въ бумагахъ Флорентинскаго архива,

даетъ точно такое же описаніе зубра, но прибавляетъ еще одну любопытную черту: «по свойственной его (зубра) природѣ гордости, онъ избѣгаетъ общества молодыхъ зубровъ, товарищей своихъ, и держится отъ нихъ въ ружейномъ разстояніи и, уединяясь въ глуши, стоитъ неподвижно на одномъ мѣстѣ съ поднятою головою» [68]). Остатки этой рѣдкой породы, находящейся въ періодѣ вымиранія, нынѣ сохранились только въ Бѣловѣжской пущѣ (Гродненской губерніи) да на Кавказѣ и доживаютъ здѣсь свой вѣкъ подъ защитой спеціальныхъ законовъ; но, вѣроятно, недалеко уже то время, когда о зубрахъ будутъ знать только по преданію, точно такъ же какъ и о дикихъ коняхъ, во времена Мономаха цѣлыми табунами водившихся въ степяхъ южной Руси. Затрудняются рѣшить, были ли это подлинно дикіе кони, въ родѣ азіатскихъ тарпановъ, или это были одичавшія лошади, на подобіе американскихъ мустанговъ. Основываясь на характерѣ изображеній, найденныхъ въ Чертомлыцкой «толстой» могилѣ (о чемъ уже говорено въ введеніи), мы дикихъ коней временъ Мономаха считаемъ подлинно дикими, позднѣйшимъ поколѣніемъ степныхъ неприрученныхъ лошадей, которыхъ нѣкогда ловили скиѳы, древнѣйшіе обитатели южной Руси.

Болѣе спорнымъ представляется вопросъ о пардусахъ или барсахъ (леопардахъ): водились ли въ древней Руси барсы? Въ древнихъ извѣстіяхъ упоминаній о барсахъ немного; лѣтопись говоритъ о нихъ только три раза: подъ 964 г., подъ 1147 г. и подъ 1159 г. Въ первомъ случаѣ, желая охарактеризовать князя Святослава, лѣтописецъ говоритъ о немъ слѣдующее: «Князю Святославу возрастшю и возмужавшю, нача воя совокупляти многы и храбры, бѣ бо самъ хоробръ и легокъ, ходя акы пардусъ» [69]). Сравненіе Святослава съ пардусомъ указываетъ, повидимому, на близкое знакомство нашихъ предковъ съ этимъ звѣремъ; но въ памятникахъ не рѣдкость встрѣтить и сравненіе со львомъ, который, безъ сомнѣнія, на Руси не водился, т. е. сравненіе съ барсомъ могло быть заимствовано не изъ дѣй-



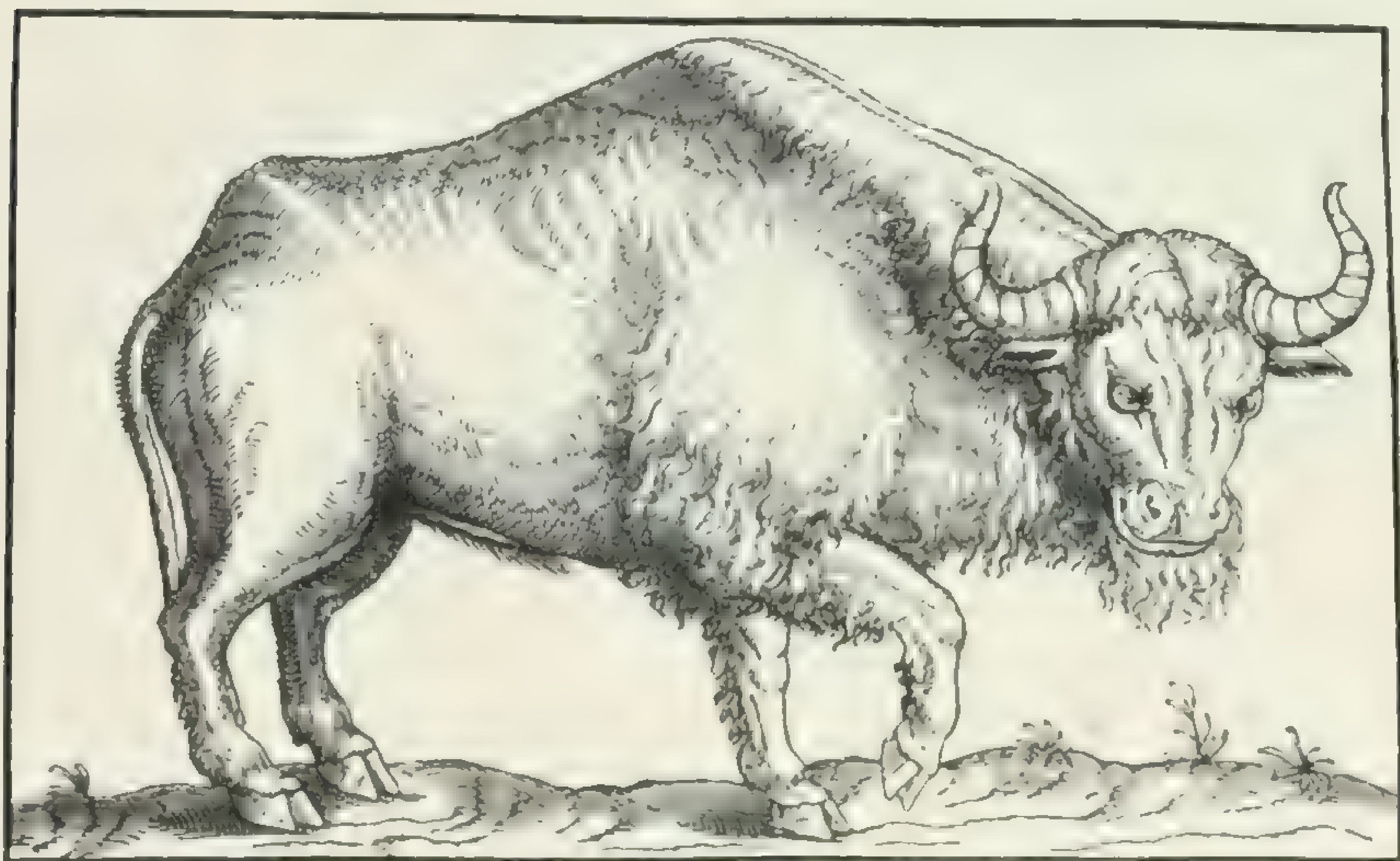
Турій рогъ, найденный въ Черной Могилѣ.

ствительнаго быта, а изъ литературнаго источника, какъ и сравненіе со львомъ. Два другія свидѣтельства изъ лѣтописи говорятъ о подаркахъ пардусами. Въ 1147 году Юрій Долгорукій звалъ къ себѣ въ Москву князя Святослава Ольговича Сѣверскаго: — «Святославъ же ѣха къ нему съ дѣтемъ своимъ Ольгомъ, в малѣ дружинѣ, поимя съ собою Володимера Святославича; Олегъ же ѣха напередъ к Гюргеви и да ему пардусъ» [60]). Въ 1159 году Ростиславъ Кіевскій и Святославъ Ольговичъ съѣхались для обсужденія плана дѣйствій противъ общаго врага Изяслава Даниловича: «бысть же съѣздъ сей на великую любовь. Тогда же Ростиславъ позва Святослава къ собѣ на обѣдъ, Святославъ же ѣха къ нему безъ всякаго извѣта (т. е. измѣны), и бысть радость въ тъ день межю има и дарови мнозь, да бо Ростиславъ Святославу собольми, и горностайми, и черными куны, и песцы, и бѣлыми волкы и рыбьими зубы; на заутріе же позва Святославъ Ростислава къ собѣ на обѣдъ и тако быста весела паче вчерашняго

7

дни, да Святославъ Ростиславу пардусъ и два коня борза у ковану сѣдлу, и тако розидостася усвояси» [61]).

Комментируя эти мѣста лѣтописи, наши историки полагаютъ, что въ обоихъ случаяхъ дарились шкуры барсовъ [62]). «Пардусъ-барсъ», говоритъ Забѣлинъ, «былъ очень извѣстенъ древней Руси и кожами пардуса, вѣроятно цѣлыми съ шерстью, замѣнявшими ковры,



Изображеніе зубра, съ гравюры на деревѣ, 19
конца XV столѣтія. Путешествіе Герберштейна по Россіи.

князья дарили другъ друга, какъ лучшимъ и дорогимъ подаркомъ» [63]). Въ новѣйшее время высказано предположеніе [64]), что дарились не шкуры барсовъ, а живые, выдрессированные для охоты, барсы. Извѣстно, что въ Азіи, у монгольскихъ хановъ, охота съ дрессированными леопардами въ старину практиковалась довольно широко; леопарды притравливались натаской и ими травили звѣрей, какъ и теперь еще травятъ гепардомъ въ Индіи. Говорятъ, что наши предки могли перенять способъ барсовой охоты отъ Монголовъ сначала черезъ Половцевъ, впослѣдствіи черезъ Татаръ-завоевателей. Но о существо-

ваніи барсовой охоты у Половцевъ нѣтъ никакихъ извѣстій и даже никакихъ намековъ; практиковалась ли она у татарскихъ хановъ, прямыхъ и безспорныхъ указаній на это также не имѣется. Правда, въ ханскихъ ярлыкахъ русскому духовенству упоминаются [65]), на ряду съ другими лицами изъ состава ханскихъ охотъ, и пардусники; напр., въ ярлыкѣ хана Узбека митр. Петру сказано: «... никто же обидитъ на Руси соборную церковь митр. Петра и его людей и церковныхъ его... да не вступаются никто же ни въ чемъ же, въ церковныя и митрополича, ни въ волости ихъ, и въ села ихъ, ни во всякія ловли ихъ... а что будетъ церковныя люди, ремесланницы кои... или иные мастеры каковы ни буду или ловцы какова лова ни буду или сокольницы а въ то наши никто не вступается и наше дѣло ихъ да не емлютъ: и пардусницы наши, и ловцы наши, и сокольницы и побержницы наши да не вступаются въ нихъ и да не взимаютъ у нихъ ихъ дѣльныхъ орудій, да не отнимаютъ ничево же». Тѣ же пардусники упоминаются еще въ ярлыкахъ хана Аталюка митр. Михаилу Кіевскому, хана Мэнгу-Темира Оксана русскимъ митрополитамъ и хана Бердека митр. Алексѣю Кіевскому; но въ переводныхъ памятникахъ слово «пардусъ» часто обозначаетъ собою рысь, и, стало быть, пардусниками могли называться охотники за рысями, которыхъ тогда было повсюду великое множество. Извѣстный зоологъ Бремъ полагаетъ, что барсы могли водиться въ южной Россіи, такъ какъ ея климатическія условія отвѣчаютъ натурѣ звѣря; но отсутствіе положительныхъ извѣстій не даетъ намъ права категорически утверждать, что барсы въ южной Руси водились и жили постоянно. Болѣе правдоподобнымъ мы считаемъ мнѣніе проф. Усова, что барсы иногда заходили въ предѣлы южной Руси съ Кавказа и становились рѣдкимъ трофеемъ княжеской охоты. Такъ это было, полагаемъ, около 1147 и 1159 годовъ и нѣсколько раньше при Владимірѣ Мономахѣ. Въ своей духовной Владиміръ Мономахъ, между прочимъ, говоритъ: «лютый звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедры и конь со мною

7*

поверже». Подъ «лютымъ звѣремъ» въ этомъ отрывкѣ обыкновенно разумѣютъ волка, основываясь на томъ, что въ древней письменности «лютый звѣрь» — синонимъ волка; но хорошо извѣстно всякому, даже не охотнику, что волкъ — большой трусъ, одинъ-на-одинъ никогда не бросится на коннаго охотника и едва ли въ силахъ опрокинуть коня и всадника; поэтому болѣе вѣроятнымъ кажется видѣть здѣсь въ «лютомъ звѣрѣ» не волка, а барса, какъ это дѣлаетъ проф. Усовъ [60]). Разумѣется, шкуры такихъ рѣдкихъ звѣрей могли служить очень приличнымъ подаркомъ при существовавшемъ между князьями обычаѣ обмѣниваться дарами.

Древняя Русь была еще болѣе богата птицами. Дикія птицы не особенно прихотливы въ отношеніи климатическихъ условій, поэтому въ древней Руси онѣ водились повсюду, разселяясь или въ лѣсахъ, или въ болотахъ. Но ловчія птицы: соколы, кречеты и ястребы селились почти исключительно на крайнемъ сѣверѣ, въ предѣлахъ Двинской Земли и Печорскаго края.

Отдавая охотѣ трудъ и время, наши предки не отказывали себѣ въ удовольствіи пользоваться всѣми плодами охоты; мы видѣли, какое употребленіе они дѣлали изъ мѣховъ краснаго звѣря, теперь скажемъ нѣсколько словъ объ употребленіи дичи въ пищу. Мясо дикихъ птицъ, равно какъ и звѣрей, употреблялось на Руси въ пищу съ самыхъ древнихъ временъ. Такъ какъ мясо нѣкоторыхъ звѣрей, по церковнымъ правиламъ, считалось нечистымъ и не разрѣшалось въ пищу, то духовенство съ ранняго времени борется съ этимъ и энергично обличаетъ нашихъ предковъ въ употребленіи недозволенной пищи. Еще Лука Жидята (въ 1036 г.) убѣждалъ Новгородцевъ не ѣсть нечистой дичи: «братія, не ядите скверна». Но жизнь и ея нужды дѣйствовали на нашихъ предковъ сильнѣе этихъ убѣжденій и обличеній; не взирая на церковное обличеніе, предки наши всегда ѣли разнообразное мясо, и въ спискѣ ихъ кушаній дичь занимала не послѣднее мѣсто. Не пропадали даромъ и перья добываемыхъ охотою

птицъ. Джонъ Мильтонъ повѣствуетъ, «что русскіе продавали перья водившихся на Печорѣ птицъ, а мясо ихъ солили въ прокъ на зиму» (Московія ст. 2-я).

Судя по различнымъ данным, можно сказать, что, напр., зайцевъ



Изображеніе зубра, съ гравюры начала XVIII столѣтія. 20

Неверно - это изображение американск...

ѣли уже при Владимірѣ Святомъ, что видно изъ обличеній проповѣдниковъ. Въ «Словѣ о богатомъ и убогомъ», относящемся къ XII в., есть описаніе обѣда богача, изъ котораго видно, что въ XII в. употреблялось въ пищу мясо зайцевъ, оленей, кабановъ, а изъ птицъ: тетеревовъ, рябчиковъ, журавлей и куропатокъ, надъ приготовленіемъ которыхъ трудились «множьство сакачіи (поваровъ) работающе и дѣлающе съ потъмь» [67]). Описывая обѣды Василія Іоанновича III, Герберштейнъ говоритъ, что жареные журавли въ мясоѣдъ подаются

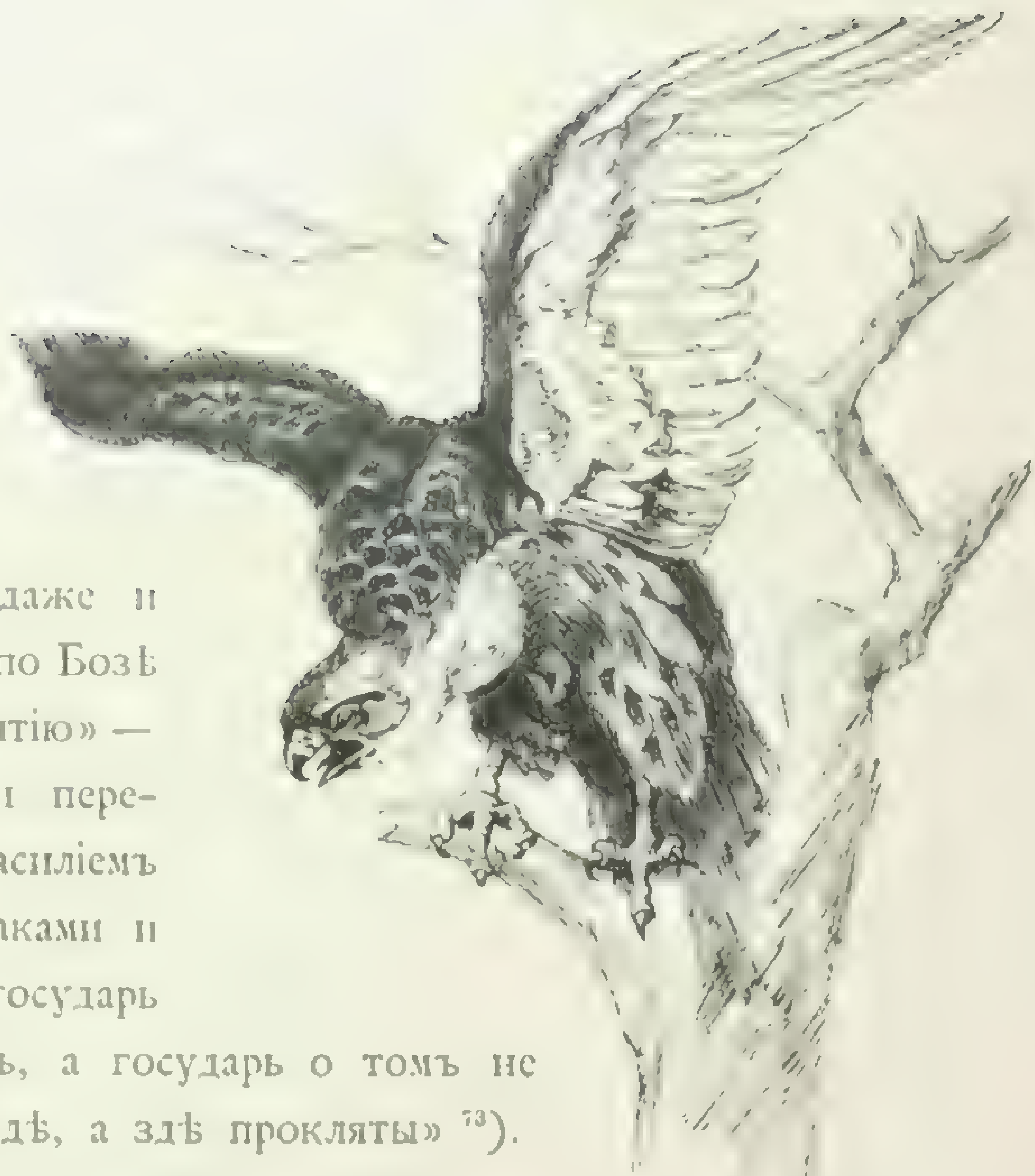
гостямъ первымъ блюдомъ. Трехъ изъ поставленныхъ передъ нимъ князь рѣзалъ ножикомъ, пробуя который изъ нихъ лучше и предпочтительнѣе другихъ... «сюда подливали уксусу, прибавляли соли и перцу, ибо употребляли это вмѣсто соусу или похлебки» [68]).

Въ 1597 году отпускали къ столу Австрійскаго посла изъ кормоваго дворца: восемь блюдъ лебедей, восемь блюдъ журавлей съ прянымъ зельемъ, нѣсколько пѣтушковъ разсольныхъ съ инбиремъ, курицъ безкостныхъ, тетеревей съ шафраномъ, рябчиковъ со сливами, утокъ съ огурцами, гусей съ пшеномъ срацинскимъ, зайцевъ въ лапшѣ и въ рѣпѣ, мозги лосьи и прочее [69]).

Отъ XI и XII вв. дошли до насъ извѣстія объ употребленіи въ пищу медвѣжатины [70]) и вѣверичины (векшины) [71]). Въ «Домостроѣ» (XVI в.) мы находимъ очень длинный списокъ блюдъ, приготовлявшихся изъ дичи: въ различныхъ видахъ и съ различными приправами приготовлялись тогда кушанья изъ журавлей, лебедей, цаплей, утокъ, гусей, тетеревовъ, рябчиковъ, куропатокъ и жаворонковъ, изъ заячьяго и лосинаго мяса. Шафранъ и перецъ, уксусъ, лукъ и соль, въ большихъ дозахъ, служили любимой приправой для кушаній нашихъ предковъ. Иностранцамъ русская кухня не нравилась, и Флетчеръ (XVI в.), напр., называетъ ее грубою.

Такъ какъ охота играла очень видную и важную роль въ общемъ строѣ древне-русской жизни, то естественно, что русскіе пастыри не могли въ своихъ проповѣдяхъ иногда не затрогивать этой стороны быта. Въ отношеніи охоты древне-русское духовенство обнаруживало нѣкоторую двойственность.

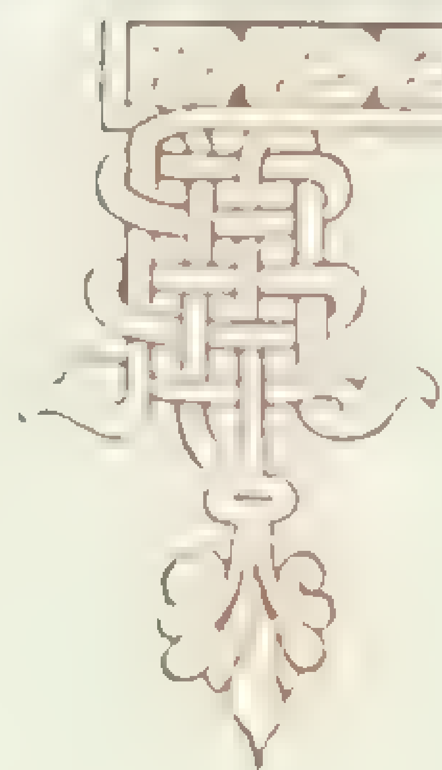
Въ одной древней рукописи [72]) взглядъ духовенства на охоту выраженъ въ формѣ слишкомъ строгой: «аще кто медвѣдя или иная животная различная игралища прехищряя...... и ловитвамъ прилѣжаяй..., то сихъ въ слабость едино запрещеніе имать, еже сихъ съ эпитеміею каятися и престати отъ таковыхъ». Авторъ «Домостроя» разражается противъ охоты цѣлой филиппикой, ставитъ ее, такъ сказать, на одну



линію съ блудомъ и другими тяжкими грѣхами, и грозитъ «творящимъ таковая» шестилѣтнимъ запрещеніемъ, а въ случаѣ упорства даже и отлученіемъ отъ церкви. «Аще кто не по Бозѣ живетъ и не по христіанскому житію» — говоритъ онъ между прочимъ — «...и перевѣсы и всякое угодіе неправдою и насиліемъ творитъ... или ловы творитъ съ собаками и со птицами и съ медвѣди...... самъ государь и его дѣти и христіане тако творятъ, а государь о томъ не возбраняетъ... вси вкупѣ будутъ во адѣ, а здѣ прокляты» [73]).

Но въ томъ же «Домостроѣ» мы видимъ длинный рядъ блюдъ изъ дичи, рекомендуемый имъ для домашняго обихода. Весьма любопытно это противорѣчіе между взглядомъ на охоту и практическимъ отношеніемъ къ ней. Не одобряя охоту, какъ забаву, духовенство, однако, хорошо понимало ея практическія выгоды и всегда съ большимъ удовольствіемъ принимало отъ князей пожалованія охотничьими угодьями. Если въ словахъ и проповѣдяхъ духовенства слышалось рѣзкое обличеніе охоты, то объясненіе этому нужно искать въ самомъ характерѣ древне-русской проповѣди: долгое время она рабски слѣдовала византійскимъ образцамъ и, назидая слушателей, совершенно игнорировала дѣйствительныя условія жизни и ихъ быта. Но какъ только вопросъ переносился на практическую, жизненную почву, само духовенство просто и цѣлесообразно разрѣшало недоумѣнія въ области той же охоты. Такъ, на вопросъ Кирика Новгородскому епископу Нифонту (около 1156 г.): «можно ли въ праздникъ убивать птицъ, рыбъ и другихъ земныхъ животныхъ?» — данъ епископомъ такой отвѣтъ: «въ день Господень человѣкъ долженъ идти въ церковь, потому что это праздникъ; однако-жъ, если того требуютъ людскія нужды, то можно убивать» [74]).





Князья и простолюдины смотрѣли на охоту иначе, чѣмъ духовенство, проще и правдивѣе. Владиміръ Мономахъ хорошо выразилъ народную мысль объ охотѣ, когда, по поводу обилія звѣрей и птицъ, сказалъ: «все же то далъ Богъ на угодье человѣкомъ, на снѣдь, на веселье». Князья прекрасно понимали важное значеніе охоты, бытовое и воспитательное. Это доказывается очень хорошо фресками Кіевскаго Софійскаго собора.

Въ 1037 году, въ княженіе Ярослава Мудраго, на Кіевъ напали Печенѣги, но были наголову разбиты Ярославомъ въ союзѣ съ Варягами и Новгородцами; въ память этого событія, на мѣстѣ самой страшной сѣчи съ Печенѣгами, Ярославъ построилъ храмъ въ честь святой Софіи, расписанный греческими художниками: двѣ лѣстницы, которыя вели на хоры, расписаны изображеніями княжеской охоты, княжескаго суда и народныхъ увеселеній. Смотря на эти изображенія, помѣщенныя у самаго входа въ домъ Божій, народъ, безъ сомнѣнія, еще болѣе утверждался въ своей мысли, что охоты и ловы не суть

дѣло грѣшное и вредное, но нужное и важное. И эту мысль народное творчество не разъ впослѣдствіи высказало въ поэтической формѣ и въ былинахъ, гдѣ оно рисуетъ богатырей-охотниковъ, и въ замѣчательномъ литературномъ памятникѣ XII в. — въ Словѣ о Полку Игоревѣ, гдѣ картинныя сравненія, взятыя изъ охотничьяго быта, дышатъ жизнью и сообщаютъ всему произведенію яркія краски.

Въ народномъ представленіи охота и богатство объединялись внутреннею причинною связью; это прекрасно подтверждается слѣдующимъ охотничьимъ заговоромъ или заклятіемъ, сохранившимся въ Новгородской землѣ отъ временъ язычества: «Пойду я въ чистое поле, въ чистомъ полѣ младъ мѣсяцъ находился, отъ млада мѣсяца — младъ молодецъ: сидитъ на ворономъ конѣ по колѣна ноги въ золотѣ, по локоть руки въ серебрѣ, на буйной головѣ всѣ кудри въ золотѣ. Держитъ молодецъ золотую кису, золотой топоръ и булатный ножъ; въ золотой кисѣ лежитъ мясо, сѣчетъ мясо молодецъ булатнымъ ножемъ и бросаетъ на мой волокъ... Возговорилъ добрый молодецъ: гой еси лисицы черноухія, черноусыя, лисицы бурыя, рыси и россомахи и сѣдые волки, сбѣгайтеся на мой волокъ, на мою отраву, днемъ по солнцу, а ночью по мѣсяцу. Ключъ да замокъ!» [75]).

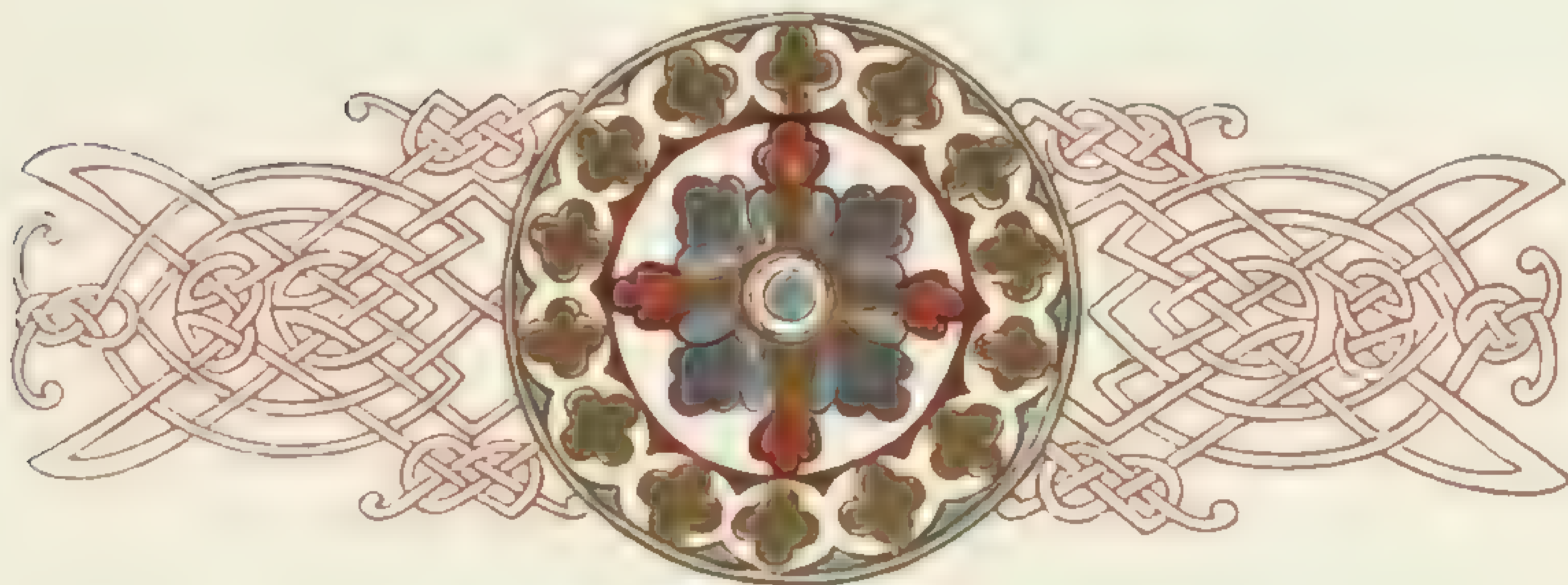
Но если охота въ общемъ строѣ древне-русской жизни была дѣломъ первой важности, то естественно спросить: какое вліяніе оказывала она на складъ народнаго характера, на міросозерцаніе народа?

Народъ — охотникъ по необходимости, полагается всего больше на личную предпріимчивость и предусмотрительность; подверженный риску и неожиданностямъ, онъ естественно вырабатываетъ въ своемъ характерѣ стойкость и безстрашіе передъ опасностью. Конечно, прослѣдить на отдѣльныхъ примѣрахъ вліяніе охоты на характеръ нашихъ предковъ нѣтъ никакой возможности, потому что исторія застаетъ уже совмѣстное существованіе охоты и земледѣлія въ древнѣйшую эпоху Руси. Оба эти занятія, безспорно, вліяли въ равной

8

мѣрѣ на образованіе нашего народнаго характера; но если земледѣльческій трудъ воспиталъ въ русской душѣ наклонность къ спокойной и вдумчиво-серьезной мысли, то на счетъ вліянія охоты нужно отнести такія качества русскаго духа, не разъ удивлявшія міръ, какъ безстрашіе и стойкость, о которыя, какъ волны о скалы, разбивались былыя бѣды и бури.

Ознакомившись съ общими условіями охоты въ древней Руси, мы перейдемъ теперь къ характеристикѣ представителей древне-русской охоты — великихъ князей.



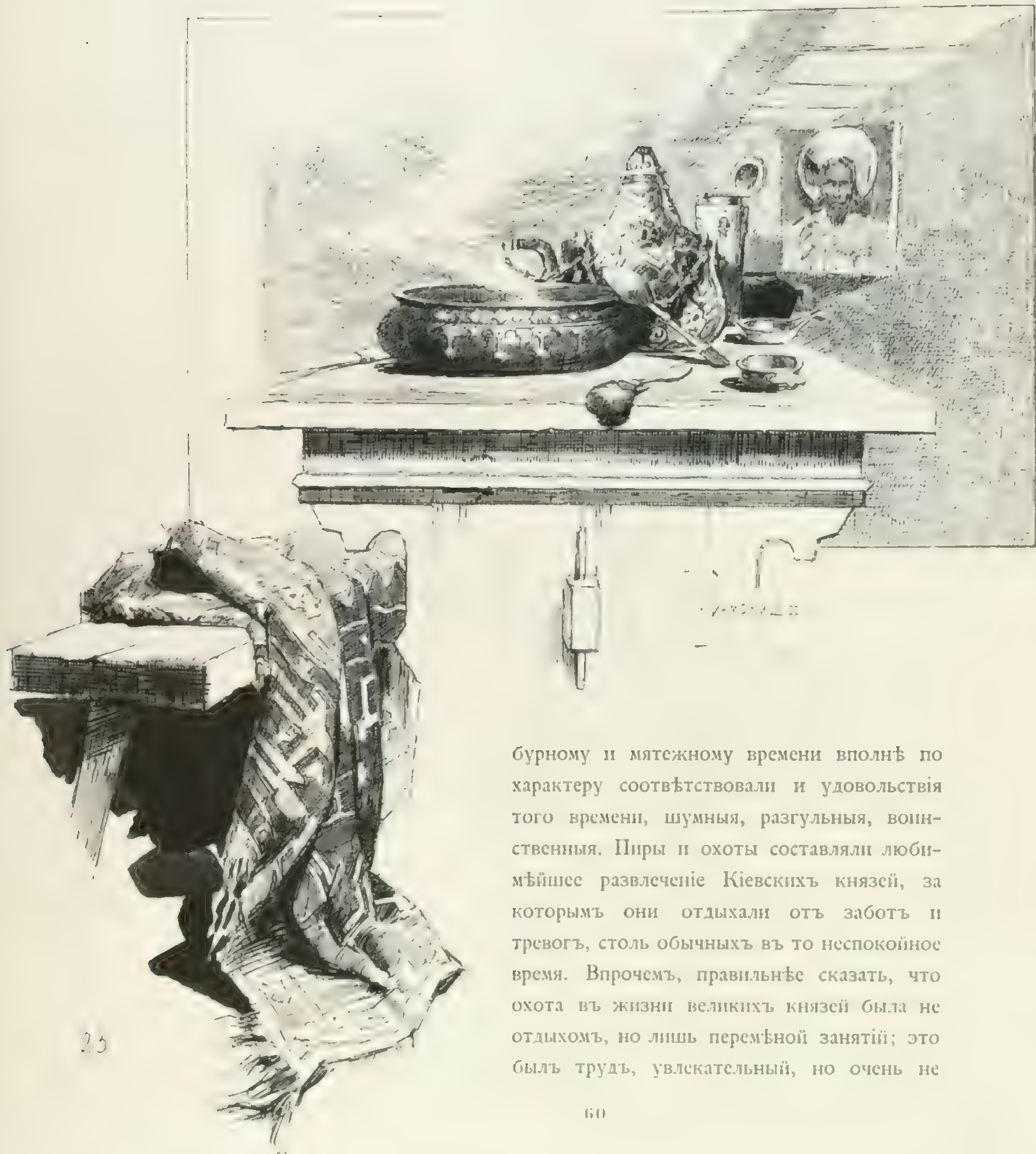


Глава II.

Великіе князья и цари — охотники.

Въ древней Руси и князья, и народъ вели жизнь простую, незатѣйливую; много было общаго и сходнаго въ ихъ привычкахъ и занятіяхъ, въ трудахъ и развлеченіяхъ. Несложна была старинная жизнь и не отличалась она большимъ разнообразіемъ развлеченій: веселая пирушка, пѣсня и пляска, единоборство и наѣздничество и, наконецъ, охота, вотъ чѣмъ тѣшилъ себя древне-русскій человѣкъ. Всеобщій историческій опытъ показываетъ, что развлеченія становятся тѣмъ разнообразнѣе по формамъ и выше по качеству, чѣмъ развитѣе въ умственномъ и нравственномъ отношеніи дѣлается человѣкъ и чѣмъ разнообразнѣе становится его внутренняя жизнь. Но древній періодъ нашей исторіи — Кіевскій — весь былъ полонъ постоянной напряженной борьбы: внѣшней — съ воинственными сосѣдями кочевниками, внутренней — удѣльной борьбы князей между собою. Этому

8*



бурному и мятежному времени вполнѣ по характеру соотвѣтствовали и удовольствія того времени, шумныя, разгульныя, воинственныя. Пиры и охоты составляли любимѣйшее развлеченіе Кіевскихъ князей, за которымъ они отдыхали отъ заботъ и тревогъ, столь обычныхъ въ то неспокойное время. Впрочемъ, правильнѣе сказать, что охота въ жизни великихъ князей была не отдыхомъ, но лишь перемѣной занятій; это былъ трудъ, увлекательный, но очень не

легкій и нерѣдко весьма опасный: «а се труждахося ловы дѣя», говоритъ о своей охотѣ Владиміръ Мономахъ.

Итакъ въ быту великихъ князей Кіевскаго періода охота составляла постоянную принадлежность княжеской жизни и отражала на себѣ особенности времени и личный характеръ того или другого князя. Можно сказать, что въ этотъ періодъ вся жизнь князей протекала или въ ратномъ полѣ, или въ отъѣзжемъ; лишь только наступалъ мирный промежутокъ времени, князья спѣшили «на ловы» и отдавались имъ съ такимъ увлеченіемъ, что забывали порою о возможной опасности со стороны враговъ. Должно замѣтить, что такое же увлеченіе ловами было свойственно и князьямъ Московской Руси; вотъ примѣръ: въ 1378 г. въ княженіе Димитрія Донскаго, когда русскій отрядъ былъ за рѣкою Пьяной и мало остерегался татаръ, «князи и бояре старѣйшіе, вельможи и воеводы, ти вcѣ поѣхаша, ловы дѣюще, утѣху себѣ творяще, мнящеся яко дома» [70]).

Тѣмъ оживленнѣе, шире и значительнѣе была княжеская охота, чѣмъ энергичнѣе былъ личный характеръ князя: рѣшительный и неутомимый Владиміръ Мономахъ отдавалъ всего себя охотѣ, пробовалъ себя во всѣхъ ея видахъ и, казалось, намѣренно искалъ въ охотѣ наиболѣе рискованныхъ и опасныхъ случаевъ; спокойный Ярославъ Мудрый, склонный къ созерцательности, предпочиталъ сидѣть съ «удицей» на берегу рѣки, чѣмъ гоняться за звѣремъ. Несмотря, однако, на различіе въ характерахъ и личныхъ свойствахъ, всѣ Кіевскіе князья были охотниками, болѣе или менѣе рьяными, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ отрывочныя и неполныя, но частыя свѣдѣнія, разбросанныя по лѣтописямъ и другимъ источникамъ.

Первый изъ князей, о которомъ упоминается, какъ объ охотникѣ, былъ Игорь Рюриковичъ (912—945 г.). Живя въ Кіевѣ, при опекунѣ своемъ, язычникѣ Олегѣ, Игорь постоянно занимался ловами и пристрастился къ нимъ. Провидѣнію угодно было обратить ловы Игоревы въ спасительное средство для просвѣщенія Кіевской Руси



Молодой Великій Князь Святославъ Игоревичъ.

христіанствомъ, такъ какъ съ его ловами тѣсно связана его женитьба на Ольгѣ, бывшей, по выраженію лѣтописца, «денницею и луною спасенія». Не довольствуясь охотой близъ Кіева, Игорь отправился «дѣять ловы» во Псковѣ (Плесковѣ) и его окрестностяхъ. Въ одинъ день Игорь, въ сопровожденіи ловчей дружины, ѣхалъ на конѣ на

ловы къ селу Выбутскому и, при въѣздѣ въ село, встрѣтилъ прекраснѣйшую дѣвицу, пріостановилъ коня и заговорилъ съ нею; поселянка отвѣчала скромно и умно. Игорь плѣнился ея умомъ и красотой и избралъ ее своею супругой [77]). Но даже и счастливый бракъ не охладилъ въ Игорѣ страсти къ охотѣ. По возвращеніи въ Кіевъ Игорь попрежнему съ увлеченіемъ занимался охотой. Таковъ ужъ былъ духъ того времени, что удаль и сила не мирились съ тихой и мирной обстановкой семейныхъ радостей, но искали сильныхъ ощущеній и любили развернуться во всю свою мощь на просторѣ полей и въ привольѣ лѣсовъ. Нерѣдко Игорь бралъ съ собою на охоту малолѣтняго сына Святослава, чтобы съ дѣтства пріучить его ко всѣмъ трудностямъ и опасностямъ охоты. Вообще надо замѣтить, что въ древнія времена охота была лучшей школой для подготовленія воиновъ къ боевой жизни. И это воспитательное значеніе охоты было хорошо понято какъ Игоремъ, такъ и Ольгой. По смерти мужа Ольга продолжала воспитывать Святослава въ томъ же духѣ, лично показывая ему примѣръ храбрости и выносливости на войнѣ и охотѣ. Лѣтописецъ говоритъ о ней: «Иде Вольга по Деревьстѣй (древлянской) земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною уставляющи уставы и уроки; суть становища еѣ и ловища... ловища ея суть по всей земли... и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ» [78]). «Ловища» — мѣста наиболѣе удобныя и выгодныя для охоты; посѣщая ихъ, дружина Ольги, конечно, пользовалась случаемъ вдоволь поохотиться, а вмѣстѣ съ дружиной, безъ сомнѣнія, «ловы дѣяла» и сама княгиня. Хотя нѣтъ никакихъ прямыхъ указаній въ письменныхъ источникахъ, которыми можно было бы подтвердить наше предположеніе, но тѣмъ не менѣе мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что Ольга принимала иногда участіе въ охотѣ, которая устроивалась въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ находились «ловища ея и перевѣсища». Если Ольга не боялась подвергать себя риску и опасностямъ похода противъ древлянъ, которымъ она жестоко отмстила за смерть мужа, то чего ради она

уклонялась бы отъ охоты, гдѣ опасностей меньше, а удовольствія и наслажденія много? Она должна была раздѣлять съ дружиной удовольствія охоты, какъ раньше дѣлила съ ней всѣ опасности похода, а сыну она замѣнила при этомъ погибшаго отца, его перваго учителя и руководителя на поприщѣ охоты. И это какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ твердому чисто мужскому характеру Ольги. Пусть охота — «мужеское дѣло», какъ выражается Владиміръ Мономахъ, но она не могла быть чужда Ольгѣ, мужеству которой могли бы позавидовать самые мужественные мужи даже тѣхъ героическихъ временъ.

Святославъ (957—972) унаслѣдовалъ основныя черты характера своихъ родителей и въ особенности ихъ страсть къ охотѣ. Воспитанный своимъ отцомъ на охотѣ, съ дѣтства свыкшійся съ трудами и опасностями ловли звѣриной, Святославъ выработалъ въ себѣ твердый и непреклонный характеръ и даже въ условіяхъ того времени является типомъ поистинѣ богатырскимъ. Несмотря на девять вѣковъ, отдѣляющихъ насъ отъ Святослава, и теперь еще нельзя не восхищаться удивительною мощью его духа и величавой простотой его привычекъ. Будучи еще мальчикомъ, онъ умѣлъ уже ловко пустить стрѣлу въ звѣря, мчавшагося на него, лихо ѣздилъ верхомъ и пробовалъ уже владѣть копьемъ. Когда въ 946 г. Ольга пошла на Древлянъ, чтобы отмстить за смерть Игоря, Святославъ былъ съ нею и первый открылъ битву съ Древлянами: «суну копьемъ Святославъ Древляны и копье летѣ сквозѣ уши коневи, удари въ ноги коневы, бѣ бо дѣтескъ» [79]). Лѣтописецъ такъ обрисовалъ воинственный и суровый характеръ возмужавшаго Святослава: «князю Святославу възрастшю и возмужавшю, нача воя совокупляти многы и храбры, бѣ бо самъ хоробръ и легокъ. Легко ходя акы пардусъ, войны многи творяше. Ходя возъ по себѣ не возяше, ни котла; ни мясъ варя, но потонку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли, или говядину, на углехъ испекъ ядяше; ни шатра имяше, но подкладъ (потникъ) пославъ и сѣдло въ головахъ; такоже и прочіе вои его вси дѣяху» [80]).



По смерти Святослава, между тремя его сыновьями: Ярополкомъ, Олегомъ и Владиміромъ вскорѣ началась междуусобная вражда, черезъ пять лѣтъ завершившаяся возстановленіемъ единодержавія въ лицѣ Владиміра. Весьма любопытный фактъ, что ближайшимъ поводомъ этой усобицы послужило событіе, тѣсно связанное съ исторіей княжескихъ лововъ.

Покидая Русь для Болгаріи, Святославъ, какъ извѣстно, раздѣлилъ между сыновьями свои русскія владѣнія такъ: старшій сынъ, еще мальчикъ лѣтъ 11—12, Ярополкъ, княжилъ въ Кіевѣ; второй сынъ, Олегъ, сидѣлъ въ Древлянской землѣ, а младшій, Владиміръ, былъ отпущенъ княжить, подъ опекой дяди его Добрыни, въ Новгородъ. Въ Кіевѣ, при малолѣтнемъ Ярополкѣ, былъ въ большой силѣ Свѣнельдъ, одинъ изъ самыхъ отважныхъ витязей Святославовой дружины, возвратившійся въ Кіевъ послѣ смерти Святослава. Въ 975 г., сынъ [81]) этого Свѣнельда, по имени Лютъ, поѣхалъ изъ Кіева на охоту; увлекшись погоней за звѣремъ, онъ нечаянно заѣхалъ въ лѣса, принадлежавшіе къ волости Олега, древлянскаго князя. Случайно въ это же время охотился здѣсь и самъ Олегъ. Замѣтивъ, что кто-то сторонній гонитъ по звѣрю въ его лѣсахъ, Олегъ спрашиваетъ: «Кто это такой»? — Дружина отвѣчала: «Свѣнельдичъ». Олегъ нагналъ Люта и убилъ его, вѣроятно, обиженный



такимъ явнымъ нарушеніемъ территоріальныхъ правъ охоты. Свѣнельдъ глубоко затаилъ въ себѣ ненависть къ Олегу, убійцѣ его единственнаго и любимаго сына, и рѣшилъ отмстить ему; для этой цѣли онъ воспользовался своимъ вліяніемъ на Ярополка, и, разжигая его властолюбіе, постоянно твердилъ ему: «пойди на брата своего, отними у него власть и княжи себѣ одинъ». И онъ достигъ, чего хотѣлъ. Черезъ два года послѣ того, Ярополкъ пошелъ войной на Олега и разбилъ его. Олегъ бѣжалъ къ Вручаю (Овручь Волынской г.), но на одномъ мосту былъ, въ общей суматохѣ, смятъ и на смерть растоптанъ толпою спасавшейся бѣгствомъ дружины. Ярополкъ горько оплакивалъ смерть брата; указывая на его обезображенный трупъ, не безъ упрека онъ сказалъ Свѣнельду: «смотри, исполнилось твое желанье». Но, начавъ усобицу, Ярополкъ вскорѣ и самъ сдѣлался ея жертвой; во время перемирія съ Владиміромъ онъ былъ предательски убитъ двумя подкупленными варягами, пронзенный подъ мышки варяжскими мечами. Съ его смертью усобица кончилась, и Владиміръ сталъ единодержавнымъ княземъ (980—1015 г.).

Былъ ли Владиміръ Святославичъ страстнымъ охотникомъ, часто ли «дѣялъ онъ ловы», являлъ ли на ловахъ подвиги ловкости и смѣлости, объ этомъ мы не имѣемъ достовѣрныхъ извѣстій. Лѣтопись совершенно даже умалчиваетъ объ охотѣ князя Владиміра. Быть можетъ, это молчаніе нужно объяснить тѣмъ, что все вниманіе лѣтописца было поглощено событіемъ величайшей важности — крещеніемъ Руси — и тѣми перемѣнами, какія оно вносило въ міросозерцаніе, жизнь и нравы народа: что̀ въ сравненіи съ этимъ значили ловы, — явленіе обычное и повседневное! Но, можетъ быть, лѣтописецъ умолчалъ о ловахъ Владиміра и потому, что ничѣмъ особеннымъ въ этой области Владиміръ не отличался, что не возвышался онъ, такъ сказать, надъ среднимъ типомъ князя-охотника. Принимая въ разсчетъ исторически-извѣстный характеръ Владиміра, мы должны дать мѣсто этому соображенію, хотя оно и идетъ со-

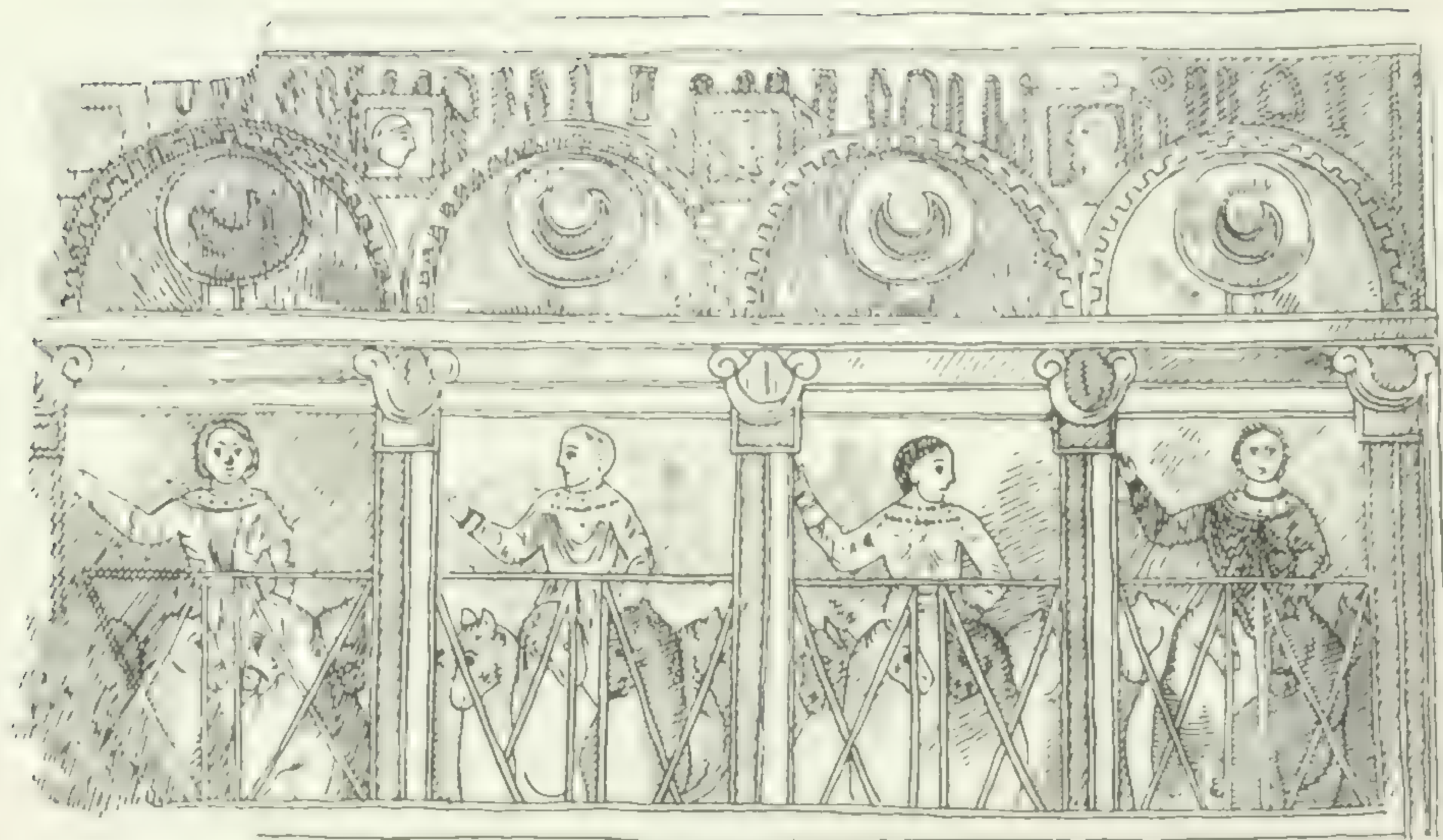
9*

вершенно въ разрѣзъ съ устными народными преданіями - пѣснями и былинами Владимірова цикла. По былинамъ, [2]) Владиміръ представляется незаурядным охотникомъ. Его ловчая дружина такъ велика, какъ двѣ рати на боевомъ полѣ; всѣ ловчіе, всѣ бояре и князья, и гридни, и отроки одѣты въ золото и серебро. Когда дружина выѣзжала торжественно изъ Кіева на ловы, то каждому казалось, что то ѣдутъ князья, собравшіеся со всего свѣта на пиръ къ великому князю Владиміру. На ловахъ великій князь не тратилъ напрасно стрѣлы, не металъ на вѣтеръ копья. Охотился онъ на своихъ «государевыхъ займищахъ», «на потѣшныхъ лугахъ», «на потѣшныхъ островахъ» — вблизи Кіева. Тутъ-то разъ и повстрѣчали его на охотѣ калики перехожіе и просили у него святую милостыню. «Мнѣ нечего вамъ дать», отвѣчалъ имъ Владиміръ, «я здѣсь потѣшаюсь охотою, а ступайте вы въ Кіевъ къ княгинѣ». Въ ловчей дружинѣ Владиміра находились чудо - богатыри: одинъ тура разъяреннаго останавливалъ, схвативъ за рога; другой хваталъ медвѣдя одною рукою, а другою отсѣкалъ мечемъ ему голову; третій лютому звѣрю пасть раздиралъ. Любопытны и отдѣльные эпизоды изъ охоты этихъ богатырей.

Такъ, въ одной былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ и Добрынѣ Никитичѣ разсказывается: «Изъ славнаго города Кіева выѣзжали два богатыря могучіе — Илья Муромецъ и братъ его названный Добрыня Никитичъ; они выѣхали въ чистое поле и подъѣхали къ Сафатъ-рѣкѣ. Илья Муромецъ наѣхалъ на бродучій слѣдъ и поѣхалъ по слѣду: увидалъ онъ богатыря въ чистомъ полѣ, Збута Бориса Королевича. Молодой Збутъ Королевичъ отвязывалъ отъ стремени выжлока и спускалъ съ руки яснаго сокола, и наказывалъ онъ выжлоку: « а теперь мнѣ не до тебя пришло, а и ты бѣгай, выжлокъ, по темнымъ лѣсамъ и корми свою буйную голову»; и ясну соколу онъ наказываетъ: «полети ты, соколъ, на синее море и корми свою буйну голову, а мнѣ молодцу, не до тебя пришло».

Другой эпизодъ касается охотничьихъ безчинствъ Чурилиной дружины. Чурило Пленковичъ — заѣзжій богатырь. И самъ онъ, и дружина его вели себя вольно. На Чурилову дружину такъ жаловались люди Владиміру: приходитъ къ Владиміру толпа людей въ триста человѣкъ и говорятъ ему: «Свѣтъ Владиміръ князь: мы ѣздили по чистому полю вверху рѣки Череги, въ твоемъ государевомъ займищѣ. Ничего мы не наѣхали въ полѣ и не видали ни звѣря прыскучаго, ни птицы перелетной. Мы наѣхали въ чистомъ полѣ на толпу молодцовъ, человѣкъ за пятьсотъ; они звѣрей повыловили и повыгнали и насъ избили, изранили. Нѣтъ тебѣ, государю, добычи, а отъ тебя намъ, государь, жалованья нѣтъ». Вслѣдъ за этою толпою приходитъ другая толпа, человѣкъ за пятьсотъ; это охотники-рыболовы; они избиты, изранены и тоже творятъ жалобу Владиміру: «Свѣтъ Владиміръ князь! Ѣздили мы по рѣкамъ, по озерамъ, на твое княженецкое счастье, ничего не поймали. Встрѣтили мы людей, человѣкъ за пятьсотъ; повыловили они бѣлую рыбицу, щукъ, карасей и мелкую рыбешку. Намъ нѣтъ добычи, государь, а тебѣ приносу, а отъ тебя, государь, намъ жалованья нѣтъ; дѣти и жены по міру пошли». Приходятъ затѣмъ къ Владиміру съ такою же жалобой кречатники и сокольники: «Свѣтъ Владиміръ князь! Ѣздили мы по полю чистому, вверху Череги, по твоему государеву займищу, на потѣшныхъ островахъ, на твое княженецкое счастіе. Ничего не видали, не видали сокола и кречета перелетнаго. Наѣхали мы только на молодцовъ за тысячу человѣкъ. Они соколовъ ясныхъ всѣхъ похватывали, бѣлыхъ кречетовъ повыловили, а насъ, государь, избили, изранили; называются дружиною Чуриловою».

По сказанію былинъ, ловчая дружина Владиміра охотится или по собственной вольной волюшкѣ, или по приказу ласковаго князя Владиміра добыть къ его столу гусей, лебедей, перелетныхъ сѣрыхъ уточекъ. За охотой слѣдовалъ пиръ среди двора, въ княжеской гриднѣ, убранной трофеями охоты: покрышка гридни изъ сѣдыхъ

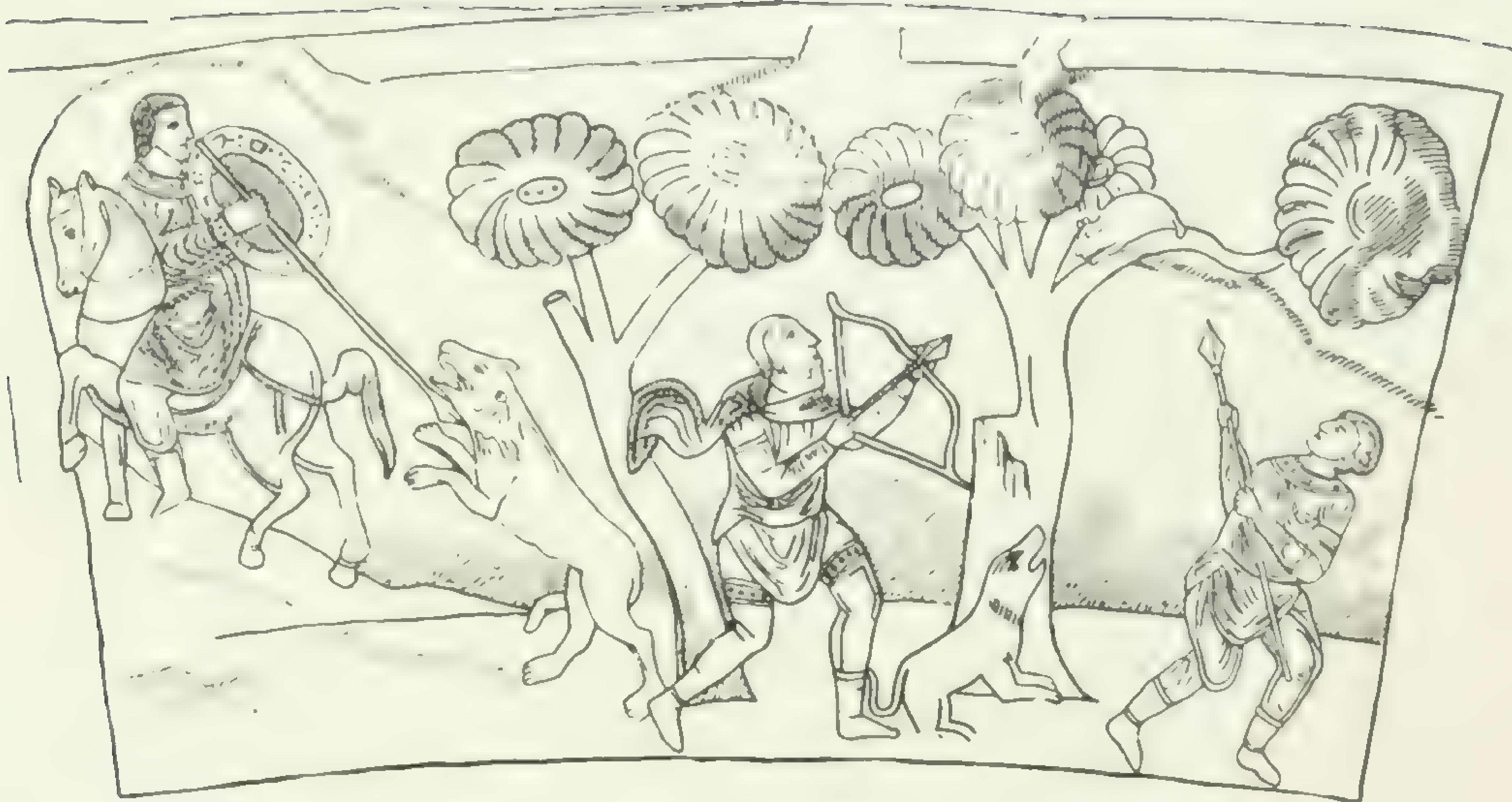


Снимокъ съ фрескъ Кіево-Софійскаго собора, XI столѣтія (рис. I). 28

бобровъ, потолокъ изъ черныхъ соболей; на пиру богатыри-охотники пьютъ зелено-вино чарами въ полтора ведра и сладкій медъ изъ турьихъ роговъ въ полтретья ведра. Такова, по былинамъ, картина охотничьей жизни при дворѣ князя Владиміра. Историческая дѣйствительность въ ней украшена поэтическимъ вымысломъ. Строго-научный анализъ содержанія былинъ вскрываетъ въ нихъ наслоеніе чертъ, принадлежащихъ къ разнымъ эпохамъ, вслѣдствіе чего невозможно пріурочить содержаніе былинъ исключительно къ эпохѣ Владиміра Святославича. Выдѣляя изъ былинъ фантастическій элементъ, историки находятъ въ нихъ общую картину древняго княжескаго быта, которую нельзя, однако, отнести къ той или другой, хронологически опредѣленной, исторической эпохѣ. Владиміръ былинъ — не Владиміръ Святославичъ, но лишь художественный типъ древняго князя вообще, — типъ, котораго отдѣльныя черты мы можемъ наблюдать какъ у Владиміра Святославича и Владиміра Всеволодовича

Мономаха, такъ и у многихъ другихъ князей древней Руси... Твердо стоя на почвѣ фактовъ, исторія отнимаетъ у Владиміра Святославича ореолъ, какимъ окружили его былины, и характеризуетъ его иначе. Это былъ князь вовсе не воинственный и рѣшительный, и не особенно присуща была ему личная удаль и отвага. Онъ не походилъ на отца своего; казалось даже, ни одной черты не унаслѣдовалъ онъ изъ отцовскаго характера, но, быть можетъ, уродился весь въ мать. Его мать была рабыня Малуша, ключница Ольги; что привлекло къ ней сердце богатыря Святослава, объ этомъ въ лѣтописи нѣтъ намека; одно несомнѣнно, что ненасытная жажда нѣги и женской ласки въ характерѣ ея сына составляла основную черту. Владиміръ-язычникъ «бѣ побѣжонъ похотью женскою» и весь безраздѣльно отдавался этому чувству, «приводя къ себѣ мужьскыя жены и дѣвицы» [83]). Сильная страсть къ охотѣ едва ли могла бы мириться съ женственно-мягкимъ и изнѣженнымъ характеромъ Владиміра, и вотъ почему нельзя, вслѣдъ за былинами, признавать въ немъ охотника, равнаго его предшественникамъ.

Владиміръ имѣлъ двѣнадцать сыновей; но только о двухъ изъ нихъ сохранились извѣстія, относящіяся къ исторіи княжескихъ лововъ, — о Мстиславѣ и Ярославѣ. Это были характеры, мало похожіе одинъ на другой. Если Ярославъ до извѣстной степени унаслѣдовалъ миролюбивый характеръ своего отца, то Мстиславъ, напротивъ, весь вышелъ въ дѣда-Святослава: та же физическая богатырская сила; та же мощь духа, въ спокойствіи величавая, въ гнѣвѣ грозная и ужасающая; тотъ же стальной характеръ и, наконецъ, то же благородство сердца. Этому богатырю «съ краснымъ лицомъ и грозными глазами» сила, казалось, не давала покоя: то онъ идетъ на крымскихъ Хазаръ, то, грозный и непобѣдимый, тѣснитъ прикубанскихъ Косоговъ и въ единоборствѣ побѣждаетъ ихъ великана Редедю; если не въ битвѣ, то на пиру съ любимой дружиной; не на пиру, такъ на ловахъ, но вездѣ эта сила проры-



Снимокъ съ фрески Кіево-Софійскаго собора, XI столѣтія (рис. II).

вается стремительнымъ, бурнымъ потокомъ. Недаромъ «старый Баянъ» слагаетъ про него пѣсню, а лѣтописецъ кратко, но чрезвычайно характерно, отмѣчаетъ событіе его смерти: «В лѣто 6544 (1036) изиде Мстиславъ на ловы разболѣся и умре» [84]).

Лѣтопись не говоритъ ни слова объ охотѣ великаго князя Ярослава (1019—1054). Только у польскихъ историковъ есть извѣстіе, что Ярославъ безпечно удилъ рыбу на Днѣпрѣ, когда къ Кіеву подступала (въ 1018 г.) нежданная рать Болеслава Храбраго [95]). Подобно своему отцу, онъ мало заключалъ въ себѣ данныхъ для страстнаго охотника; это былъ князь, всецѣло преданный просвѣщенію, страстный любитель книгъ, за которыми онъ проводилъ и дни, и ночи. Трудно допустить, чтобы это высокое увлеченіе могло оставить въ душѣ Ярослава достаточно простора еще и для страсти къ охотѣ; кромѣ того, онъ былъ хромъ, а это недостатокъ для охотника весьма существенный. Если бы въ немъ была сильна любовь



Снимокъ съ фрескъ Кіево-Софійскаго собора, XI столѣтія (рис. III).

къ охотѣ, онъ чаще дѣлилъ бы свои досуги съ дружиной, гдѣ его охотничьи стремленія находили бы и сочувствіе, и поддержку; но Ярославъ, не въ примѣръ другимъ князьямъ, «попы любяше повелику, излиха же бѣ любяче черноризьци» [86]): уже одинъ выборъ такого общества говоритъ не въ пользу того предположенія, что Ярославъ былъ большой любитель охоты [87]). Само собою разумѣется, что отсутствіе личной склонности къ охотѣ еще не обрекало Ярослава на совершенно безучастное отношеніе къ ней. Князь съ большими дарованіями, свѣтлымъ умомъ и широкимъ пониманіемъ жизни, Ярославъ зналъ цѣну охотѣ, понималъ ея важное значеніе въ строѣ народной жизни. Объ этомъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, два памятника, одинъ письменный, другой вещественный, происхожденіе которыхъ относится ко времени Ярослава Мудраго. Въ первомъ русскомъ законодательномъ сборникѣ, въ такъ называемой «Русской Правдѣ» имѣются нѣсколько статей, касающихся нарушенія частныхъ правъ въ дѣлѣ охоты, а на стѣнахъ выстроеннаго Ярославомъ Софійскаго собора находятся фресковыя изображенія изъ охотничьяго быта на ряду съ изображеніями княжескаго суда и другихъ сценъ изъ народнаго быта. Эти изображенія въ XVII в. были закрыты штукатуркой, на которой сдѣланы были другія изображенія, но въ XIX в. новая штукатурка была отбита, старая вскрыта, и Ярославовы фрески возобновлены и подправлены, такъ что мы имѣемъ въ нихъ наглядное изображеніе состоянія охоты въ XI вѣкѣ.

Всѣ эти изображенія можно раздѣлить на двѣ группы. Одни изъ нихъ представляютъ самую охоту на различныхъ звѣрей: пѣшую охоту съ собакой на бѣлку (рис. II) и кабана (рис. III), конную охоту на медвѣдя (рис. IV) и «лютаго звѣря» (рис. IV, лѣвая стор.), охоту съ борзой за оленемъ



Снимокъ съ фрескъ Кіево-Софійскаго собора, XI столѣтія (рис. IV).

(рис. V) и соколиную охоту на зайца (рис. VI). Другія изображенія касаются состава княжескихъ охотъ: есть изображенія ловчихъ птицъ-соколовъ и кречетовъ (рис. VII и VIII), охотничьихъ лошадей съ ловчимъ (рис. I), музыканта (рис. X) и, какъ кажется, повара (рис. IX), для приготовленія наловленной звѣрины и дичи. На этихъ изображеніяхъ охотники вооружены лишь копьемъ и лукомъ, шлемомъ и щитомъ. Не раскрывая предъ нами всей картины великокняжеской охоты, со всѣми ея подробностями, эти изображенія все же даютъ понятіе, что ко времени Ярослава она достигла значительнаго развитія и имѣла уже нѣкоторую организацію, которую Владиміръ Мономахъ впослѣдствіи называетъ «ловчимъ нарядомъ».

Изъ сыновей Ярослава только объ одномъ Всеволодѣ (1078—1093) лѣтопись даетъ извѣстіе, касающееся охоты, чрезвычайно любопытное по нѣкоторымъ подробностямъ, характеризующимъ орудія и способы охоты въ его время. «В лѣто 6596 (1088) Всеволоду ловы

10*

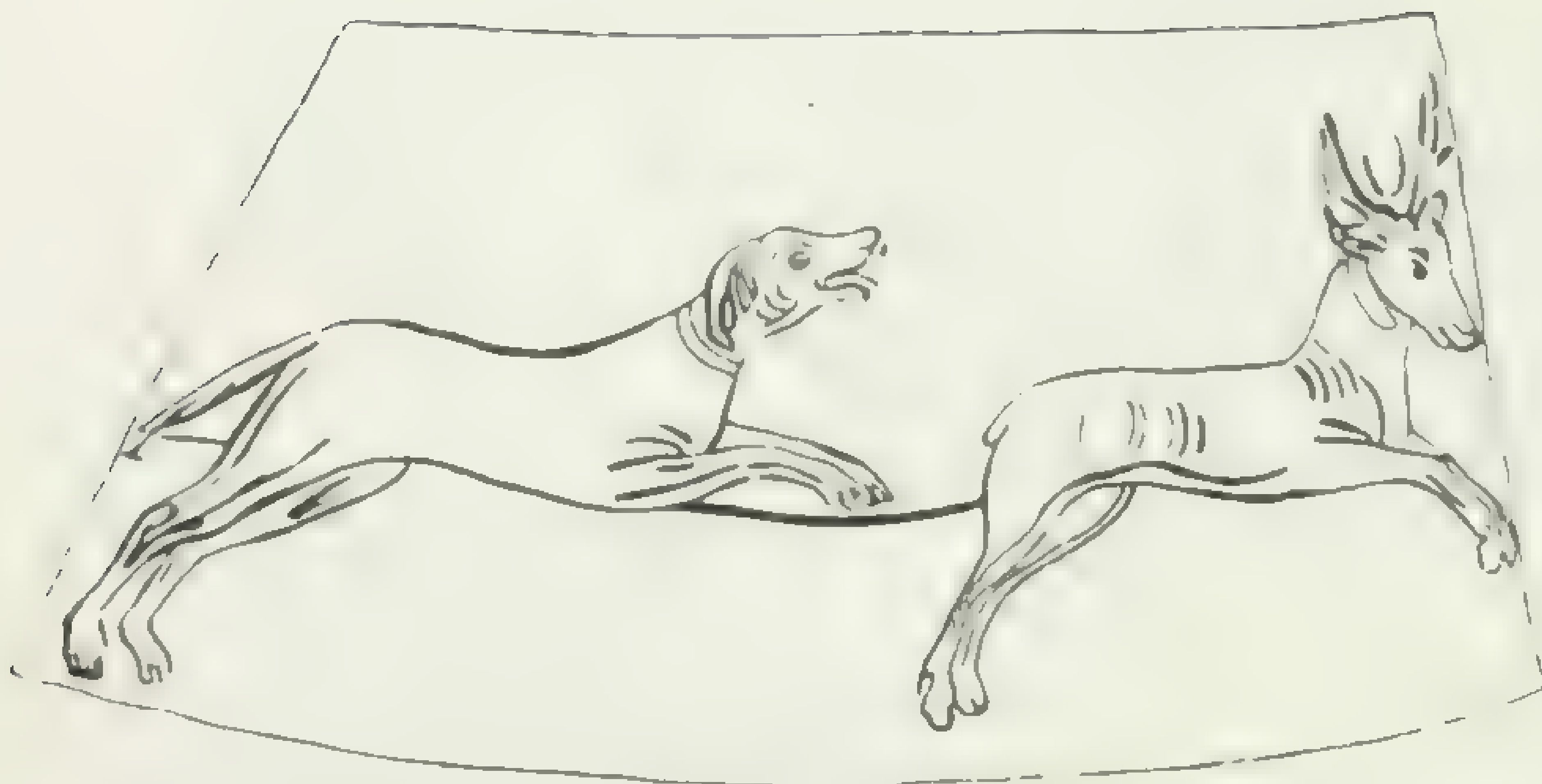


рис. V.



рис. VII.



рис. VI.



рис. VIII.



рис. IX.

Снимки съ фресокъ Кіево-Софійскаго собора, XI столѣтія.

дѣющу звѣриныя за Вышегородомъ, заметавшимъ тенета і кличаномъ кликнувшимъ, спаде привеликъ змѣй с небесѣ, і ужасошася вси людье» [68]). Отсюда видно, что уже въ XI в. въ великокняжеской охотѣ практиковался способъ ловли тенетами при посредствѣ облавщиковъ («кличанъ»): такъ охотились не на однихъ только зайцевъ, но и на другихъ звѣрей.



Снимокъ съ фрескъ Кіево-Софійскаго собора, XI столѣтія (рис. X).

Прежде, чѣмъ перейти къ характеристикѣ Владиміра Мономаха, упомянемъ еще объ одномъ эпизодѣ, связанномъ съ охотой Володаря Ростиславича (около 1120 г.), племянника Ярославова. Этотъ князь въ XII в. былъ самымъ опаснымъ врагомъ Польши. Желая отъ него избавиться, къ нему направили Власта, знаменитаго датчанина при дворѣ Болеслава Храбраго. Назвавшись изгнанникомъ, онъ пріѣхалъ къ Володарю съ дружиной до 30 человѣкъ и нѣкоторое время жилъ у него. Однажды, оба они отправились на охоту. Князь, погнавшись за звѣремъ, удалился отъ города, дружина его разсѣялась по лѣсу, и подлѣ него остался только Властъ съ своими дружинниками; они воспользовались благопріятною минутою, схватили Володаря и умчали его къ польскимъ границамъ. Впослѣдствіи, братъ Володаря, Василько, выручилъ его изъ плѣна, уплативъ большой выкупъ и обязавшись дѣйствовать за одно съ поляками [69]).

Внукъ Ярослава и сынъ Всеволода I, Владиміръ Мономахъ (1113—1125) въ ряду другихъ князей-охотниковъ занимаетъ совершенно особое мѣсто, ему одному подобающее.

Въ самомъ дѣлѣ, въ исторіи великокняжеской охоты Владиміръ Мономахъ представляетъ собою художественный, вполнѣ законченный, типъ князя-охотника. Три основныя черты характеризуютъ этотъ типъ: безграничная отвага, покоющаяся на убѣжденіи, что смерть



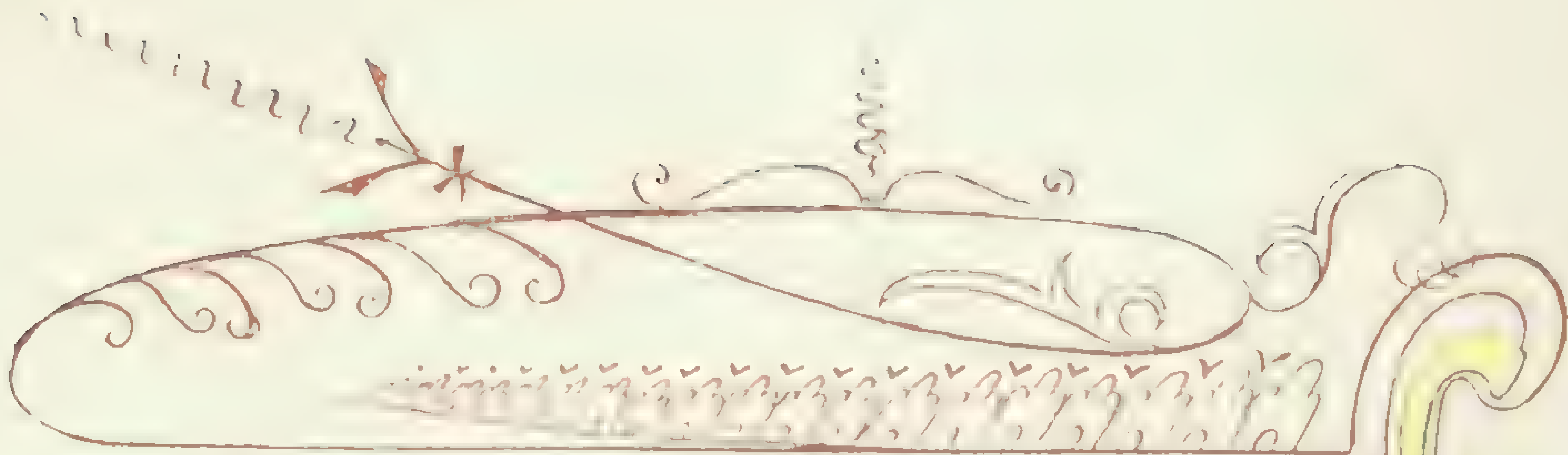
Великій Князь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ,
изъ книги „Титулярника“ Царя Алексѣя Михаиловича, хранящейся въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ.

не приходитъ раньше, какъ въ урочный, Богомъ положенный, часъ; выносливость, которая не признаетъ усталости и нужды въ покоѣ, пока не справлено дѣло, и самодѣятельность, которая создаетъ индивидуальность и въ человѣкѣ вообще, и въ частности въ охотникѣ, девизъ которой: «все самъ — ничего чрезъ другихъ». Этими чертами отмѣчена вся жизнь Владиміра Мономаха, исполненная непрестанныхъ трудовъ и подвиговъ и частыхъ серьезныхъ опасностей. Тринадцати лѣтъ отъ роду, Мономахъ принялся за занятія, которыя, по тогдашнимъ понятіямъ, были приличны княжескому званію: за войну и охоту. Большую часть жизни провелъ онъ внѣ дома, большую часть ночей проспалъ на сырой землѣ; однихъ дальнихъ путешествій совершилъ онъ 83. Дома и въ дорогѣ, на войнѣ и охотѣ, дѣлалъ все самъ, не давалъ себѣ покоя ни днемъ, ни ночью, ни въ холодъ, ни въ жаръ; до свѣта поднимался съ постели, садился думать съ дружиною, или оправливалъ (судилъ) людей, или шелъ на охоту. Къ охотѣ Мономахъ привыкъ и пристрастился съ дѣтства, когда еще съ отцомъ, Всеволодомъ, ходилъ ловить всякаго звѣря, и съ тѣхъ поръ страсть къ охотѣ стала въ душѣ Мономаха господствующею, и, казалось, опасности, которыми охота была богата, только сильнѣй разжигали въ Мономахѣ увлеченіе къ ней. Онъ охотился, «не блюдя живота своего, не щадя головы своей»; много разъ на всемъ скаку падалъ съ коня, дважды голову разбивалъ, ранилъ руки и ноги. А опасности отъ звѣрей были и еще страшнѣе: туръ сильными рогами металъ его вмѣстѣ съ конемъ два раза, а встрѣтиться съ рогами разъяреннаго тура почти то же, что встрѣтиться съ смертью; то олень, то лоси пробовали на немъ крѣпость своихъ копытъ и роговъ; вепрь оборвалъ мечъ у него на бедрѣ, медвѣдь у самаго колѣна прокусилъ подкладъ (потникъ подъ сѣдломъ), лютый звѣрь вскочилъ къ нему на бедра и повалилъ его вмѣстѣ съ конемъ, но,— говоритъ Мономахъ, — «Богъ невредимымъ меня сохранилъ». Въ этихъ бѣдахъ и напастяхъ Мономаху много помогала его богатырская сила

и ловкая охотничья снаровка, о которыхъ можно судить по одному тому, что собственными руками онъ вязалъ въ пущахъ по 10 и 20 дикихъ коней. Не забавой, не княжеской потѣхой была для него охота, но серьезнымъ, жизненнымъ дѣломъ, которое для своего успѣха требуетъ строгаго порядка, систематичности и постояннаго вниманія къ самымъ мелкимъ подробностямъ.

Мономахъ самъ доходилъ до всѣхъ подробностей охотничьяго дѣла: «и въ ловчихъ ловчій нарядъ держалъ, и въ конюхахъ, и о соколахъ и о ястребахъ» заботился; что слѣдовало дѣлать отроку, то дѣлалъ онъ самъ, показывая примѣръ, что всякое дѣло спорится, когда всякій выполняетъ свою долю въ немъ точно, строго, своевременно. Эту простоту нравовъ и эту строгость въ отношеніи своихъ обязанностей онъ завѣщалъ (въ своей «Духовной») и дѣтямъ, и въ особенности совѣтывалъ имъ не бояться смерти: «Смерти, дѣти, не бойтесь, ни отъ рати, ни отъ звѣрей, но творите мужеское дѣло, какое кому Богъ пошлетъ; ничто не повредитъ вамъ, если того Богъ не попуститъ, а если отъ Бога смерть, то ни отецъ, ни мать, ни братья не отнимутъ васъ у нея» [90]). Таковъ былъ этотъ князь труженикъ; въ народѣ твердо сохранялась память о немъ, и долго онъ питалъ особенное расположеніе къ «племени Владиміра».

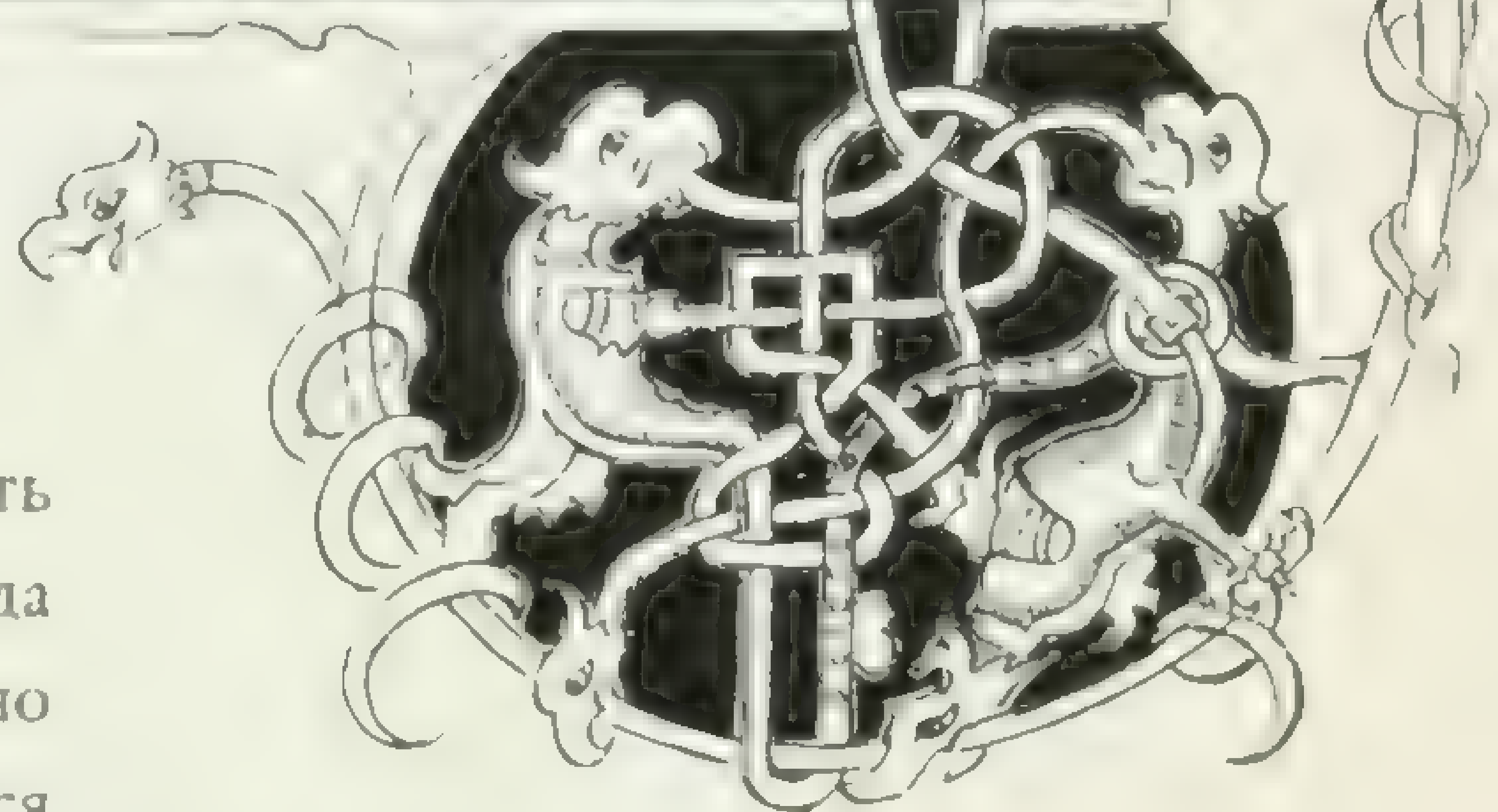
Великокняжеская охота во времена Мономаха, какъ это показываетъ его «Духовная», стояла на высокой степени развитія. Благодаря обилію звѣрей, она была разнообразна и давала большой просторъ для личнаго выбора предметовъ охоты. Существовала охота соколиная и ястребиная и, возможно полагать, псовая, хотя о собакахъ Мономахъ не упоминаетъ ни слова. Но, самое главное, это была уже охота упорядоченная, организованная: существовалъ ловчій нарядъ, т. е. спеціальный, служебный персоналъ охоты; къ сожалѣнію, въ «Духовной» Мономаха не указано подробно, изъ какихъ именно служащихъ состоялъ ловчій нарядъ, и какъ распредѣлялись между ними занятія, и на какія спеціальности распадалась служба ловчаго





Великій Князь
Владимiръ Всеволодовичъ Мономахъ на охотѣ.





наряда; можно съ достовѣрностью сказать только то, что въ составъ ловчаго наряда входили сокольники и конюхи, относительно же другихъ лицъ наряда не представляется возможности высказать болѣе или менѣе вѣроятное предположеніе.

Заканчивая Мономахомъ характеристики кіевскихъ князей-охотниковъ, скажемъ нѣсколько словъ о мѣстахъ ихъ охоты. Хотя вблизи Кіева, окруженнаго лѣсомъ и боромъ великимъ, недостатка въ звѣряхъ не было, однако, кіевскіе князья, охотясь, иногда уходили далеко отъ Кіева: такъ Игорь ѣздилъ на охоту въ Псковъ, Мономахъ охотился съ отцомъ близъ Чернигова и Турова. Но это, нужно думать, бывало во время большихъ и продолжительныхъ охотъ. Для краткой охоты «глумства ради» существовали вблизи Кіева удобныя мѣста, гдѣ выстроены были загородные увеселительные дворы на время пріѣзда князей для охоты. Владиміръ Святой построилъ, на Берестовѣ и на Лыбеди, село Предславлено; Всеволодъ I построилъ Красный дворъ, впослѣдствіи разоренный половецкимъ ханомъ Бонякомъ. Загородный дворъ Владиміра находился среди дремучаго Берестовскаго лѣса, на приднѣпровскихъ возвышенностяхъ съ сѣв.-зап. стороны нынѣшней



Печерской Лавры, а Всеволодовъ Красный дворъ находился за Берестовымъ и Лаврою, по направленію береговыхъ возвышенностей и не въ далекомъ разстояніи отъ Выдубецкаго монастыря, также на сѣв.-зап. его сторонѣ, на холмѣ, который представляетъ крутой спускъ по берегу Днѣпра. На западъ отъ Краснаго двора находилось во время в. кн. Всеволода небольшое поселеніе и значительное пространство лѣса и открытой мѣстности, изрытой оврагами; это пространство называлось «звѣринцемъ», потому что здѣсь князья «дѣяли ловы» на звѣрей, во множествѣ водившихся по оврагамъ и въ чащѣ лѣса. За звѣринцемъ и Краснымъ дворомъ, на югъ, находилось урочище Соколій Рогъ, принадлежавшее великимъ князьямъ. Это было довольно обширное пространство, изрытое оврагами и лишь кое-гдѣ покрытое деревьями. Мѣстность съ такимъ характеромъ вполнѣ была благопріятна для охоты съ соколами, почему и называлась Сокольимъ Рогомъ. Рогомъ же названа, вѣроятно, потому, что крайняя оконечность этого пространства, простиравшаяся по горному возвышенію, оканчивалась узкою вершиною холма, на подобіе рога. Быть можетъ, во времена Всеволода и Мономаха здѣсь было и поселеніе, гдѣ содержали и обучали для охоты княжескихъ соколовъ [91]).

Подобно Кіевскимъ князьямъ, и другіе князья юго-западной Руси — Черниговскіе, Галицкіе, Волынскіе — также питали страсть къ охотѣ и предавались ловамъ съ такою же ревностью и съ такимъ же искусствомъ. Не говоря уже о сходствѣ быта и воспитанія князей, сама природа дѣлала ихъ охотниками, благодатная природа юго-западнаго края, тогда еще сплошь покрытаго вѣковыми лѣсами, богатыми всякимъ звѣремъ. Къ сожалѣнію, лѣтопись не даетъ возможности прослѣдить, какъ страсть къ охотѣ наслѣдственно передавалась отъ отцовъ къ сыновьямъ въ роду князей Черниговскихъ или Галицкихъ; но за то она отмѣчаетъ отдѣльные эпизоды, связанные съ охотой этихъ князей, и иногда даетъ характеристику князя-охотника.

11*

Два эпизода связаны съ именемъ Святослава Ольговича, князя Сѣверскаго и впослѣдствіи Черниговскаго. Въ 1180 году, въ самый разгаръ междоусобной войны между Ольговичами и Мономаховичами, Святославъ, желая вытѣснить князей Рюрика и Давыда Ростиславичей изъ Кіевской области, вздумалъ схватить Давыда на звѣриной ловлѣ въ окрестностяхъ Днѣпра. Давыдъ, вмѣстѣ съ княгиней и съ дружиной, на лодкахъ «дѣялъ ловы» по Днѣпру, а Святославъ шелъ по Черниговской сторонѣ, «ловы дѣя противу Давыдови», т. е. маскируя охотой свой умыселъ противъ Давыда; въ удобный моментъ онъ ударилъ внезапно на Давыда, такъ что тотъ едва успѣлъ спастись съ женой на лодкѣ, а его дружина и всѣ запасы «товары» попали въ руки Святославу [92]).

Спустя десять лѣтъ, въ 1190 году, Святославъ вновь охотился на



Днѣпрѣ, и на этотъ разъ уже безъ задней мысли, не предпринимая козней противъ кіевскихъ князей. Усобица улеглась, съ половцами былъ заключенъ миръ, и вотъ Святославъ вмѣстѣ съ Рюрикомъ, недавнимъ врагомъ, отправляются на ловы исключительно для утѣхи и веселья. Лѣтописецъ передаетъ объ этой охотѣ подробности въ выраженіяхъ чрезвычайно характерныхъ и имѣющихъ большой интересъ для исторіи охоты. «В лѣто 6698 (1190) Святославъ съ сватомъ своимъ Рюрикомъ утишивша землю русскую и Половцы примиривша въ волю свою, и сдумавша и идоста на ловы по Днѣпру въ лодьяхъ, на устья Тесмени, и ту ловы дѣявше и обловишася множествомъ звѣрей, и тако наглумистася и во любви пребыста и во веселіи по вся дни и возвратишася во свояси» [93]). Очевидно, что этой охотѣ князей предшествовало соглашеніе относительно устройства охоты, и князья отправлялись на охоту съ заранѣе обдуманнымъ планомъ «сдумавша»; неудивительно, что эта охота была особенно удачна «обловишася множествомъ звѣреи» и принесла князьямъ массу удовольствій и наслажденія. «Пребывая въ любви», которой не смущали ни тѣнь минувшей усобицы, ни заботы о грядущемъ, князья всецѣло отдались бодрящимъ впечатлѣніямъ охоты, веселились и шутили «наглумистася», вѣроятно, на счетъ комическихъ и забавныхъ случаевъ, всегда неразлучныхъ съ большою охотой. Нужно думать, что князья охотились съ собаками и съ ловчими птицами, такъ какъ при дворѣ Святослава была въ ходу ястребиная охота, и его сынъ Игорь, былъ большой любитель такой охоты; онъ ею занимался даже въ плѣну у половцевъ послѣ неудачнаго похода 1185 г., воспѣтаго въ «Словѣ о Полку Игоревѣ»: «Половцы», говоритъ лѣтописецъ, «волю ему даяхуть, гдѣ хочетъ, ту ѣздяшеть и ястребомъ ловяшеть» [94]).

Свѣдѣнія объ охотахъ Галицкихъ и Волынскихъ князей относятся къ XII и XIII вв. Такъ, въ 1144 году, Владиміръ, основатель Галицкаго княжества, ходилъ на ловы къ устьямъ рѣки Тисмяницы.

Около 1166 года, по поводу пріѣзда греческаго императора Андроника Комнина, Ярославъ Галицкій устроилъ большую охоту на туровъ, въ которой принимали участіе Ростиславъ Мстиславичъ, князь Кіевскій, и другіе Русскіе князья. Андронику такъ понравилась княжеская охота, что, возвратясь на родину, онъ рѣшилъ завести охоту при своемъ дворѣ [95]).

Во второй половинѣ XIII вѣка, на Галицкомъ княжествѣ сидѣлъ Даніилъ Романовичъ, очень выдающійся князь-охотникъ, какъ это можно видѣть изъ слѣдующаго факта. Въ 1255 году, провожая свое войско до Грубешова, Даніилъ по дорогѣ собственноручно убилъ рогатиной трехъ кабановъ, да отрокъ трехъ, и мясо убитыхъ кабановъ Даніилъ далъ «воемъ (войску) на путь» [96]). Съ охотою Даніила Романовича связана исторія основанія города Холма. Въ 1259 году, охотясь въ отъѣзжемъ полѣ, Даніилъ сдѣлалъ привалъ на одномъ крайне живописномъ холмѣ, покрытомъ лѣсомъ. Мѣстность эта чрезвычайно ему понравилась, и онъ рѣшилъ основать здѣсь городокъ, давъ ему то же имя, какое мѣстные жители издавна усвоили этой живописной мѣстности — Холмъ [97]). Племянникъ Даніила Романовича, князь Владиміръ Васильевичъ Волынскій достойно замыкаетъ собою рядъ князей-охотниковъ южной Руси. По выдержанности характера и по своему чисто-охотничьему темпераменту, Владиміръ Волынскій живо напоминаетъ Владиміра Мономаха. Въ немъ та же отвага и страсть къ охотѣ, что и въ Мономахѣ, и тотъ же закалъ, по которому легко отличить охотника по натурѣ, охотника настоящаго, отъ случайнаго любителя охоты. Если послѣдняго успѣхъ радуетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ легче онъ достался, то для перваго, напротивъ, успѣхъ только тогда и имѣетъ значеніе, когда онъ купленъ цѣною риска, борьбы и труда, когда онъ даетъ охотнику случай глубоко почувствовать свою силу и отвагу, сознать свою ловкость и энергію; словомъ, охотнику по натурѣ важенъ не столько результатъ охоты, сколько самый процессъ ея и его отдѣльные моменты. Это различіе охотничьихъ





„Волю ему даѧхуть, гдѣ хочетъ, ту ѣздѧшеть и ѧстребомъ ловѧшеть“

типовъ, повидимому, стояло предъ умственнымъ взоромъ лѣтописца, когда онъ набрасывалъ охотничій портретъ Владиміра Волынскаго. «В лѣто 6795 (1287) Володимиръ пріѣха изъ Раво въ Любомль, (Люблинъ) туже и лежаше всю зиму въ болѣсти своей, разсылая слуги своѣ на ловы. Бяшеть бо и самъ ловецъ добръ, хоробръ, николи же ко вепреви и ни къ медвѣдевѣ не ждаше слугъ своихъ, а быша (чтобы) ему помогли, скоро самъ убиваше всякій звѣрь; тѣмже

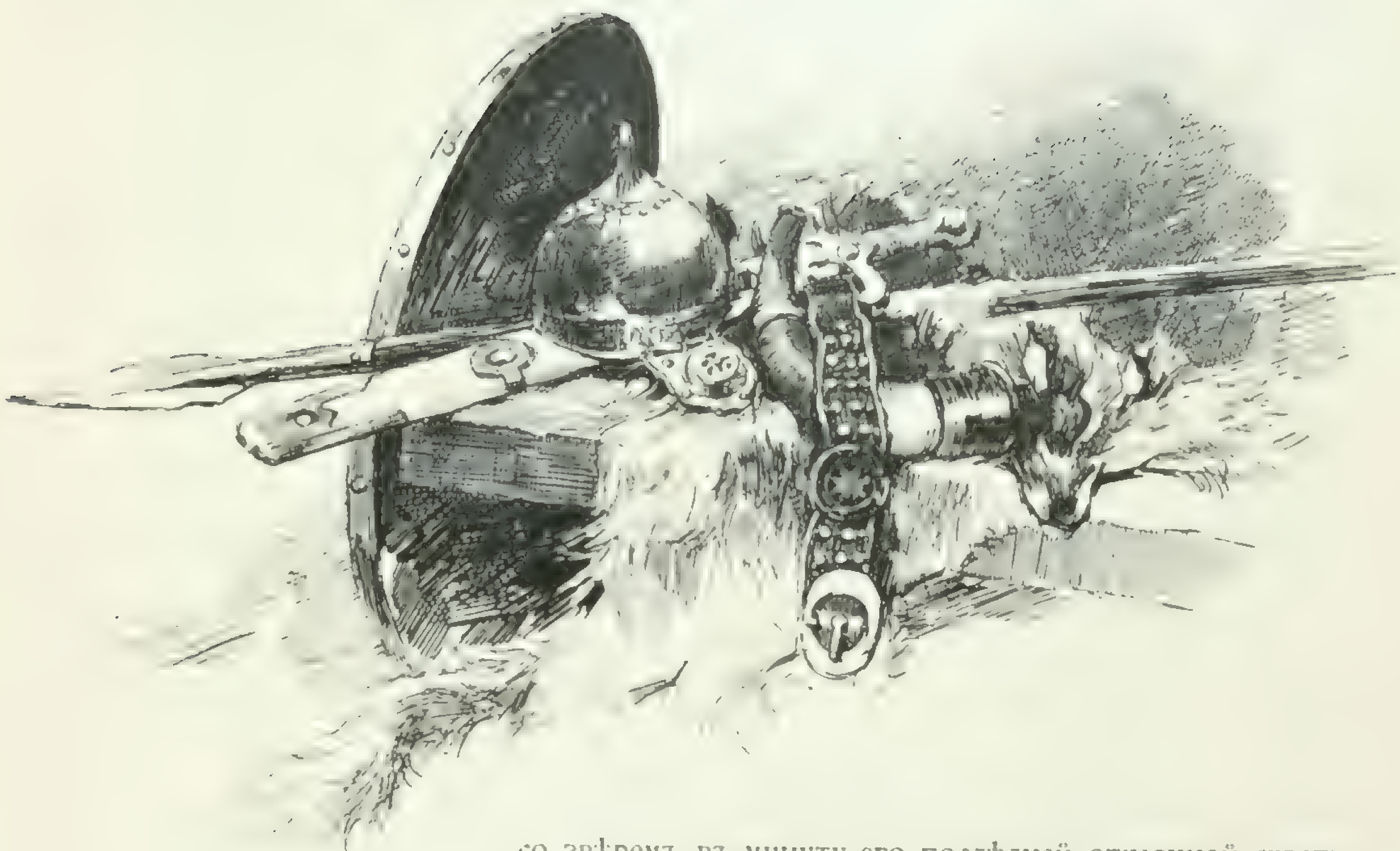


Охота на вепря
Великаго Князя Даніила Романовича Галицкаго.

и прослылъ бяшеть по всей землѣ, понеже далъ бяшеть ему Богъ вазнь (счастье) не токмо на одиныхъ ловѣхъ, но и во всемъ за его добро и правду» [98]). Лѣтописецъ, очевидно, симпатизируетъ этому князю-охотнику и рѣзко выдѣляетъ его изъ круга тѣхъ князей, которые, по недостатку ли мужества или по отсутствію охотничьяго темперамента, иногда поступались драматическимъ, самымъ интереснымъ, моментомъ охоты, выдвигая вмѣсто себя послушныхъ слугъ на борьбу







со звѣремъ въ минуту его послѣдней отчаянной схватки съ охотникомъ. Встрѣчалъ ли вепря Владиміръ, иль попадался ему на глаза медвѣдь, не ждалъ Владиміръ слугъ, но быстро шелъ навстрѣчу звѣрю, какъ бы радуясь случаю помѣряться съ нимъ силою одинъ-на-одинъ и вѣрнымъ, мѣткимъ ударомъ положить звѣря на мѣстѣ. Оттого удача и слава были неизмѣнными спутниками этого князя-охотника.

Князья Черниговскіе, Галицкіе и Волынскіе иногда охотились вблизи своихъ городовъ, но для большихъ охотъ обыкновенно отправлялись по Днѣпру на лодкахъ къ устьямъ Тисмяницы. Тисмяница — рѣчка, протекавшая на границѣ нынѣшнихъ Херсонской и Кіевской губерній. Судя по результатамъ охоты Святослава Черниговскаго и Рюрика Ростиславича въ 1190 г. «обловишася множествомъ звѣрей», мѣстность по берегамъ Тисмяницы и особенно у ея устьевъ была чрезвычайно богата звѣрями, но нужно полагать, что, кромѣ

того, она представляла особенныя удобства для большихъ правильныхъ охотъ.

Въ отношеніи охоты, южная Русь больше давала простора, приволья и разнообразія, чѣмъ Русь сѣверо-восточная. Однако и здѣсь были на лицо всѣ условія, благопріятныя для охоты. Новгородъ и впослѣдствіи Москва выставили своихъ князей-охотниковъ, не менѣе типичныхъ и рьяныхъ, чѣмъ ихъ собратья съ дальняго юга. Случалось даже, что у Новгородскихъ князей увлеченіе охотой переходило всякій предѣлъ, мѣшало имъ добросовѣстно исполнять свои прямыя обязанности по управленію областью и открыто нарушало установившіяся права и границы частной охоты. На этой почвѣ между князьями и Господиномъ Великимъ Новгородомъ возникали весьма любопытныя столкновенія. Исторія знаетъ два такихъ случая. Въ 1135 году, послѣ пораженія Новгородцевъ на Ждановой горѣ Суздальцами и Ростовцами, Новгородцы задержали своего князя Всеволода Мстиславича и, недовольные его повеленіемъ, посадили его подъ крѣпкую стражу. «А се вины его творяху: почто не блюде черныхъ людей; почто восхотѣ сѣсти въ Переславли, почто восхотѣ ити на Суждальцы и Ростовцы и пошедъ; почто не крѣпко бися и почто напередъ всѣхъ побѣжалъ, и почто возлюби играти и утѣшатися, а людей не управляше, и почто ястребовъ и собакъ собра, а людей не судяше и не управляше»[99]). Другой случай произошелъ въ 1270 году, въ княженіе великаго князя Ярослава Ярославича, и сопровождался еще болѣе сильнымъ взрывомъ народнаго негодованія. Новгородцы устали терпѣть неправды и утѣсненія, чинимыя княземъ; чуткіе къ своимъ исконнымъ правамъ, они не въ силахъ были мириться съ его произвольными захватами ихъ охотничьихъ угодій по Волхову и въ другихъ мѣстахъ,—«заратились» (взбунтовались) Новгородцы, избили пріятелей и совѣтниковъ князя, дворы ихъ разграбили, а къ самому князю отправили на Городище посольство съ письмомъ. «Ты, княже, неправду почто чинишь», писали они ему, «и многи ястребы и соколы

Договорная грамота Новгорода съ Великимъ Княземъ Тверскимъ Ярославомъ Ярославичемъ, 1265 г., хранящаяся въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ.

держиши? Отъялъ еси у насъ Волховъ гоголиными ловцы и иныя воды утечьими ловцы, а псовъ держишь много и отнялъ еси у насъ поле заечьими ловцы... и иныя многи вины твои, княже, и мы нынѣ, княже, не можемъ терпѣти твоего насилія; пойди, княже, отъ насъ добромъ, а мы себѣ князя добудемъ» [100]). Обида и негодованіе Новгородцевъ были вполнѣ справедливы, такъ какъ только за пять лѣтъ передъ этимъ, въ 1265 году, Ярославъ Ярославичъ заключилъ съ Новгородомъ договорную грамоту, въ которой точно опредѣлялись и мѣста, и время княжеской охоты — «по старинѣ», какъ было при его дѣдахъ и отцѣ, и Ярославъ на томъ крестъ цѣловалъ [101]). Сверхъ того, злоупотребленія князя не были результатомъ случайныхъ и потому извинительныхъ увлеченій охотника; напротивъ, они производились систематически и запечатлѣны были характеромъ явнокорыстнаго посягательства на чужія права. Для исторіи охоты это столкновеніе Новгородцевъ со своимъ княземъ имѣетъ существенное значеніе: оно показываетъ, что къ XIII в. охотничье дѣло въ Новгородѣ достигло высокой степени развитія, и въ ряду другихъ житейскихъ интересовъ интересы охоты занимали одно изъ первыхъ мѣстъ, точно регламентировались и тщательно оберегались народомъ отъ посягательства и захватовъ со стороны князей. Мотивъ для ревниваго оберéганія правъ частной охоты у Новгородцевъ заключался въ важномъ экономическомъ значеніи охоты: почти вся отпускная торговля Новгорода исчерпывалась въ XII—XIII в. мѣховымъ и пушнымъ товаромъ. Оттого-то здѣсь и могли изъ-за охоты обостряться отношенія князей къ народу, и могли возникать между ними столкновенія, какихъ не знала даже сосѣдняя Москва.

Москва въ первый разъ упоминается въ лѣтописи подъ 1147 годомъ. Съ тѣхъ поръ, вплоть до половины XVI в., она исподволь возвышается, борется за первенство и изъ ничтожнаго пригорода Владиміра дѣлается, наконецъ, единымъ центромъ политической жизни



Великій Князь Иванъ III Василевичъ,
изъ книги „Титулярника“ Царя Алексѣя Михаиловича.

всей Руси. За этотъ долгій періодъ она пережила всѣ невзгоды татарскаго ига и вынесла сильную борьбу съ сосѣдними областями: Рязанью и Тверью, Псковомъ и Новгородомъ. При Иванѣ III и Василіѣ III процессъ собиранія Руси подъ единой державой Москвы заканчивается: Русь собралась, Москва стала ея сердцемъ, а Московскіе князья — самодержцами всея Руси. Съ XII по XV в. Москва не выдвинула ни одного князя-охотника, который могъ бы идти въ сравненіе съ знаменитыми князьями-охотниками южной Руси. И за это время не сохранилось почти никакихъ извѣстій о личной охотѣ Московскихъ князей, хотя, разумѣется, нельзя думать, что они вовсе и не охотились. Но если правильно-организованная придворная охота повсюду является вѣрнымъ признакомъ прочно установившагося государственнаго порядка, то, очевидно, нельзя ее искать тамъ, гдѣ государственный порядокъ только устанавливается, борется за свою организацію и подверженъ всѣмъ случайностямъ борьбы. Вотъ почему до XV—XVI в. мы не находимъ въ Москвѣ признаковъ широкой постановки великокняжеской охоты. Первые Московскіе князья интересуются охотой больше съ фискальной точки зрѣнія, какъ важной статьей государственнаго бюджета, чѣмъ съ точки зрѣнія забавы, до извѣстной степени, благодаря традиціямъ, обязательной для князей и царей. Иванъ Калита, Симеонъ Гордый, Димитрій Донской ревниво оберегаютъ свои «сокольничьи и ловчіи пути». Всѣ большіе скопидомы, они едва ли даже способны были на крупные расходы по постановкѣ великокняжеской охоты въ широкихъ размѣрахъ. Въ XV—XVI в., подъ вліяніемъ частыхъ сношеній съ европейскими дворами, сказалась уже прямая нужда поставить охоту на ту же высоту, на какой она стояла при дворахъ европейскихъ государей. Этого требовали обычаи международныхъ сношеній и интересы собственнаго достоинства: для престижа Московскихъ государей было бы убыточно краснѣть передъ чужими людьми за убожество придворныхъ удовольствій и развлеченій.



Великій Князь Василій III Ивановичъ,
изъ книги „Титулярника" Царя Алексѣя Михаиловича.

Время Василія III можетъ считаться временемъ полнаго пышнаго расцвѣта великокняжеской охоты на Москвѣ, а самъ Василій III — типичнѣйшимъ представителемъ Московскихъ князей-охотниковъ этого періода. Про Василія III можно сказать, что онъ былъ рожденъ для охоты. Русскій по отцу и грекъ по матери, Василій III соединялъ въ себѣ обычную ширь русскаго характера съ страстностью греческаго темперамента, и эти черты его натуры одинаково сказывались и въ его дѣлахъ, и въ его забавахъ. Василій III отдавался охотѣ, какъ артистъ — сценѣ, какъ художникъ — любимому искусству, и умѣлъ такъ обставлять свои охоты, что онѣ невольно поражали воображеніе участниковъ грандіозностью общей картины, богатствомъ разнообразныхъ подробностей и единственнымъ увлеченіемъ дѣйствующихъ лицъ. Охота Василія — это былъ праздникъ, шумный, веселый и блестящій. Вотъ описаніе охоты Василія, оставленное намъ очевидцемъ ея, образованнымъ иностранцемъ Герберштейномъ: Самъ Василій — въ центрѣ картины; онъ въ короткомъ, шитомъ золотомъ, кафтанѣ; на головѣ шеломъ съ двумя козырьками впередъ и назадъ, изъ которыхъ торчали вверхъ, какъ перья, золотыя пластинки и, качаясь взадъ и впередъ, переливались золотымъ блескомъ; у пояса два длинныхъ охотничьихъ ножа и такой же кинжалъ, а за поясомъ кистень съ металлическимъ привѣсомъ на концѣ; Василій на крупномъ и статномъ красавцѣ-аргамакѣ, убранномъ съ большою роскошью. Справа отъ князя ѣхалъ изгнанный Казанскій царь Шигъ-Алей, слѣва два молодые князя, одинъ съ сѣкирой изъ слоновой кости, другой съ булавой-шестоперомъ; сзади многочисленная блестящая свита бояръ-охотниковъ. Весь охотничій кортежъ въ полѣ доходилъ до 300 всадниковъ. Часть ловчихъ, около 100 человѣкъ, одѣты половина въ черный, половина въ желтый цвѣтъ. Псари на готовѣ держатъ своры породистыхъ собакъ, гончихъ и борзыхъ. Царь подастъ знакъ, псари спускаютъ собакъ, во весь опоръ мчатся охотники, и начинается потѣха-травля



Великій Князь Василій III Іоанновичъ.



Изображенiе Барона Сигизмунда Герберштейна въ пожалованныхъ В. К. Василiемъ III Ивановичемъ кафтанѣ и шапкѣ; съ современной гравюры на деревѣ.

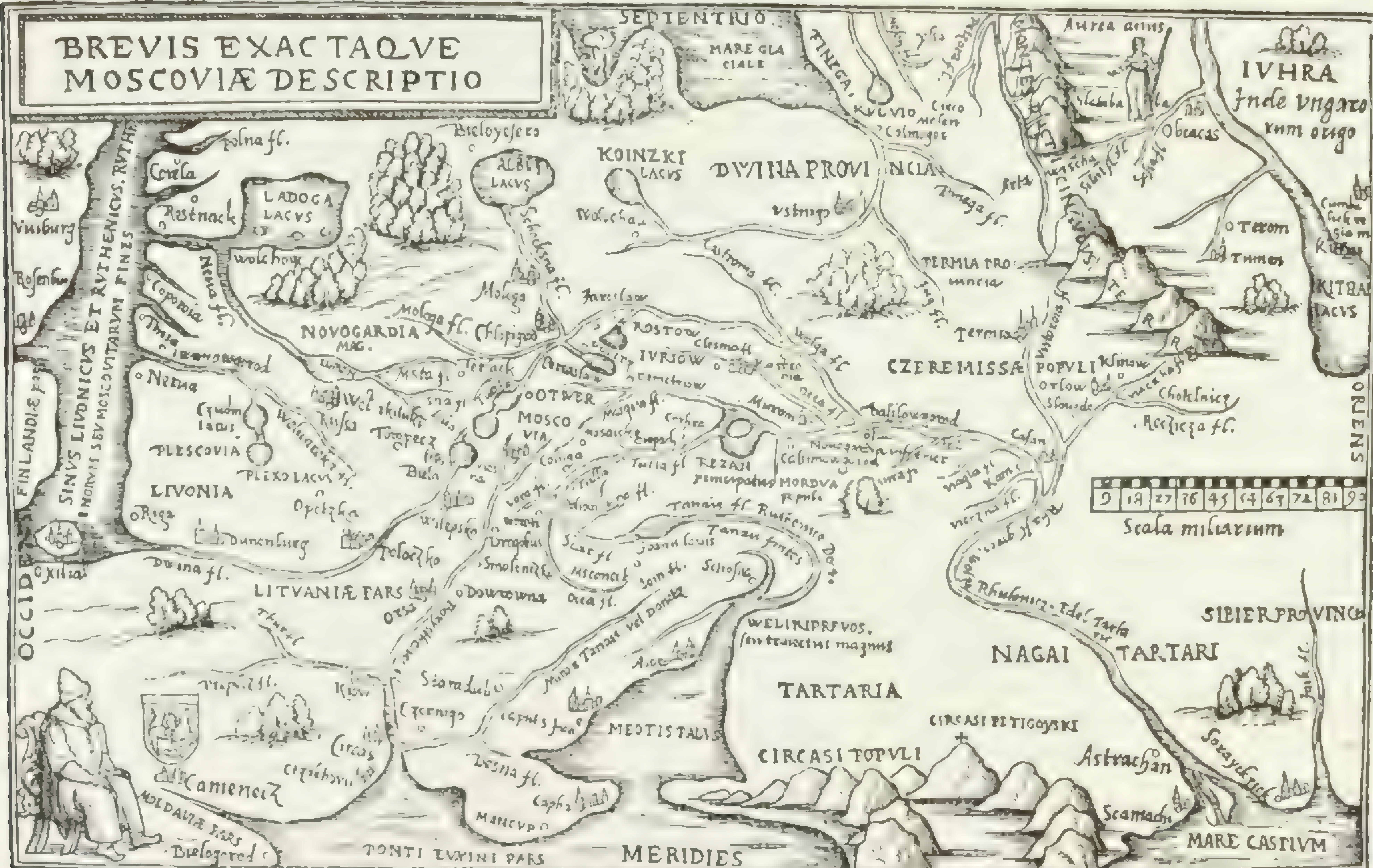
зайцевъ. Стономъ стонетъ окрестность отъ лая собакъ, отъ крика и шумныхъ восторговъ, когда затравленъ заяцъ. Весело охотникамъ внимать этому шуму охоты; любо имъ, съ трепетнымъ замиранiемъ сердца, слѣдить за своими собаками, чья больше затравитъ, чья по-



Изображеніе 1. Москвы при Великомъ Князѣ Василіи III Ивановичѣ. Путешествіе по Россіи Герберштейна въ концѣ XV столѣтія.

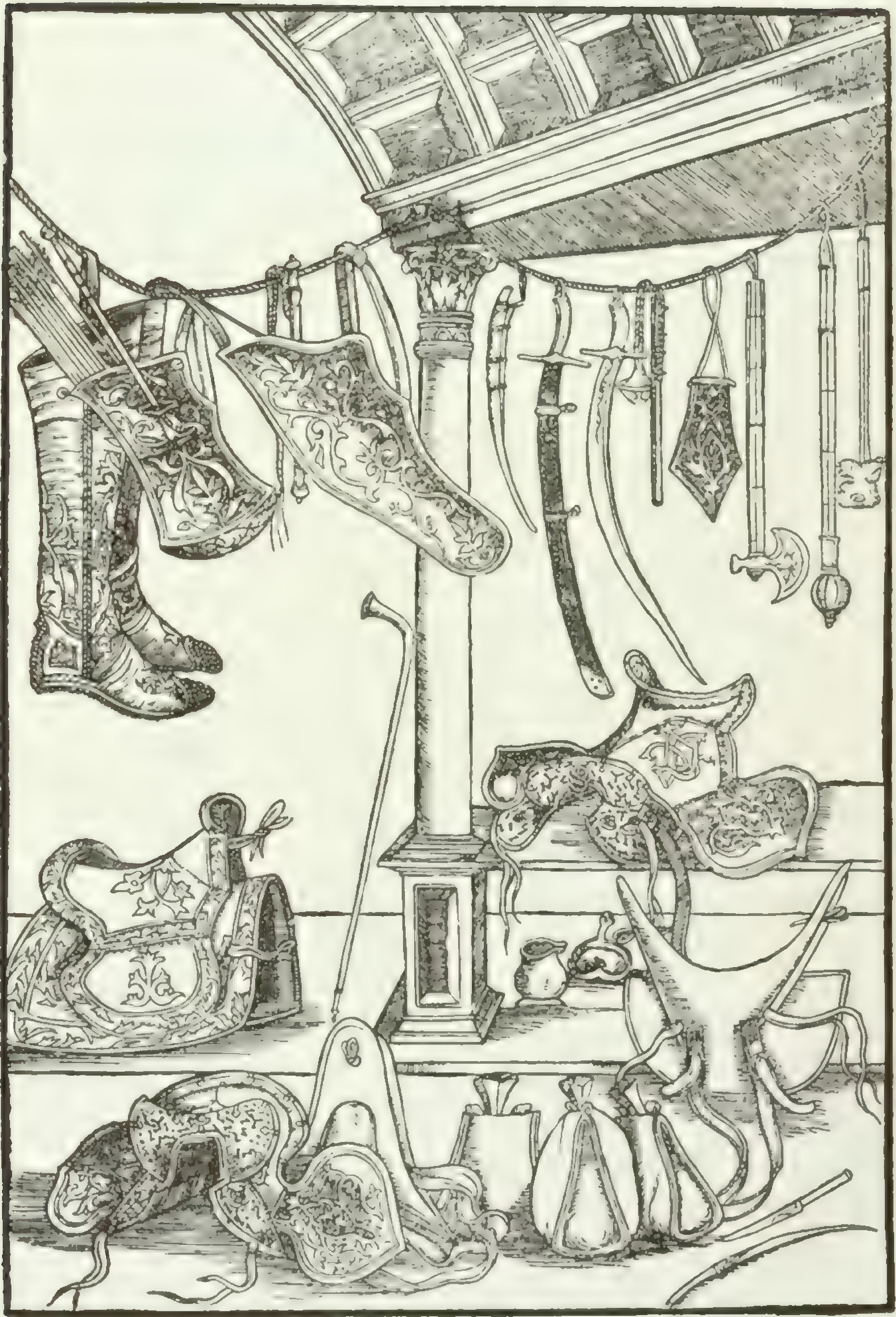
бѣлитъ: тотъ и былъ героемъ дня, чьи собаки отличались на славу. Легко можно себѣ представить, какое богатство ощущеній могла давать такая охота. Страстный любитель псовой охоты, Василій каждую осень отправлялся — «осеневать» (охотиться), какъ тогда выражались [102]). Любимыми мѣстами его охоты были Волокъ Ламскій и Можайскъ, но въ особенности первый. На Волокѣ онъ сталъ охотиться не ранѣе 1515 года, т. е. года два спустя по смерти послѣдняго Волоцкаго князя Ѳеодора Борисовича, и живалъ здѣсь по мѣсяцу и болѣе. Такъ въ 1519 году онъ пробылъ на Волокѣ отъ 14 Сентября до 26 Октября [103]).

13*



RVSSORVM REX ET DOMINVS SVM, IVRE PATERNI SANGVINIS: IMPERII TITVLOS A NEMINE, QVAVIS MERCATVS PRECE, VEL PRECIO: NEC LEGIBVS VLLIS SVBDITVS ALTERIVS, SED CHRISTO CREDVLVS VNI, EMENDICATOS ALIIS ASPERNOR HONORES:

Карта Московіи — съ изображеніемъ Великаго Князя Василія III Іоанновича — конца XV столѣтія, изданная Герберштейномъ. Собраніе П. Я. Дашкова.



Древне-Русское вооруженіе и конская сбруя конца XV столѣтія, изъ Путешествія Герберштейна.



Въ послѣдній разъ Василій охотился въ 1533 году въ любимомъ Волокѣ Ламскомъ, и здѣсь-то, почти на самой охотѣ, застигла его смерть. Въ половинѣ Августа Василій собирался выѣхать изъ Москвы съ дворомъ на охоту въ Волокъ Ламскій, но 14 Августа въ Москву пришла вѣсть, что крымскіе татары идутъ на Рязань. Пришлось на время покинуть свору и взяться за мечъ. Татары вскорѣ были прогнаны, и 25 Сентября князь, вмѣстѣ съ супругою Еленою Глинскою и дѣтьми, радуясь изгнанію татаръ, праздновалъ въ Троицкой Лаврѣ день Св. Сергія. Отсюда онъ отбылъ въ Волокъ Ламскій на случайно задержанную охоту, но въ своемъ селѣ Озерецкомъ занемогъ такимъ недугомъ, который вначалѣ нимало не казался опаснымъ. На сгибѣ лѣваго стегна (стегно — верхняя часть ноги) явилась болячка съ булавочную головку, безъ верха и гноя, но мучительная. Великій князь съ трудомъ выѣхалъ до Волока; въ воскресенье, послѣ Покрова, былъ на пиру у своего любимца, тверскаго дворецкаго Ивана Юрьевича Шигоны-Поджогина,

а на другой день ходилъ въ мыльную, т. е. баню, и обѣдалъ съ боярами, но уже черезъ силу и въ постельныхъ хоромахъ. Во вторникъ съ утра стояла великолѣпная погода, и больной князь не утерпѣлъ, — «не уняся, хотя тѣшитися», — послалъ за своими ловчими: Өеодоромъ Михайловичемъ Нагимъ, Борисомъ Васильевичемъ Дятловымъ и Бобрищевымъ-Пушкинымъ и поѣхалъ съ ними на охоту къ селу Колпь, но охота была неудачна. Не взирая на болѣзнь, все усиливавшуюся, изъ Колпи князь посылаетъ за своимъ братомъ Андреемъ Ивановичемъ, приглашая его на охоту, и, когда онъ пріѣхалъ, Василій съ великимъ трудомъ отправился на поле съ собаками; однако, ѣздилъ немного, не далѣе двухъ верстъ отъ села. Возвратившись съ охоты въ Колпь, Василій, совершенно изнемогая, обѣдалъ съ братомъ; это была его послѣдняя общая трапеза, послѣ которой онъ окончательно слегъ. Вызванный сюда придворный лѣкарь Николай Булевъ не могъ помочь больному князю; Василія перевезли въ Москву, и тамъ онъ вскорѣ скончался [104]), передавъ власть трехлѣтнему Ивану IV.

Въ исторіи охоты царь Иванъ IV Васильевичъ Грозный представляетъ собою личность своеобразную и исключительную, и даетъ яркое доказательство того, какъ въ зависимости отъ личныхъ качествъ государя могла иногда измѣняться великокняжеская русская охота, какъ она приходила въ упадокъ, какъ искажался ея характеръ. Богато одаренная, но нервная и до крайности впечатлительная натура Ивана IV была очень испорчена боярами, воспитывавшими юнаго царевича; эти бояре потворствовали его дурнымъ склонностямъ и искусственно пробуждали въ немъ низменные животные инстинкты. Временщики, Шуйскіе и Глинскіе, систематически развращали юнаго Ивана и способствовали развитію въ немъ жестокости. Иванъ IV еще мальчикомъ началъ охотиться, но, казалось, охота влекла его къ себѣ больше зрѣлищемъ крови, мученій и смерти животныхъ, чѣмъ иными впечатлѣніями высшаго порядка.

Даже внѣ охоты Иванъ любилъ мучить животныхъ, бросая ихъ съ высокаго крыльца, и съ непонятнымъ наслажденіемъ любовался ихъ предсмертными корчами.

Отъ жестокости къ животнымъ не трудно было перейти къ жестокости къ людямъ. Въ 1545 г., находясь съ войскомъ у Коломны въ ожиданіи крымскаго хана, Иванъ однажды охотился вблизи Коломны. Пятьдесятъ новгородскихъ пищальниковъ остановили его, чтобы принести ему какія-то жалобы, и вотъ Иванъ велитъ свитѣ разогнать эту толпу просителей. Новгородцы противились; завязалась битва, стрѣляли изъ ружей, сѣклись мечами, и безъ убитыхъ дѣло не кончилось. До 1547 г. Иванъ охотился весьма часто. Въ сопровожденіи братьевъ, Юрія Васильевича и Владиміра Андреевича, съ огромной толпой бояръ, придворныхъ и слугъ, Иванъ отправлялся на охоту въ Волокъ Ламскій, Можайскъ, Владиміръ, Тверь, Ржевъ, Новгородъ и Псковъ. Любимою охотою Ивана IV была охота на медвѣдей, которыхъ иногда нарочно собирали въ дворцовыхъ селахъ, искусственно устроивая медвѣжьи загоны.

Съ 1547 по 1560 г. въ настроеніи Ивана IV, подъ вліяніемъ Сильвестра и Адашева, происходитъ крутой переломъ. Иванъ кается предъ народомъ въ грѣхахъ юности, проситъ простить его и обѣщаетъ весь отдаться дѣламъ справедливаго и милостиваго правленія. И дѣйствительно, начинается свѣтлая пора сосредоточенныхъ заботъ о дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ. Забавы забыты и охота покинута. Заѣзжіе люди, англичане, хвалятъ Русскаго царя и говорятъ, что онъ не скучаетъ дѣлами и, погруженный въ заботы, не развлекается ни музыкой, ни охотой, которая характерно именовалась въ то время «прохладой». Благодаря этому, въ охотѣ начинается запущеніе и въ ея составѣ упадокъ. Такъ, когда, по окончаніи войны, Баторій прислалъ просить у Ивана красныхъ кречетовъ, Иванъ приказалъ отвѣтить Баторію, что «пошлетъ за кречетами на Двину и Поморье; были у него кречеты







Царь Иванъ IV Василіевичъ,
изъ книги „Титулярника“ Царя Алексѣя Михаиловича.

добрые, да поизвелись; давно ужъ онъ пересталъ усердно охотиться, потому что пришли на него кручины большія». Съ 1560 по 1584 г. въ жизни Грознаго наступаетъ третій и самый ужасный періодъ — періодъ Опричнины, безпрестанныхъ казней и изумительныхъ жестокостей. Иванъ снова возвращается къ забытой охотѣ, но теперь охота играетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ исключительную роль, служитъ средствомъ къ выполненію жестокихъ замысловъ тирана, орудіемъ ужаснѣйшихъ казней. Окруженный опричниками, Иванъ жилъ въ Александровской слободѣ, часто молился до изнеможенія, еще чаще предавался пирамъ и распутству и отъ кровавыхъ зрѣлищъ нерѣдко переходилъ къ охотѣ на звѣрей. Попрежнему онъ любилъ травлю медвѣдей, но въ то же время началъ забавляться и травлей людей медвѣдями; если случайно у дворца собиралась толпа народа, Иванъ приказывалъ выпустить двухъ-трехъ медвѣдей и тѣшился общимъ смятеніемъ и отчаянными воплями изувѣченныхъ жертвъ; изувѣченныхъ, впрочемъ, онъ всегда награждалъ: давалъ по золотой деньгѣ и болѣе. Одинъ иностранецъ (Петрей де-Ерлезундъ) разсказываетъ слѣдующій случай: незадолго до кончины, Грозный тѣшился боемъ плѣнныхъ съ медвѣдями; между ними былъ одинъ сильный и ловкій полякъ, который ухитрился всунуть медвѣдю въ открытую пасть небольшой камень, схватилъ медвѣдя за языкъ и держалъ его такъ крѣпко, что медвѣдь задохся; Грозному понравилась эта смѣлость и смѣтливость, и онъ отпустилъ поляка на волю и далъ ему подарокъ. Въ этотъ періодъ медвѣди и собаки начинаютъ служить Грозному, помимо охоты, еще и для цѣлей казни опальныхъ людей, и современникамъ приходилось наблюдать ужасныя, потрясающія картины. Въ 1575 году Грозный «опалился» на Новгородскаго Архіепископа Леонида, приказалъ зашить его въ медвѣжью шкуру и затравилъ собаками; и это такъ забавило царя, что, по выраженію иностранца (Петрея де-Ерлезунда) «онъ не зналъ, на какую ногу и стать». Въ другой разъ Грозный травилъ мед-



Царь Өеодоръ Ивановичъ,

изъ книги „Титулярника“ Царя Алексѣя Михаиловича.

вѣдями опальныхъ монаховъ, и вотъ описаніе этой казни, составленное чужестранцемъ (англичаниномъ Горсеемъ): Грозный приказалъ привести большихъ дикихъ медвѣдей, свирѣпыхъ и голодныхъ, въ Александровскую слободу, въ пространное мѣсто, обнесенное высокою стѣною; ввели, одного за другимъ, семь степенныхъ толстыхъ чернецовъ, съ крестомъ и четками въ одной рукѣ, а въ другой, по великой милости царя, каждый держалъ для защиты копье въ пять футовъ длины. Выпустили дикаго медвѣдя, и тотъ, чутьемъ заслышавъ жертву, съ открытою пастью бросился къ стѣнѣ, свирѣпо наскочилъ на чернеца, смялъ, растерзалъ и пожралъ его, какъ добычу. Въ видѣ забавы тѣлохранители застрѣлили этого медвѣдя. Потомъ ввели другого чернеца и новаго медвѣдя, и такъ далѣе, пока всѣ семеро не были растерзаны, какъ первый. Только одинъ догадливый наставилъ такъ ловко свое копье, прочно всадивъ его въ землю, что разъяренный медвѣдь наскочилъ и напоролся; но и этотъ монахъ не избѣжалъ растерзанія.

Въ такомъ видѣ представляется въ исторіи охота Грознаго [105]). Ему первому пришла дикая мысль соединить охоту съ казнями; но безпристрастіе требуетъ сказать, что бои съ медвѣдями, забава грубая, начались еще при его отцѣ и продолжались при его преемникахъ.

Царь Θеодоръ Ивановичъ, подобно своему отцу и дѣду, чрезвычайно любилъ тѣшиться зрѣлищемъ медвѣжьихъ потѣхъ и боевъ съ медвѣдями. Иногда для его развлеченія устроивались травли и на другихъ звѣрей, напр., волковъ и лисицъ. Русскіе источники мало говорятъ объ охотахъ Θеодора Ивановича; есть свидѣтельства, что иногда онъ охотился съ соколами близъ селъ: Братошина и Тонинскаго. Посолъ Римскаго императора, Николай Варкачъ, разсказываетъ, что въ Октябрѣ 1593 г. Θеодоръ Ивановичъ два дня кряду охотился на лосей и при этомъ собственными руками поймалъ черную лисицу. Въ его царствованіе составъ Царской охоты пополнился породами



Царь Борисъ Θеодоровичъ Годуновъ,
изъ книги „Титулярника“ Царя Алексѣя Михаиловича.

англійскихъ собакъ: англійскіе купцы привезли ему въ подарокъ 12 породистыхъ собакъ, лягавыхъ и борзыхъ, и сверхъ того подарили бульдоговъ и двухъ дрессированныхъ львовъ съ укротителемъ татарченкомъ. Въ охотѣ Царя Өеодора Ивановича упоминаются два меделянскихъ кобеля «А кобелемъ прозвищо: кобель жолтъ, Смердъ грудь и пазнѣгти бѣлы, на конецъ хвоста бѣло; кобель чюбаръ съ лесникою, пазнѣгти бѣлы, Муракъ» (труд. Восточн. отд. Импер. Русск. Археолог. Общ. С.-Петербургъ, 1890 г., т. XX, стр. 391). Но, говоря вообще, въ исторіи охоты Өеодоръ Ивановичъ не оставилъ по себѣ яркаго слѣда, такъ какъ это былъ человѣкъ больной, скудоумный и апатичный [106]).

Объ охотѣ Бориса Годунова до насъ дошелъ только одинъ разсказъ Горсея, изъ котораго можно видѣть, что Годуновъ былъ соколиный охотникъ. Однажды, когда Борисъ не былъ еще царемъ, онъ отправился съ нѣсколькими сокольниками на охоту и взялъ съ собой Горсея «посмотрѣть, какъ кречеты гонятся на лету за журавлями, цаплями и дикими лебедями, по-царски забавляясь своими острыми когтями, но не думая рвать или убивать добычу». Вскорѣ сюда же прибыла для охоты и толпа бояръ; но одинъ нищій монахъ сказалъ Борису, не безъ яснаго намека на бояръ, что не всѣ пріятели ему, кто ходитъ смотрѣть на его забавы, и Борисъ поспѣшилъ удалиться съ поля, переправился въ бродъ черезъ рѣку и тайными ходами скрылся во дворецъ [107]).

Съ воцареніемъ Лжедимитрія въ царской охотѣ начинается большое оживленіе, и замѣтенъ рѣшительный поворотъ отъ медвѣжьихъ боевъ, потѣхъ и травли ручныхъ звѣрей къ настоящей активной охотѣ. Повидимому, царской охотѣ въ то время предстояла пора улучшеній и преобразованій по образцу охоты Польскихъ королей и Литовскихъ князей, стоявшей тогда на высокой степени развитія и организаціи. Въ Польшѣ, королевская охота въ XI—XIII в. сильно развивается, и вводится регалія охоты (prawo lesne). При Генрихѣ Бородатомъ

Арчакъ Царя Бориса Годунова,
хранящійся въ Московской Оружейной Палатѣ.

(XIII в.) въ составъ королевской охоты входили: оберъ-егерь (venator), сокольникъ (falconarius) и бобровникъ (castorarius). Въ XIV в. отличался сильною страстью къ охотѣ Ягелло, а въ XVI в. Сигизмунды: I, II и III. По свидѣтельству литовскаго историка Стриковскаго (Hist. Pol. кн. X, стр. 116), Гелеминъ, прозванный нашими лѣтописцами первымъ великимъ княземъ Литовскимъ, поселился въ построенномъ имъ городѣ Троки, названномъ такъ отъ множества звѣрей, убитыхъ и второченныхъ на семъ мѣстѣ Гедеминовскими охотниками. Въ другой разъ забавлялся этотъ князь ловлею на берегахъ Виліи, покрытыхъ тогда густыми лѣсами; онъ со всѣмъ дворомъ пріѣхалъ къ берегу Виліи и собственноручно убилъ тура на горѣ, которая и донынѣ называется Туровою. Рога этого звѣря, обложенные золотомъ, долго хранились въ княжеской сокровищницѣ. Витольдъ обыкновенно пилъ изъ нихъ на пирахъ и подарилъ одинъ въ 1429 году королю Венгерскому Сигизмунду во время славнаго съѣзда государей и князей въ Луцкѣ [108]).



При дворѣ Сигизмунда III, какъ извѣстно, былъ принятъ Димитрій Самозванецъ [109]). Человѣкъ несомнѣннаго ума, энергичный и предпріимчивый, въ то же время большой цѣнитель утѣхъ жизни, Лже-



Димитрій Самозванецъ,
съ современной картины, сохранявшейся въ замкѣ Вишневецкихъ.

димитрій съ первыхъ же дней царствованія сталъ пріучать русское общество, дотолѣ скучавшее въ душныхъ теремахъ, къ европейской шумной, открытой жизни. Музыка, танцы и охота, прогулки и скачки сдѣлались чуть не ежедневными развлеченіями двора. Некрасивый,

но статный, ловкій и рыцарски вѣжливый, Лжедимитрій во все вмѣшивался самъ и всему давалъ направленіе. Если бывали прежніе бои съ медвѣдями, онъ не въ силахъ былъ оставаться только зрителемъ, но самъ вступалъ въ бой и, въ присутствіи двора и народа, мастерски кололъ медвѣдя; и это, конечно, придавало медвѣжьимъ боямъ особенный интересъ. Беръ разсказываетъ, что однажды, находясь вмѣстѣ съ боярами въ селѣ Тайнинскомъ, самозванецъ приказалъ спустить съ цѣпи дикаго медвѣдя, сѣлъ на него верхомъ и въ одно мгновеніе убилъ его. Однако онъ больше любилъ охоту съ собаками и соколами и всегда ѣхалъ охотиться на конѣ, горячемъ до бѣшенства; когда приходилось ему ѣхать на богомолье по церквамъ, онъ не садился въ большую колымагу, но приказывалъ подавать самую горячую лошадь, быстро вскакивалъ въ сѣдло и лихо на ней мчался, «точно ловкій рыцарь», по выраженію иностранца Ерлезунда, и терпѣть не могъ, когда конюха выносили ему скамью, чтобы сѣсть на лошадь, какъ это дѣлали прежніе великіе князья. По свидѣтельству современниковъ, у него были лучшія англійскія собаки для медвѣжьей травли [110]). Судя по этимъ чертамъ, Лжедимитрій обѣщалъ сдѣлаться образцовымъ руководителемъ русской охоты. Въ чаду смутъ дальнѣйшаго времени русскимъ людямъ было уже не до охоты, не до забавъ; поэтому Лжедимитріемъ можно закончить характеристику князей-охотниковъ древней Руси.

Съ воцареніемъ династіи Романовыхъ въ исторіи охоты открывается новый періодъ. Отецъ царя Михаила Ѳеодоровича, бояринъ Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ, былъ страстный любитель охоты и превосходный наѣздникъ. Красавецъ и первый щеголь, онъ вошелъ въ поговорку по своей статности. Въ 1601 году Ѳеодора Никитича оговорили въ умыслѣ на жизнь Годунова, насильно постригли и заточили въ Антоніевъ-Сійскій монастырь; супругу его Ксенію Ивановну также постригли и сослали въ Заонежье, въ Егорьевскій погостъ, а

15

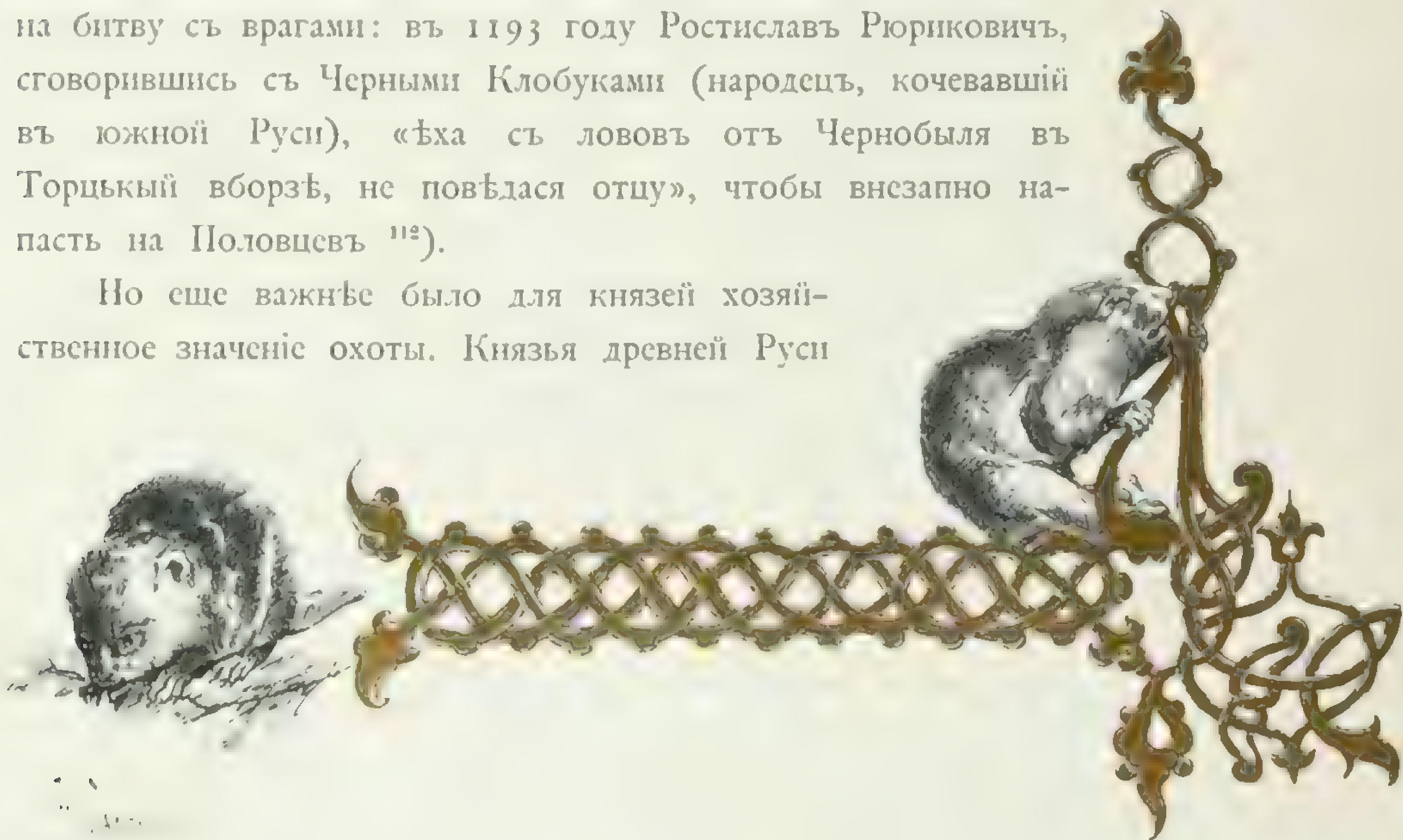


малолѣтняго сына Михаила и дочь отправили на Бѣлоозеро. Ѳеодоръ Никитичъ, въ монашествѣ Филаретъ, томился разлукой съ семьей и очень тосковалъ въ монастырѣ. «Бѣда на меня, жена да дѣти», — говаривалъ онъ, — «какъ вспомнишь, такъ словно рогатиной въ сердце толкаетъ». Въ Мартѣ 1605 года, вслѣдствіе доноса пристава Воейкова, Годуновъ писалъ Іонѣ, игумену Антоніева монастыря, слѣдующія строки: «а живетъ старецъ Филаретъ не по монастырскому чину, всегда смѣется невѣдомо чему и говоритъ про мірское житіе, про птицъ ловчихъ и про собакъ». Въ этомъ извѣстіи имѣется опредѣленное

указаніе на наслѣдственную страсть къ охотѣ въ династіи Романовыхъ, которая была такъ сильна во внукѣ Ѳеодора Никитича, Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и въ правнукѣ послѣдняго, Петрѣ II [111]).

Характеристики князей-охотниковъ IX — XVI вв. достаточно освѣщаютъ общій ходъ развитія княжеской охоты въ древней Руси. Мы видѣли, какъ съ теченіемъ времени измѣнялся характеръ охоты, какъ отражались на ней обстоятельства времени и личныя особенности князей. Въ теченіе IX—XVI вв., въ связи съ общимъ развитіемъ быта и экономической жизни на Руси, измѣнялось также и самое значеніе охоты, какое она имѣла въ быту князей и въ общемъ строѣ народной жизни. Въ раннюю пору русской жизни значеніе княжеской охоты было шире и разностороннѣе, чѣмъ въ вѣка позднѣйшіе, когда охота стала только пріятной забавой князей. Для князей древней Руси охота прежде всего служила школой боевой жизни. Святославъ Игоревичъ и Владиміръ Мономахъ на ловахъ усвоиваютъ первые боевые навыки, на ловахъ пріучаются къ трудностямъ и опасностямъ военной жизни и развиваютъ въ себѣ качества, необходимыя для князя-воина, князя-вождя. Бывали случаи, когда князья прямо съ лововъ отправлялись на битву съ врагами: въ 1193 году Ростиславъ Рюриковичъ, сговорившись съ Черными Клобуками (народецъ, кочевавшій въ южной Руси), «ѣха съ лововъ отъ Чернобыля въ Торцькый вборзѣ, не повѣдася отцу», чтобы внезапно напасть на Половцевъ [112]).

Но еще важнѣе было для князей хозяйственное значеніе охоты. Князья древней Руси





Московскіе охотники,
съ современнаго офорта Ванделера конца XVI стол. Собраніе П. Я. Дашкова.

охотились же столько ради потѣхи, сколько ради добычи. Такъ, Святославъ Игоревичъ (X в.) охотой добываетъ продовольствіе для войска; Владиміръ Мономахъ (XII в.) прямо называетъ свою охоту трудомъ; Владиміръ Волынскій (XIII в.), лежа больной въ постели, разсылаетъ слугъ на ловы. Хотя князья охотились иногда исключительно ради утѣхи и удовольствія, какъ напр., Святославъ Черниговскій и Рюрикъ Ростиславичъ въ 1190 г., однако необходимо признать, что почти до XVI в. охота великихъ князей имѣла главнымъ образомъ значеніе добычливаго промысла. При дальнѣйшемъ изложеніи исторіи великокняжеской и царской охоты (въ гл. IV) мы увидимъ, что у князей были свои охотничьи угодья, которыми они очень дорожили, какъ важной статьей дохода. Только со времени Василія III, отчасти подъ вліяніемъ сношеній съ европейскими дворами, отчасти благодаря общему развитію экономической и промышленной жизни русскаго народа, охота великихъ князей пріобрѣтаетъ преимущественное значеніе царской потѣхи, причемъ



Приваль охотниковъ,
съ нѣмецкой гравюры конца XVII столѣтія.

ея матеріальное значеніе не исчезаетъ еще совершенно, но только отодвигается на задній планъ.

Охота, кромѣ того, имѣла нѣкоторое значеніе для развитія сношеній Руси съ иноземными правителями. Съ древнѣйшихъ временъ вошло въ обычай дарить чужеземныхъ пословъ цѣнными мѣхами. Еще Игорь (X в.), утвердивъ миръ съ Византіей, на отпускъ одарилъ греческихъ пословъ русскими товарами, между которыми на первомъ мѣстѣ стояли дорогіе мѣха. Во время татарскаго ига, ханы, помимо дани, получали отъ князей еще и подарки то цѣнными мѣхами, то ловчими птицами. Такіе подарки, бывшіе въ нѣкоторомъ родѣ обязательными, носили названіе «поминокъ» и были въ обычаѣ даже послѣ татарскаго ига, особенно при сношеніяхъ съ Крымскими ханами, Турецкими султанами и Персидскими шахами. Въ 1494 году, при заключеніи союза съ Крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ, нашему послу, боярину Никитѣ Беклемишеву, Іоаннъ III приказывалъ, въ случаѣ



Выѣздъ охотниковъ изъ г. Москвы,
съ нѣмецкой гравюры начала XVII столѣтія.

неотступнаго ханскаго требованія, согласиться на слѣдующее добавленіе къ договору: «Ты, великій князь, обязанъ слать ко мнѣ, царю, поминки или дары ежегодные». Этотъ Менгли-Гирей любилъ дары, просилъ кречетовъ и соболей для Турецкаго султана, и великій князь Іоаннъ III давалъ. Въ извѣстномъ описаніи путешествія въ Индію купца Аѳанасія Никитина есть указаніе, что посолъ Менгли-Гирея возвращался отъ Іоанна съ цѣлой партіей кречетовъ въ количествѣ 90 экземпляровъ: «А язъ ждахъ», говоритъ Аѳанасій Никитинъ, «въ Новѣгородѣ двѣ недѣли посла татарскаго Ширвашина Асамбѣга, а ѣхалъ съ кречеты отъ великаго князя Ивана, а кречетовъ у него девяносто». Трудно согласиться съ этимъ свидѣтельствомъ Аѳанасія Никитина, потому что въ немъ указано невѣроятно большое количество кречетовъ: они цѣнились весьма дорого, дарились обыкновенно въ немногихъ экзем-

плярахъ, а перевозка ихъ сопряжена была съ большими хлопотами и затрудненіями. При Василіи III Менгли-Гирей опять возобновилъ союзъ съ Москвой: отправляя въ 1508 г. договорную грамоту, онъ проситъ, между прочимъ, Василія III о присылкѣ ему ловчихъ птицъ и рыбьихъ зубовъ [113]). Другой ханъ, Саинъ-Гирей, послѣ нашествія на Москву въ 1535 году, также требовалъ отъ великаго князя денегъ, ловчихъ птицъ, хлѣбника и повара [114]).

Двадцать лѣтъ спустя, въ 1556 г. Погайскій князь Измаилъ писалъ Ивану Грозному: «Пришли мнѣ трехъ птицъ, кречета, сокола и ястреба, да олова много, да шафрану много, да красокъ много, да бумаги много, да 500.000 гвоздей» [115]). Въ 1600 году, когда въ Персію отправлялось русское посольство, состоявшее изъ князя Засѣкина, дворянина Засѣцкаго и дьяка Шарапова, для заключенія союза съ шахомъ Аббасомъ, Борисъ Годуновъ и царевичъ Өеодоръ Борисовичъ послали въ даръ Аббасу, между прочимъ, нѣсколько кречетовъ, соболей, черныхъ лисицъ, два самопала, порошницу нѣмецкую съ наводомъ и, по желанію шаха, медвѣдя-гонца, двухъ собакъ борзыхъ и двухъ меделянскихъ [116]). Что касается Турецкихъ султановъ, то извѣстно, что султанъ Солиманъ, посылая въ концѣ 1530 г. Василію III завѣренія въ дружбѣ черезъ турка Ахмата, поручилъ послѣднему купить въ Москвѣ нѣсколько кречетовъ и мѣховъ собольихъ [117]).

Въ XV и XVI вв., когда сношенія съ европейскими государями становились все чаще, охота также не разъ затрогивалась въ этихъ сношеніяхъ и въ извѣстной мѣрѣ служила политическимъ цѣлямъ. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить интересный случай специальныхъ сношеній по поводу своевольной охоты пограничныхъ жителей на территоріи Литовскаго государства. Въ 1456 г. король Казимiръ писалъ Рязанскому великому князю Ивану Өеодоровичу слѣдующее: «Такожъ повѣдалъ намъ князь Дмитрей Путятичъ, штожъ люди твои, зъ твоее земьли, въ нашой земьли звѣрь бьютъ, а пьчолы дерутъ, а по рѣкамъ бобры бьютъ и рыбы ловять, гдѣ издавна



Послы Крымскаго хана Менли-Гирея къ Великому Князю Василію III Ивановичу.

имъ входовъ не бывало, и иныя многія шкоды дѣлаютъ: и ты бы людемъ своимъ приказалъ, ажь бы въ нашоі земьли звѣру не били, а пьчелъ не драли, а по рѣкамъ бобровъ не били и рыбъ не ловили, гдѣ издавна имъ входовъ не бывало; бо мы въ твою отчизну, въ земьли и въ воды, не велимъ вступатися, гдѣ кому издавна вступа не было» [118]).

Въ концѣ XV в. между Москвоі и Литвоі завязались переговоры о бракѣ дочери Ивана III Елены съ великимъ княземъ Литовскимъ



Александромъ, и бракъ этотъ впослѣдствіи состоялся. Между прочимъ, во время переговоровъ, Полоцкій намѣстникъ Янъ Заберезкій прислалъ въ Новгородъ, къ воеводѣ Якову Захарьину, просить позволенія купить двухъ кречетовъ. Яковъ послалъ сказать объ этомъ великому князю, и тотъ отвѣчалъ, что дѣло не въ кречетахъ, а вѣрно прислано затѣмъ, чтобъ высмотрѣть, ихъ забираючи, для прежняго дѣла (т. е. относительно предполагавшагося брака Елены), что надобно поэтому Якову послать своего умнаго человѣка съ кречетами и съ грамотою о прежнемъ дѣлѣ: «возьмутся за то дѣло, то дай Богъ; а не возьмутся, то намъ низости въ этомъ нѣтъ никакой» [119]). Вышедъ замужъ, Елена обращалась къ отцу съ просьбою о присылкѣ ей то бѣлокъ и горностаевъ, то рыбы свѣжей и вяленой, то цѣльныхъ шкурокъ черныхъ соболей, то, наконецъ, кречетовъ. Отправляя къ ней партію горностаевъ 500 шт. и бѣлокъ подпалей (т. е. ранняго промысла) 1500 шт., Иванъ наказывалъ посланцу Губѣ Моклокову сказать Еленѣ: ...«а что еси приказывала ко мнѣ, чтобы ми прислати къ тебѣ соболь черн съ ногами передними и съ задними и съ ноготми и гдѣ смерди (крестьяне) ловятъ и они у нихъ ноги отрѣзываютъ;

16

и мы тѣмъ смердомъ приказали... соболей черныхъ добывати, о какихъ еси соболѣхъ къ намъ приказывала: и какъ къ намъ таковы соболи черные привезутъ, и мы къ тебѣ соболи черные пошлемъ часа того. А что еси приказывала ко мнѣ о кречатѣхъ, и нынѣ ми было къ тебѣ кречатовъ послати нельзя: путь ся еще не уставилъ, а какъ ся путь уставитъ и язъ къ тебѣ кречатовъ пришлю часа того». Восьмого марта 1504 года, на второй недѣлѣ великаго поста («послѣ збора», т. е. послѣ перваго воскресенья въ посту, которое и нынѣ у простого народа называется «сборнымъ»), Иванъ дѣйствительно отправилъ къ Еленѣ пять кречетовъ, а также сибирскихъ бѣлокъ и сушеной рыбы. Подъ начальствомъ боярскаго сына Константина Замытскаго этотъ транспортъ былъ направленъ въ Краковъ черезъ Вязьму, Смоленскъ и Вильну; чтобы не было задержекъ въ пути, Иванъ III снабдилъ Константина Замытскаго особыми грамотами къ намѣстникамъ этихъ городовъ и въ грамотахъ наказывалъ давать подъ кречетовъ и рыбу «подводы добрыя» [120]).

Около того же времени у Ивана III возникли сношенія съ Максимиліаномъ, королемъ Римскимъ, и здѣсь кречеты опять сослужили добрую службу. Въ отвѣтъ на первое посольство Максимиліана, Иванъ въ 90-хъ годахъ XV в. отправилъ къ нему своихъ пословъ Траханіота и Кушелева, и они вручили Максимиліану въ Нюренбергѣ одного кречета. Въ 1504 г. явился въ Москву посланецъ Максимиліановъ Гартингеръ съ двумя грамотами: въ одной король Римскій писалъ, что если Іоаннъ нуждается въ его помощи или совѣтѣ, то пусть объявитъ ему; но цѣль посылки высказана была въ другой грамотѣ: «Пресвѣтлѣйшій и вельможный начальникъ и братъ любезнѣйшій! такъ какъ у насъ нѣтъ бѣлыхъ кречетовъ, то мы очень желаемъ имѣть нѣсколько такихъ птицъ и посылаемъ къ тебѣ кречетника нашего Гартингера съ просьбою позволить ему привезти изъ вашихъ странъ нѣсколько бѣлыхъ кречетовъ». И на эту грамоту Иванъ отвѣчалъ, что посылаетъ бѣлаго кречета и четырехъ красныхъ [121]).



Изображеніе части торжественнаго шествія русскаго посольства (князя Захарія Ивановича Сугорскаго) въ г. Регенсбургъ къ Римскому Императору съ поминками пушнаго товара отъ Царя Ивана IV Васильевича, съ современной гравюры на деревѣ (Подлинная хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ).

При Иванѣ Грозномъ начались оживленныя сношенія съ Англіей, и опять дѣло не обошлось безъ подарковъ ловчими птицами. По политическимъ разсчетамъ и личнымъ соображеніямъ, Грозный упорно стремился къ союзу съ Англіей, и былъ чрезвычайно радъ случаю завязать сношенія. Когда въ 1556 г. въ Холмогоры зашелъ англійскій купеческій корабль, съ капитаномъ Ченслеромъ, то Грозный отправилъ съ нимъ къ Елизаветѣ Англійской своего посла Іосифа Непею Вологжанина и послалъ ей дары; но корабль у Шотландскихъ береговъ потерпѣлъ крушеніе, дары погибли, и Непей могъ предъявить королевѣ только списокъ подарковъ, среди которыхъ значились 4 живыхъ соболя съ цѣпями и ошейниками и бѣлый кречетъ съ серебрянымъ барабаномъ и съ вызолоченной сѣткой [122]). — Въ 1595 г. Рудольфу Римскому, вмѣсто денегъ, въ видѣ пособія для борьбы противъ Турецкаго султана, былъ отправленъ громадный транспортъ различныхъ мѣховъ, который пражскіе купцы оцѣнили въ 400.000 руб., причемъ 3 сортамъ лучшихъ соболей они не съумѣли положить цѣны по ихъ дороговизнѣ [123]). — Роль княжеской охоты въ сферѣ внѣшней политики еще ярче выясняется тѣмъ фактомъ, что послы чужеземные обыкновенно приглашались участвовать въ княжескихъ охотахъ: мы уже знаемъ, что Герберштейнъ охотился съ Василіемъ III, Горсей — съ Годуновымъ. Было также въ обычаѣ оказывать посламъ вниманіе, посылая имъ въ даръ часть добычи съ царской охоты: напримѣръ, въ 1593 г. Ѳеодоръ Іоанновичъ послалъ «съ своимъ егермейстеромъ Васильевичемъ» римскому послу Варкачу 7 большихъ лосей, да еще большого медвѣдя, его сыну лося и черную лисицу, собственноручно пойманную царемъ, и двоимъ дворянамъ, состоявшимъ въ посольствѣ, по одному лосю [124]). Въ связи съ такого рода обычаемъ въ посольскихъ книгахъ отмѣченъ любопытный случай, происшедшій при Грозномъ: пріѣзжалъ отъ государя къ литовскимъ посламъ «псовникъ» съ государскимъ жалованьемъ отъ Государевой потѣхи — съ зайцами; послы подчивали псовника виномъ, но не подарили ничѣмъ; пристава



Стольникъ
съ дарами Государевыми
(сорочекъ соболей).

почли своею обязанностью послать спросить пословъ, зачѣмъ они за государское жалованье псовника не отдарили. Тогда послы отправили отъ себя 4 золотыхъ, да отъ дворянъ своихъ 2 золотыхъ, причемъ посланный съ деньгами сказалъ псовнику: «послы тебя жалуютъ, а дворяне челомъ бьютъ». Псовникъ взялъ 2 золотыхъ отъ дворянъ, а 4 посольскихъ не взялъ: обидѣлся выраженіемъ «жалуютъ» [125]). Намъ извѣстенъ, между прочимъ, случай охоты иностраннаго принца

въ предѣлахъ Россіи. Въ 1602 г. герцогъ Іоаннъ, братъ Датскаго короля Христіана и женихъ Ксеніи Годуновой, ѣхалъ на Москву и дорогою, по Волхову и инымъ рѣкамъ, тѣшился, стрѣлялъ изъ самопаловъ, билъ утятъ; натѣшившись, пріѣхалъ въ городъ поздно и былъ очень веселъ и доволенъ [126]).



Глава III.

Способы, орудія и служебный составъ великокняжескихъ охотъ.

Современная правильная охота, съ ея сложною организаціей, съ ея богатымъ и затѣйливымъ инвентаремъ, мало напоминаетъ охоту временъ давно минувшихъ, у которой орудія были немногочисленны, просты и организація несложна. Правильная охота производитъ впечатлѣніе стройности. Но эта стройность въ современной охотѣ достигается тѣмъ, что дѣйствія отдѣльныхъ охотниковъ подчиняются одному общему плану, который значительно съуживаетъ размахъ личной иниціативы того или другого охотника и немного оставляетъ простора для его произвольныхъ пріемовъ. Въ стародавней же нашей охотѣ,



когда еще не могло быть и помысловъ ни о какой организаціи и правильности, каждый охотился вполнѣ за свой рискъ и страхъ и, подверженный всѣмъ опасностямъ отъ непредвидѣнныхъ случайностей въ борьбѣ со звѣрями, долженъ былъ всецѣло полагаться на свои личныя силы; смѣтливость и изворотливость, сила и удаль были самымъ лучшимъ орудіемъ для нашихъ предковъ-охотниковъ. Основной мотивъ древней охоты — личная храбрость; поэтому, когда лѣтопись хочетъ похвалить какого-либо князя-охотника, она говоритъ о немъ: «бѣ хоробръ на ловѣхъ паче мѣры» [127]).

Въ отношеніи способовъ и пріемовъ охоты предки наши не знали большого разнообразія. Вообще, древне-русскую охоту, по способамъ ея производства, можно раздѣлить на два рода: звѣроловство и охоту въ собственномъ смыслѣ. Ловля звѣрей для князей и для народа имѣла хозяйственное значеніе, а потому обставлялась она такъ, чтобы достичь возможно-большаго результата при возможно-меньшей затратѣ силъ со стороны ловящихъ; вслѣдствіе чего при ловлѣ звѣрей участіе ловца было болѣе или менѣе пассивное, а главное значеніе имѣли снаряды и орудія. Окруженный со всѣхъ сторонъ лѣсомъ и звѣрями, русскій человѣкъ силою вещей дѣлался звѣроловомъ; въ лѣсу, среди котораго начинало свою жизнь его хозяйство, онъ прокладывалъ во всѣ стороны лѣсныя тропы — пути, путики — обрубая топоромъ бойкія и частыя вѣтви, чтобы не мѣшали онѣ свободному проходу; въ извѣстныхъ мѣстахъ на деревьяхъ дѣлалъ зарубки, «знаменья», для того, чтобы не смѣшать свой путикъ съ чужимъ; на всемъ протяженіи путика, тамъ и сямъ, по вѣтвямъ вѣшалъ силки для птицъ, или прилаживалъ у корней дерева западни на звѣря. Еще въ XVI вѣкѣ существовали почти повсюду эти путики; ихъ называли силовными (на птицу) и пасными (на звѣря). Сохранились они даже и теперь, но только въ глухихъ мѣстностяхъ сѣвернаго края, куда еще не проникла промышленная жизнь. Но было время, когда по всей нашей землѣ другого способа устраивать себѣ промыслы не существовало. За птицею и за звѣремъ надо было ходить, прокладывая себѣ путь-дорогу топоромъ; чтобы обозначить предѣлы своего владѣнія, свои пути, въ старину выражались такъ: «куда топоръ ходилъ» [128]).

Ловля птицъ въ древнее время производилась главнымъ образомъ при помощи перевѣсовъ. О перевѣсахъ и перевѣсищахъ, т. е. мѣстахъ установки перевѣса, въ древнихъ памятникахъ упоминается очень часто. Перевѣсища были и у князей, и у простыхъ людей. Мы уже видѣли, что княгиня Ольга имѣла свои перевѣсища по Днѣпру

17



и по Деснѣ; это показываетъ, что въ древности перевѣсы устраивались вблизи рѣкъ. Подтвержденіе этому мы находимъ и въ указаніяхъ позднѣйшаго времени, именно: въ 1604 году нѣкіе два крестьянина какой-то Тавренской волости, Трофимъ Назаровъ и Андрей Савинъ, сдѣлали явку (заявленіе) десятскому, сотскому и всѣмъ людямъ добрымъ Тавренской волости слѣдующаго содержанія: «... съсѣкли, господине, у насъ, не вѣдаемъ кто, сосну съ колцомъ перевѣтную, поводень на нее вѣшали на утки на Тавренгѣ рѣкѣ, въ перевѣсьѣ... и намъ стало не

на что поводни вѣшать, опустошили угодье» [129]). Въ древнихъ памятникахъ подробнаго описанія этого снаряда нѣтъ; изъ выраженій, употребленныхъ въ «Русской Правдѣ» относительно перевѣса, видно, что перевѣсы-сѣти устанавливали на жердяхъ — вереяхъ и подвѣшивали на веревкахъ. Перевѣсы употребляются для ловли птицъ и понынѣ, но только на далекихъ окраинахъ, преимущественно въ Сибири. Такъ какъ снасть эта настолько нехитрая, что для техническаго прогресса нѣтъ въ ней мѣста, то можно думать, что современный перевѣсъ мало чѣмъ отличается отъ древняго. Для устройства перевѣса, прорубаютъ въ высокомъ и густомъ хвойномъ или таловомъ лѣсу просѣки саженъ пять шириною, большею частію съ юго-востока на сѣверо-западъ, по направленію полета утокъ. Для навѣшиванія перевѣса, по обѣимъ сторонамъ просѣки («плохи», какъ называютъ просѣку въ Тобольской губ.), ставится по «журавлю» — длинному, въ ростъ или нѣсколько выше лѣса, сухому и гладкому шесту; «журавли» прикрѣпляются къ сосѣднимъ деревьямъ такой петлей, которая давала бы возможность свободно опускать и поднимать ихъ въ случаѣ надобности. Иногда, вмѣсто «журавлей», къ верхнимъ сучьямъ деревьевъ наглухо прикрѣпляются короткіе шесты. На вершинахъ «журавлей» привязаны «векши», т. е. блоки, костяные или деревянные. Когда «журавли» поставлены, между ними, на высотѣ человѣческаго роста отъ земли, натягивается толстая веревка, къ которой нижнимъ краемъ привязывается перевѣсъ — широкая, во всю ширину просѣки, прямоугольная, съ не очень крупными ячеями, тонкая сѣть, достигающая въ вышину верхнихъ концовъ «журавлей». «Вожжи», т. е. длинныя, тонкія пеньковыя веревки, прикрѣпленныя вмѣстѣ съ висящими гирьками къ ушамъ перевѣса, пропускаются въ «векши» или блоки. Затѣмъ, «журавли» поднимаются, укрѣпляются «разбуйными», т. е. боковыми веревками — и перевѣсъ навѣшенъ. Остается только натянуть «полтонъ», т. е. крупноячеистую грубую сѣть, натягиваемую между деревьями подъ перевѣсомъ; на высотѣ ниж-

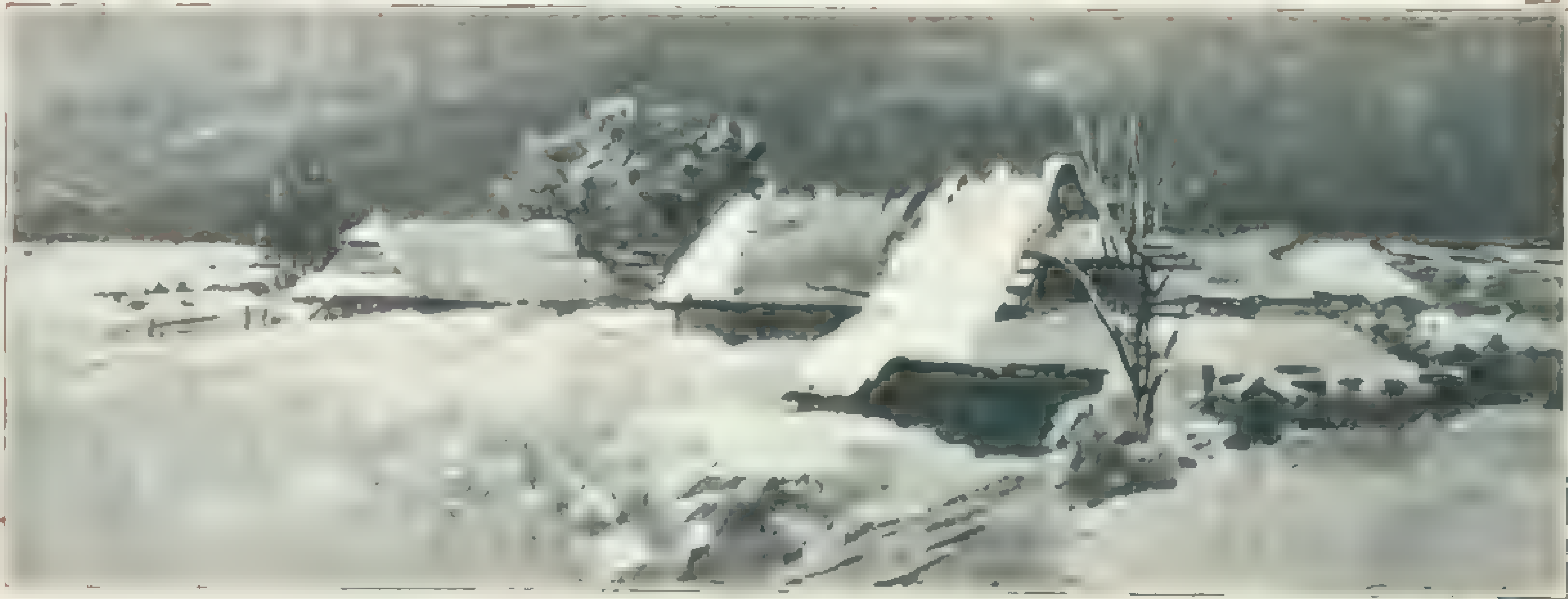
17*

няго его края, у одного изъ «журавлей» устраивается «станокъ», т. е. сидѣнье для охотника, куда сходятся обѣ возжи и гдѣ онѣ извѣстнымъ образомъ закрѣпляются. «Сидящій перевѣсомъ» обыкновенно забирается на просѣку часовъ съ 8—9 вечера, когда начинаетъ темнѣть. Осмотрѣвъ сѣть, попробовавъ поднимать ее и опускать и убѣдившись, что «возжи» не «заѣдаютъ» и что все въ исправности, онъ поднимаетъ перевѣсъ, стараясь натянуть его такъ, чтобы не было морщинъ. Хорошій перевѣсъ, когда онъ ровно натянутъ, и днемъ трудно замѣтить въ просвѣтѣ «плохи», ночью же его совсѣмъ не видать, и только вѣтеръ, надувая его и образуя въ немъ морщины, выдаетъ его присутствіе. Поднявши перевѣсъ, охотникъ закрѣпляетъ возжи за «насторожку», т. е. длинную палку, одинъ конецъ которой всегда въ рукахъ у охотника, другой же, съ закрѣпленными на немъ возжами, на поперечникѣ станка, въ ногахъ у охотника.

Устроивъ все, какъ слѣдуетъ, охотникъ садится въ «станокъ» и начинаетъ ждать... Вотъ въ небѣ, высоко и далеко, раздался особый, быстрый, звенящій свистъ: то прошумѣли крыльями летящіе гоголя... Все вниманіе охотникъ устремляетъ теперь на перевѣсъ. Вдругъ неожиданно, въ самой серединѣ перевѣса, какая-то темная масса. Едва охотникъ замѣчаетъ ее, «насторожка» долой — и съ шумомъ быстро вертящихся «векшъ» падаетъ перевѣсъ. Торопливо сгибаясь, чтобы не попасть головою въ «подтонную» ячею, охотникъ бѣжитъ осматривать и высвобождать добычу. Въ мѣшкѣ, образованномъ перевѣсомъ на «подтонѣ», запутываются нѣсколько птицъ. Птицъ убиваютъ тутъ же, перекусывая обыкновенно мозжечекъ, и, перекрестивъ, т. е. заломивъ имъ крылья накрестъ, на всякій случай чтобы не улетѣли, бросаютъ ихъ въ принесенный мѣшокъ. Перевѣсъ взлетаетъ снова на свое мѣсто; и такъ всю ночь, и утро застаетъ охотника за перевѣсомъ. Охота съ перевѣсомъ очень выгодна и имѣетъ свои привлекательныя стороны, требуя отъ охотника ловкости, искусства и выдержки [130]).

Вслѣдствіе прибыльности охоты съ перевѣсомъ, послѣдній въ древнее время былъ распространенъ по всей Руси, составлялъ въ каждомъ хозяйствѣ одно изъ важныхъ угодій и, при продажѣ имѣнія, всегда упоминался на ряду съ другими угодьями, земельными, лѣсными, рыболовными. Современный перевѣсъ, описанный выше, требуетъ непремѣннаго присутствія самого охотника при процессѣ охоты; нужно полагать, что въ древности его устройство было нѣсколько иное, что ловля птицъ производилась механически, безъ участія охотника; иначе трудно и невозможно было бы украсть дичь изъ перевѣса, что, однако, въ древности случалось и было предусмотрѣно «Русской Правдой», которая опредѣляла наказаніе за такое воровство. «Аще кто посѣчетъ верею или вьрвь пертнетъ въ перевѣсѣ оже кто оукрадетъ въ чіемъ перевѣсѣ (то) 3 гривные продаже а (господину) за верею и за вьрвь гривна кунъ».

Что касается другихъ орудій для ловли птицъ и звѣрей, какія употреблялись въ древнее время на



Руси, то можно сказать, что почти всѣ эти орудія сохранили свое значеніе при промысловой охотѣ до нашего времени. Одни орудія приспособлены были живьемъ, безъ вреда, захватывать птицу и звѣря: таковы сѣти, пругла, тенета, разставлявшіяся по угодьямъ и запутывавшія попавшихся птицъ и звѣрей, въ родѣ зайцевъ и сернъ; такое же назначеніе имѣли коши, большія корзины, употреблявшіяся при ловлѣ бобровъ, и замаскированныя ямы, куда ловились неосторожные волки и лисицы; сюда же можно отнести также езы, употреблявшіеся для ловли рыбы и бобровъ рѣчныхъ: это была перегородка изъ заостренныхъ кольевъ, вбитыхъ въ дно рѣки на подобіе треугольника, съ отверстіемъ,



черезъ которое бобры могли войти въ огороженное езомъ пространство, но не могли изъ него выйти. Другія орудія были разсчитаны на то, чтобы крѣпко защемить или даже удавить попавшуюся дичь: таковы силецъ и кляпца, которымъ теперь отвѣчаютъ ооелки и капканы. Наконецъ, были снаряды такъ устроенные, чтобы механически убивать звѣря, соблазнившагося на приманку: таковы колодки или «поколодвы»; поколодвы употреблялись при ловлѣ бобровъ [131]) и, должно думать, другихъ звѣрей. Описанія этой снасти въ старинныхъ памятникахъ нѣтъ; но въ немногихъ мѣстахъ сѣверо-западной Сибири до сихъ поръ еще практикуется ловля звѣрей (преимущественно соболя) въ такъ называемыя колодицы и колодцы. Судя по сходству въ названіяхъ, можно догадываться, что сибирскія колодицы и древнія колодки и поколодвы орудія одного типа. Сибирскія колодицы, по способу устройства, представляютъ собою опадную снасть; главную часть ея составляетъ настороженная боевая жердь, плаха или колодка: звѣрь хватаетъ притраву, помѣщенную на насторожкѣ, насторожка сдвигается съ мѣста, и боевая жердь падаетъ, сильно ударяетъ звѣря и придавливаетъ его своею тяжестью [132]). Съ помощью указанныхъ орудій, сѣтей и самодѣйствующихъ снарядовъ производилась ловля птицъ и мелкихъ звѣрей: зайцевъ, бобровъ, горно-



Изъ „Святославова Изборника" — 1073 г.

стаевъ и соболей. Хотя ловля птицъ и звѣрей снастями была легка и удобна, какъ не требовавшая отъ охотника риска и непремѣннаго личнаго присутствія, хотя она была выгодна и прибыльна, однако, она не устраняла собою настоящую активную охоту за звѣрями даже при промысловой охотѣ нашихъ предковъ. Крупные и сильные звѣри въ эти ловушки не попадались; мелкіе звѣри исподволь, горькимъ опытомъ, пріучались осторожно обходить западни или изловчались перехитрить догадливаго ловца съ его остроумными снастями; наконецъ, попавшіеся, при недосмотрѣ, часто становились добычей хищныхъ охотниковъ изъ звѣринаго и пернатаго царства. Поэтому, въ древней Руси, на ряду съ ловлей птицъ и звѣрей снастями, искони велась настоящая охота на звѣрей, успѣхъ которой зависѣлъ въ большой степени отъ того, въ какой мѣрѣ охотникъ обладалъ силой, опытностью, ловкостію и умѣніемъ владѣть оружіемъ, съ которымъ онъ шелъ на звѣря.





Объ охотничьемъ оружіи изъ письменныхъ памятниковъ извѣстно очень мало. Какъ мы уже видѣли Владиміръ Мономахъ при охотѣ на звѣря имѣлъ при себѣ мечъ «дикій вепрь мечъ ми на бедрѣ отъялъ»; Даніилъ Галицкій убилъ трехъ вепрей рогатиной. Изъ описанія Герберштейна охоты Василія III видно, что Василій, отправляясь на охоту, имѣлъ при себѣ слѣдующее оружіе: два длинныхъ охотничьихъ ножа, продолговатый кинжалъ, топоръ съ топорищемъ изъ слоновой кости, кистень и такъ называемый шестоперъ, а Шигъ-Алей, принимавшій участіе въ охотѣ, везъ съ собой два колчана съ лукомъ и стрѣлами. Огнестрѣльное оружіе стало употребляться для охоты лишь при царѣ Іоаннѣ Грозномъ, и первые опыты ружейной охоты были произведены въ его дни изъ такъ называемыхъ самопаловъ и легкихъ ручныхъ пищалей.



Разсматривая фрески Кіево-Софійскаго собора, мы видимъ, что на нихъ охотящіеся изображены вооруженными: топоромъ (рис. XI), рогатиной (рр. III и XI), дротикомъ (р. IV), лукомъ и стрѣлой (рр. II, XII и XIII), копьемъ (р. IV) и щитами (рр. II и XI). Вообще же можно полагать, что въ древней Руси, особенно Кіевскаго періода, на охотѣ употреблялось то же оружіе, что и на войнѣ; въ пользу такого пред-



рис. XI.

Снимокъ съ фрески Кіево-Софійскаго собора XI столѣтія.

положенія говоритъ довольно убѣдительно уже отмѣченный нами выше фактъ, что въ 1193 г. Ростиславъ Рюриковичъ прямо съ охоты, не заѣзжая домой, отправился въ походъ противъ половцевъ. Для ближайшаго ознакомленія съ древне-русскимъ оружіемъ, приблизительно X—XII вв., нелишнимъ будетъ описаніе его образцовъ, найденныхъ при недавнихъ раскопкахъ въ странѣ древлянъ и при раскопкахъ весною 1892 г. въ Кіевѣ, на мѣстѣ древняго великокняжескаго двора. Въ древлянскихъ могилахъ найдены были четыре желѣзныя копья, кинжалъ и наконечникъ желѣзной стрѣлы. Наконечники копій

были небольшіе, длиною въ 29—30 сантм., состояли изъ втулки и небольшого острія. Кинжалъ состоялъ изъ треугольнаго клинка, 39 сантм. дл., и рукоятки, 10 сантм. дл., выкованныхъ изъ одного куска желѣза; въ верхней широкой части клинка находилась треугольная скважина, раздѣленная двумя перемычками. Наконечникъ стрѣлы плоскій, ланцетовидный, дл. 4 сантм., прикрѣплялся къ древку посредствомъ черенка. Здѣсь найдены были также четырехгранныя



рис. XII.

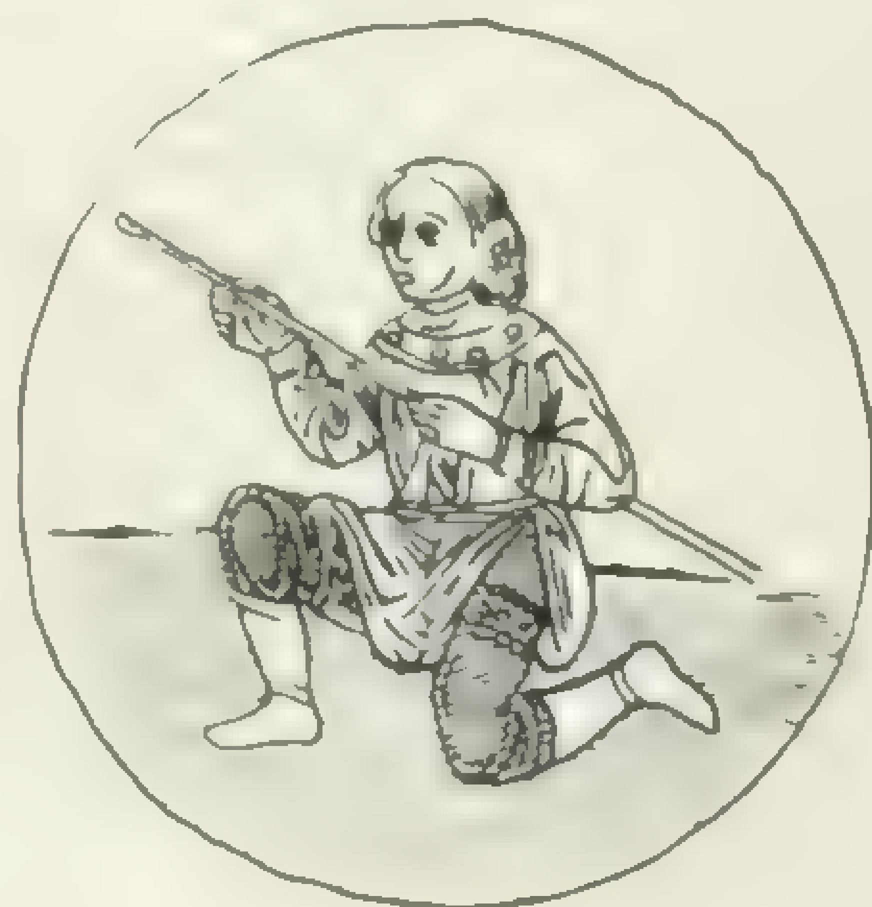


рис. XIII.

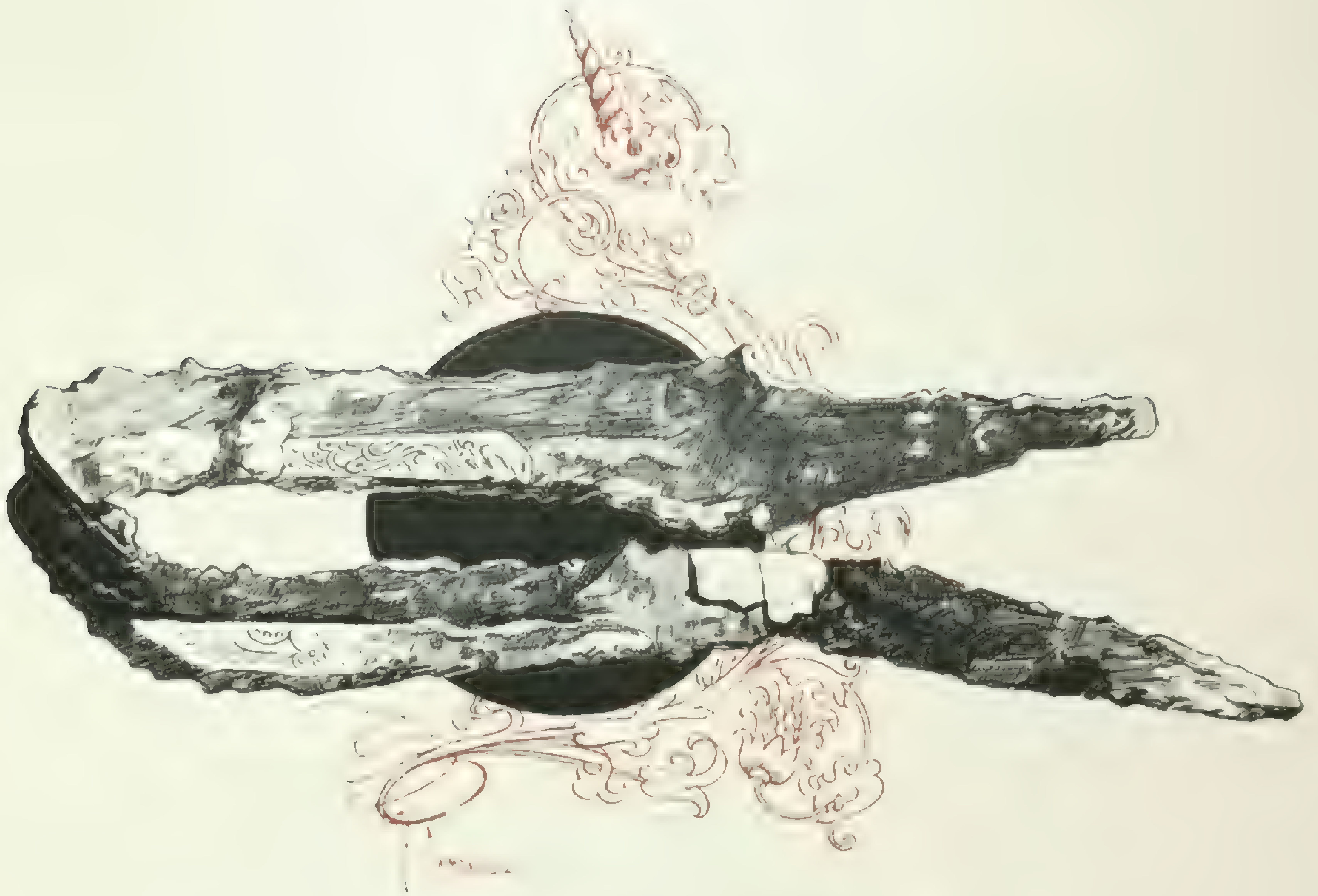
Снимки съ фресокъ Кіево-Софійскаго собора XI столѣтія.

острія безъ втулокъ, съ тупыми задними концами, которыя, можетъ быть, служили наконечниками для дротиковъ [133]).

Находки на мѣстѣ великокняжескаго двора въ Кіевѣ еще интереснѣе и драгоцѣннѣе. Здѣсь найдены были: желѣзный боевой топоръ, драгоцѣнный мечъ, желѣзный мечъ, лукъ, колчанъ и стрѣлы, копье и наконечники дротиковъ. Желѣзный топоръ боевой относится ко времени Ярополка I (X в.) и, въ отличіе отъ домашняго, хозяйственнаго топора, имѣетъ свои характерные признаки: въ немъ узкій обухъ соединяется квадратной шейкой съ остріемъ, очень длиннымъ сравнительно съ узостью обуха, да, кромѣ того, остріе въ немъ дугообразно закругляется къ топорищу. Драгоцѣнный мечъ безъ сомнѣнія

18*

великокняжескій, потому что онъ былъ въ золотыхъ ножнахъ и инкрустованный золотомъ. Мечъ этотъ прямой, стальной, имѣетъ всей длины 92 сантм.; самое лезвіе безъ рукоятки 80 сантм.; ширина лезвія у рукоятки 42 миллим., посрединѣ 32 мм. и такъ постепенно съуживается и оканчивается остріемъ. Одинъ край меча во всю длину острый, а другой на большей части меча тупой, къ концу же на меньшей части мечъ съ обѣихъ сторонъ острый. Около тупой стороны меча, на ¾ его длины, начиная отъ рукоятки, сдѣлано съ обѣихъ сторонъ меча углубленіе, приблизительно въ 10 мм. шир., которое отъ рукоятки немного шире. Въ это углубленіе запущена мѣдная полоска тонкой бляхи, покрытая накладнымъ золотомъ, на которой рѣзцомъ вырѣзанъ мелкій орнаментъ, состоящій изъ завитушекъ растительнаго орнамента и чешуекъ; на обѣихъ сторонахъ орнаментъ разнообразный. Мечъ въ золотыхъ ножнахъ; золотой листъ, для крѣпости ноженъ, наложенъ на листъ мѣдный. Этотъ мечъ найденъ былъ въ великокняжеской могилѣ; по обычаю, при погребеніи, мечъ вмѣстѣ съ ножнами ломали на колѣнѣ, но этотъ мечъ не переломился, а только въ двухъ мѣстахъ погнулся. На основаніи историческихъ и археологическихъ соображеній, изслѣдователь, нашедшій этотъ мечъ, считаетъ его принадлежностью Ярополка II, сына Владиміра Мономаха (XII в.). Найденный въ могилѣ простого воина желѣзный мечъ весь былъ изъѣденъ ржавчиной и распался на куски. Колчанъ сдѣланъ изъ луба, обтянутаго кожей, и украшенъ костяными прямоугольными бляшками, величиной въ 10 мм. въ квадратѣ, прибитыми къ колчану мѣдными гвоздиками. Колчанъ былъ положенъ съ ремнемъ, на которомъ его носили, но ремень не сохранился, а осталась только мѣдная пряжка и оковка наконечника ремня. Стрѣлъ въ колчанѣ было около 50 штукъ, разной величины, формы и вѣса; длина ихъ наконечниковъ отъ 4 до 10 сантм. до стержней, которые забивались въ древко отъ ¾ до 1 вершка ихъ длины; мѣсто на древкѣ, гдѣ былъ вбитъ стержень, окручивалось вощеной крѣпкой ниткой (шпагатомъ). Отъ



Драгоцѣнный мечъ, найденный при раскопкахъ Великокняжескаго Двора въ Кіевѣ, произведенныхъ І. О. Хойновскимъ.

копья, острiе котораго искрошилось, сохранилась одна только втулка, длиною въ 13 сантм.; ея наружный діаметръ 32 мм.; ширина отверстія для древка 24 мм.; втулка была выкована изъ кубоваго желѣза, очень крѣпка и тяжеловѣсна; въ ней остался поперечный гвоздь, прикрѣплявшій ее къ древку; втулка постепенно съуживается до 15 мм., и здѣсь начинается расширеніе копья, доходящее до 62 мм., а потомъ копье опять постепенно съуживается и оканчивается остріемъ. Копья X в., судя по этому, были очень тяжелы, и ударъ ихъ могъ пробивать даже кольчугу [134]).

Не менѣе важную принадлежность княжеской охоты составляли лошади. Охота, въ особенности полевая, требуетъ лошадей съ спеціальными свойствами: быстрыхъ, легкихъ и, главное, неутомимыхъ. О конной охотѣ мы знаемъ изъ духовной Владиміра Мономаха: однажды на охотѣ медвѣдь прокусилъ потникъ у Владимірова коня,

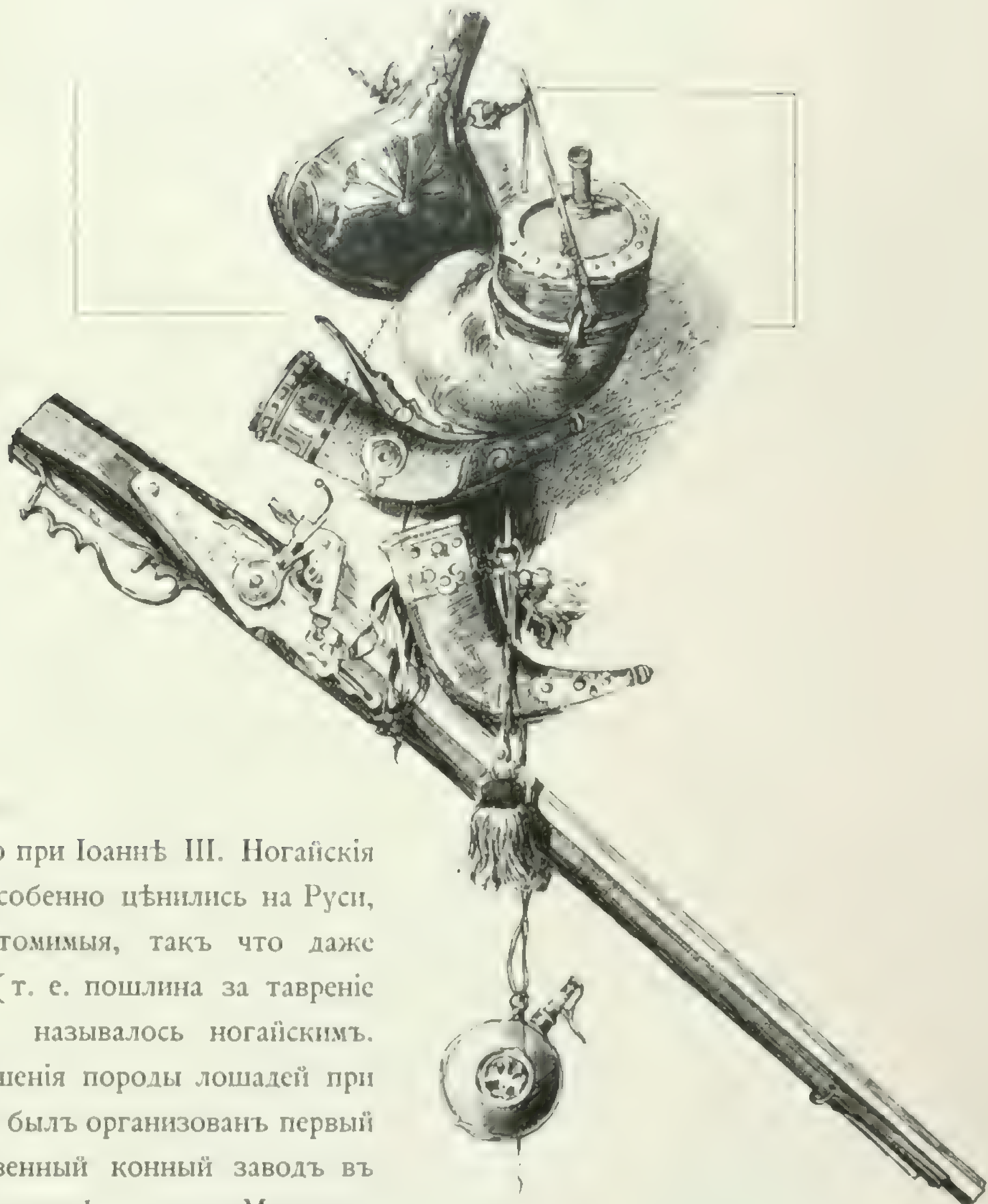
другой разъ лютый звѣрь свалилъ на землю Владиміра вмѣстѣ съ конемъ; судя по тому, что Владиміръ иногда самъ отправлялъ обязанности конюховъ, «и въ ловчихъ ловчій нарядъ держалъ есмь и въ конюсѣхъ», должно думать, что уже въ то время существовала при княжеской охотѣ особая конюшня охотничьихъ лошадей. Фрески Кіево-Софійскаго собора представляютъ также изображенія конныхъ охотниковъ (рр. II и IV) и конюха съ нѣсколькими охотничьими лошадьми (р. I). Безъ сомнѣнія, для охоты употреблялись степныя лошади. Дикіе кони, которыхъ Мономахъ вязалъ собственными руками по 10 и 20 головъ, будучи выѣзжены, могли быть хорошими охотничьими лошадьми.

По свидѣтельству Греческаго императора Константина Багрянороднаго, русскіе покупали лошадей, конечно, не рабочихъ, а выѣзженныхъ степныхъ, у кочевниковъ печенѣговъ; иногда Русскіе князья получали ихъ въ подарокъ отъ половцевъ, напр., отъ Котяна, хана Половецкаго. Но, кромѣ того, иноходцы и скакуны выписывались въ Юго-Западную Русь изъ Венгріи и назывались конями угорскими по мѣсту происхожденія, или фарями по качеству, такъ какъ это слово на греческомъ языкѣ означаетъ непростую, хорошую лошадь [135]).

Въ Московской Руси охотничьи лошади для выѣзда и гоньбы при псовой охотѣ были также степныя, азіатской породы, и покупались у ногайцевъ. Ногаи пригоняли огромные табуны на продажу; въ 1474 и 1534 гг. изъ Орды было пригнано до 90.000 лошадей, изъ которыхъ еще на мѣстѣ, въ Астрахани и Казани, станичники, свѣдующіе люди, отбирали лучшихъ про государевъ обиходъ отъ 6 до 8 тысячъ; записавъ и запятнавъ ихъ, отправляли на Москву съ табунщиками; въ пути станичники отмѣчали аргамаковъ и лучшихъ верховыхъ лошадей для государевой конюшни; въ Москвѣ имъ производилась оцѣнка на государевомъ дворѣ, уплачивались деньги изъ государевой казны, и принятыя лошади поступали въ конюшенное вѣдомство, во главѣ котораго стоялъ конюшій, званіе котораго



Рогатина Великаго Князя Бориса Александровича Тверскаго
1425 г.



учреждено при Іоаннѣ III. Ногайскія лошади особенно цѣнились на Руси, какъ неутомимыя, такъ что даже «пятно» (т. е. пошлина за тавреніе лошадей) называлось ногайскимъ. Для улучшенія породы лошадей при Іоаннѣ III былъ организованъ первый государственный конный заводъ въ селѣ Хорошовѣ, подъ Москвою, названный по селу Хорошовскимъ.

При Василіи III, весь конюшенный нарядъ для псовой охоты, безъ сомнѣнія, входилъ въ составъ конюшеннаго приказа, учрежденнаго въ 1511 году [136]). Охотничьи лошади Василія III, по свидѣтельству Герберштейна, отличались красотою и принадлежали преимуще-

ственно къ породѣ аргамаковъ [137]). Іоаннъ Грозный предпочиталъ для охоты также «аргамаковъ жеребцовъ добрыхъ», какъ онъ писалъ Баторію. Димитрій Самозванецъ былъ большой любитель хорошихъ лошадей; при немъ ногайскія лошади пригонялись въ Москву громадными табунами, такъ что Маржеретъ, капитанъ гвардіи Самозванца, имѣлъ случай видѣть до 40 т. ногайскихъ лошадей сразу [138]).

Княжеская и царская охота раздѣлялась на два вида: охоту птичью и охоту псовую. Оба эти вида княжеской охоты современны основанію русскаго государства; существуя постоянно, на всемъ протяженіи изслѣдуемаго періода они временами усиливались, временами приходили въ нѣкоторое разстройство и упадокъ. Иногда птичья и псовая охоты производились князьями совмѣстно, иногда раздѣльно, тѣмъ болѣе, что и та, и другая требуютъ различныхъ условій отъ мѣстности, на которой онѣ устраиваются. Для большей ясности и раздѣльности представленія о древней княжеской охотѣ, мы сгруппируемъ свѣдѣнія о томъ и другомъ видѣ ея отдѣльно.

Охота съ ловчими птицами, повсюду въ мірѣ извѣстная съ самой глубокой древности, какъ истинно-царская забава, искони и у насъ производилась князьями какъ въ Кіевской, такъ и въ Московской Руси. Можно догадываться, что на Русь она была занесена варяжскими князьями съ крайняго сѣвера, гдѣ водилась самая лучшая порода сокола, такъ называемаго Falco islandus. Въ южной Руси Олегъ, быть можетъ, первый началъ охотиться съ соколами и завелъ свой соколій дворъ въ «Сокольѣ» въ Кіевѣ, подъ горою, противъ церкви Рождества Христова. Съ тѣхъ поръ птичья охота стала обычнымъ явленіемъ въ жизни древне-Русскихъ князей и оставила по себѣ слѣдъ въ письменныхъ памятникахъ и былинахъ. Первое упоминаніе о ловчихъ птицахъ, соколахъ и ястребахъ сдѣлано въ «Русской Правдѣ», въ законодательномъ памятникѣ XI в., и къ тому же времени относятся фресковыя изображенія ловчихъ птицъ на лѣстницѣ Кіево-Софійскаго собора



(рр. VI, VII и VIII). Впослѣдствіи, въ XII в., Владиміръ Мономахъ въ своей духовной говоритъ о соколахъ и ястребахъ.

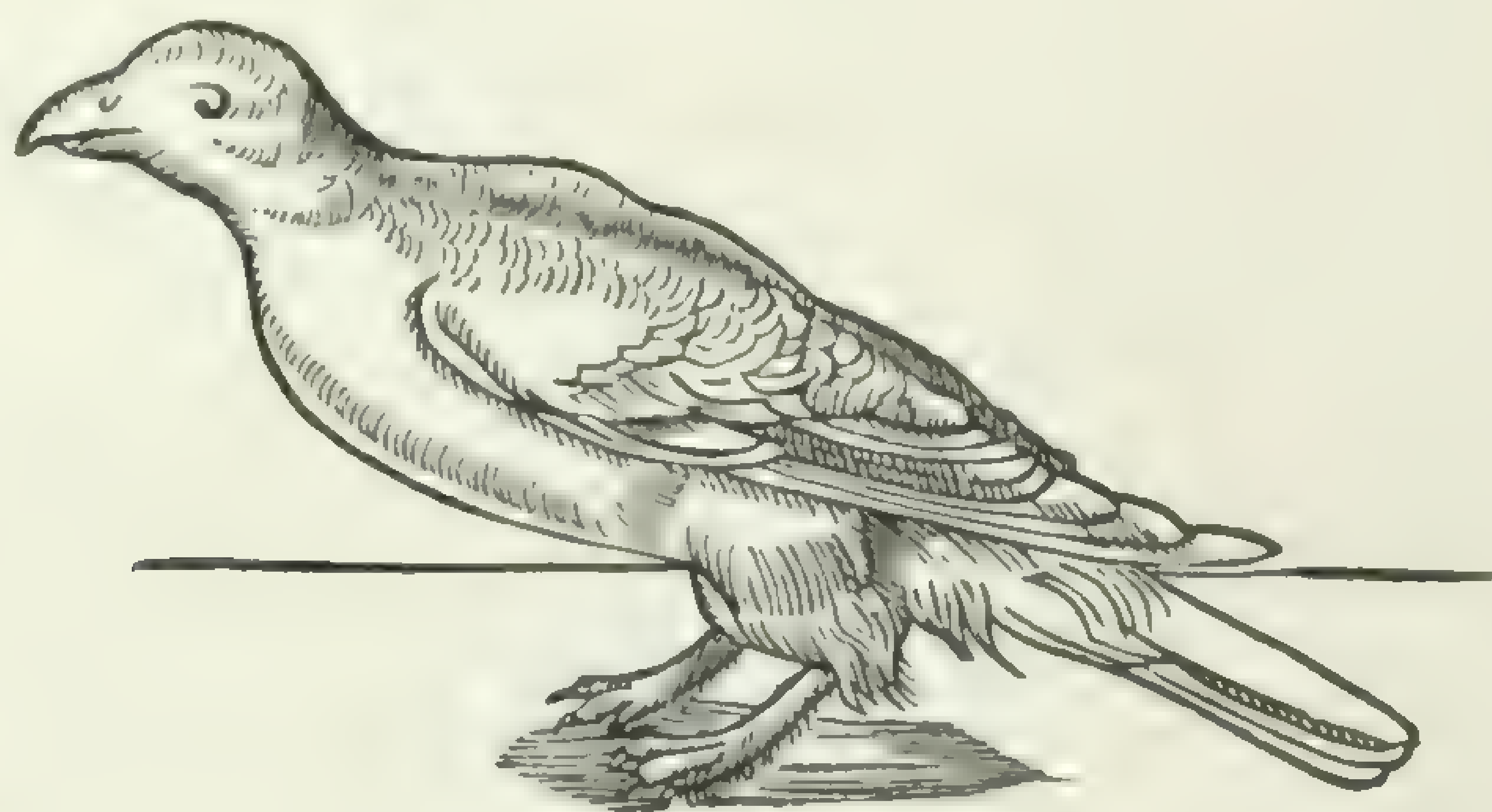
Изъ князей южной Руси наиболѣе страстнымъ любителемъ охоты съ ловчими птицами былъ Игорь Сѣверскій (кон. XII в.). Безъ сомнѣнія, въ сѣверо-восточной Руси птичья охота имѣла большее распространеніе, чѣмъ въ южной; на сѣверо-востокѣ ей благопріятствовалъ и самый характеръ мѣстности, и близость къ мѣстамъ ловли охотничьихъ птицъ. Поэтому-то въ Новгородѣ и возможно было крайнее увлеченіе князей птичьей охотой. При столкновеніи Новгородцевъ съ своими князьями въ 1135 году съ Всеволодомъ Мстиславичемъ и въ 1270 году съ Ярославомъ Ярославичемъ, Новгородцы ставили имъ въ большую вину это увлеченіе; первому изъ нихъ они говорили: «почто ястребовъ и собакъ собра», а второму, т. е. Ярославу писали: «почто соколы и ястребы многи держиши»? Что касается птичьей охоты Московскихъ князей, то



Изображеніе сокольника, съ русской гравюры на мѣди начала XVII стол.

первыя упоминанія о ней относятся къ XIV в., ко временамъ княженія Симеона Гордаго [139]) и Димитрія Донскаго [140]). Къ концу XV в. соколиная охота при дворѣ Московскихъ князей начинаетъ сильно развиваться, какъ это можно судить по слѣдующему факту. Въ 1476 и 1478 гг. великій князь Іоаннъ III Васильевичъ ѣздилъ въ Новгородъ; здѣсь, во время торжественныхъ пиршествъ, устроенныхъ Новгородцами по случаю его пріѣзда, знатные новгородскіе мужи надарили князю множество подарковъ: золота, серебра, денегъ, винъ, заграничныхъ ипскихъ (нѣмецкихъ) суконъ, коней и также кречетовъ и соколовъ, именно семь кречетовъ и одного сокола [141]). Такъ какъ кречеты подносились князю на ряду съ перечисленными цѣнными подарками, то очевидно, что для князя кречеты имѣли большое значеніе, а это указываетъ на значительное развитіе соколиной охоты въ царствованіе Іоанна III. Въ царствованіе Василія III Іоанновича соколиная охота существовала на ряду съ псовой, но, несомнѣнно, первенствующее значеніе Василій III признавалъ за псовою охотой, хотя иногда онъ охотился и съ соколами [142]), которыхъ, по свидѣтельству Герберштейна [143]), у него было много. При Іоаннѣ Грозномъ, во второй періодъ его жизни (между 1547 и 1560 гг.), когда Грозный весь погрузился въ дѣла государственныя, соколиная охота пришла въ большое разстройство, о чемъ мы уже говорили. Послѣ Грознаго соколиная охота вновь

была устроена и до конца разсматриваемаго періода существовала безпрерывно. Ѳеодоръ Іоанновичъ, Борисъ Годуновъ и Димитрій Самозванецъ любили иногда потѣшить себя съ добрыми кречетами и соколами. Существуя непрерывно съ IX в., соколиная охота, за все время съ IX в. по XVI включительно, однако, никогда не достигала такихъ размѣровъ и такой роскошной постановки, какіе ей усвоены были при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.



Изображеніе бѣлаго кречета съ прибрежья Бѣлаго моря, съ нѣмецкой гравюры на деревѣ конца XVI столѣтія.

Охота съ ловчими птицами производилась при помощи ястребовъ, соколовъ и кречетовъ, «вынашенныхъ», т. е. систематически пріученныхъ ловить дикихъ птицъ и мелкихъ животныхъ, сналету побивая ихъ въ нѣсколько пріемовъ или «ставокъ». По способностямъ къ охотѣ соколы и кречеты предпочитались ястребамъ. Ловчихъ птицъ «помыкали», т. е. добывали преимущественно на дальнемъ сѣверѣ въ Двинской землѣ и Печорскомъ краѣ, но ловили ихъ также, по крайней мѣрѣ въ XVI в., и въ центральной полосѣ близъ Переяславля. Дальній сѣверъ, холодный и суровый, поросшій вѣковыми лѣсами и заставленный горами и скалами, былъ настоящей родиной ловчихъ
19*

птицъ; здѣсь, въ дикой чащѣ, на вершинахъ самыхъ высокихъ деревьевъ, или на скалахъ неприступныхъ, селились эти царь-птицы; здѣсь были «сокольи и кречатьи сѣдбища». Мѣста, гдѣ ловились соколы и кречеты, въ старину назывались «помчищами», а лица, ловившія ихъ, звались «помытчиками». Древность не сохранила никакихъ извѣстій относительно способовъ и пріемовъ, употреблявшихся при ловлѣ соколовъ и кречетовъ. И это понятно: искони не любитъ русскій человѣкъ дѣлиться своими знаніями, въ особенности когда они прибыльны; держитъ крѣпко, про себя только, всякій промысловый секретъ, а простые люди, глядя на его удачи, говорятъ въ такомъ случаѣ: «знаетъ-де онъ слово»; и лишь умирая передаетъ онъ это «слово» сыну или старшему въ родѣ.

«Помыканіе» соколовъ и кречетовъ было дѣломъ весьма труднымъ, и зависѣло исключительно отъ личной опытности и находчивости, поэтому было весьма естественно ловцамъ скрывать другъ отъ друга свои пріемы ловли. Основываясь на данныхъ позднѣйшаго времени XVII в. [144]), можно думать, что и въ предъидущіе вѣка ловля соколовъ и кречетовъ производилась при помощи сѣтей, къ которымъ въ видѣ приманки привязывались живые голуби. Ловили соколовъ старыхъ и молодыхъ, но старые трудно вынашивались, поэтому молодиковъ «помыкали» больше, чѣмъ старыхъ дикомытей. При выборѣ молодыхъ соколовъ обращали вниманіе на то, рано ли они оставили гнѣзда и возвращались ли въ нихъ или нѣтъ. Въ Польшѣ въ XIV в. по этимъ наклонностямъ давали соколамъ различныя названія: тѣ, которые рано покидали гнѣздо и перелетали съ вѣтки на вѣтку, назывались вѣтвенниками (galeznikami); они были хороши для охоты, но вынашиваніе ихъ требовало большого труда и терпѣнія по причинѣ ихъ дикости; напротивъ, молодые, болѣе другихъ остававшіеся въ гнѣздѣ, назывались гнѣздовыми (gniazdówkami) и цѣнились выше, потому что были послушнѣе и при вынашиваніи требовали гораздо меньше труда [145]).

Взрослые кречеты и соколы отличались большимъ ростомъ и яркимъ опереніемъ; кречеты, напримѣръ, достигали огромнаго роста, до двухъ футовъ. Наиболѣе цѣнились кречеты ярко-красные и бѣлые, за ними «подкрасные» и «кропленые» (т. е. пестрые), бурые и сѣрые. Соколы и кречеты, пойманные помытчиками, разъ въ годъ доставлялись въ Москву на княжескую сокольню, обыкновенно въ рождественскіе праздники или, самое позднее, около масляницы. Доставка соколовъ сопряжена была съ большими затрудненіями. Ихъ приходилось доставлять по спокойной зимней дорогѣ, когда санный путь устанавливался совершенно: мы уже



Поселокъ помытчиковъ Новгородской Пятины, съ нѣмецкой гравюры XVII столѣтія.



имѣли случай говорить, что Іоаннъ III не могъ послать дочери своей Еленѣ просимыхъ ею кречетовъ потому, что «путь ся еще не уставилъ», т. е. не установился путь, удобный для отправки кречетовъ. Кречетовъ везли обыкновенно въ особенныхъ повозкахъ, сажая въ каждую повозку по четыре, по пяти или по шести птицъ [146]). Повозка представляла изъ себя коробъ, внутри обитый

овчинами [147]) для того, чтобы кречеты не получили поврежденій при толчкахъ, и чтобы не заломились у нихъ крылья. Въ Москвѣ привезенные кречеты поступали въ княжескую сокольню, и здѣсь уже ихъ начинали пріучать къ охотѣ — «вынашивать». Вынашиваніемъ кречетовъ занимались княжескіе сокольники, спеціалисты своего дѣла. Чтобы побѣдить врожденную дикость кречетовъ и сдѣлать ихъ «вѣжливыми», т. е. вполнѣ послушными охотнику, ихъ подвергали голоду и безсонницѣ, нося при себѣ не только днемъ, но и ночью, и не давая кречетамъ ни на минуту заснуть; затѣмъ пріучали къ различнымъ охотничьимъ принадлежностямъ и къ дичи, для которой хотѣли употреблять кречета, съ этой цѣлью давали ему убивать связанную живую дичь; за неимѣніемъ живыхъ экземпляровъ дичи притравливали къ битой птицѣ или даже къ чучеламъ; наконецъ, пріучали кречета прилетать на зовъ — «вабленье», а вабили его или свистомъ, или трубя въ охотничій рогъ, или посредствомъ барабана; такъ, въ 1556 году Іосифъ Непея везъ отъ Грознаго, въ числѣ подарковъ англійской королевской четѣ, «прекраснаго большого бѣлаго кречета вмѣстѣ съ серебрянымъ барабаномъ, въ позлащенныхъ обручахъ, употреблявшимся вмѣсто вабила для призыванія упомянутой птицы» [148]). Для того, чтобы во время охоты ловчія птицы не могли ускользнуть отъ вниманія охотника, имъ привязывали бубенчики или колокольчики [149]), по звуку которыхъ охотникъ легко могъ тотчасъ же найти сокола, спустившагося съ дичью на землю. Не сохранилось, къ сожалѣнію, никакихъ свѣдѣній о томъ, какъ производилась княжеская охота съ ловчими птицами; но нужно полагать, что уже съ давнихъ поръ началъ складываться постепенно нѣкоторый церемоніалъ птичьей охоты, изъ котораго развился впослѣдствіи крайне затѣйливый обрядъ соколиной охоты царя Алексѣя Михайловича.

Такъ какъ правильная и систематическая охота съ ловчими птицами возможна была только подъ условіемъ постояннаго попол-

ненія и обновленія состава ловчихъ птицъ, то совершенно понятны особенныя заботы нашихъ князей относительно правильной постановки этого дѣла и относительно людей, ему служившихъ. Грамоты великихъ князей помытчикамъ и сокольникамъ, обнимающія собою періодъ XIII—XVI вв., достаточно разъясняютъ условія соколинаго промысла и особыя права и привилегіи сокольихъ и кречатьихъ помытчиковъ.

Соколы и кречеты составляли предметъ государственнаго промысла [150]). Для производства ловли соколовъ и кречетовъ государи наши отправляли на сѣверъ особыя ватаги (артели) съ атаманомъ во главѣ [151]), или населяли помытчиками села и слободы въ мѣстахъ ловли [152]), или же поручали это дѣло мѣстнымъ сельскимъ жителямъ [153]).

Соколиный промыселъ былъ организованъ на оброчномъ началѣ, а сокольи и кречатьи помытчики считались слугами государевыми, государевыми оброчниками. По своему положенію и правамъ, они рѣзко отличались отъ обыкновенныхъ крестьянъ, «черныхъ людей», представляли собой группу свободныхъ промышленниковъ, обязанныхъ лишь незначительнымъ оброкомъ въ пользу казны. Помытчики пользовались свободою отъ всякихъ даней и пошлинъ и «не тянули съ черными людьми ни въ какіе проторы (начеты) и разметы (раскладки)»; не обязаны были выставлять подводы и проводниковъ для проѣзжающихъ государевыхъ чиновниковъ, ратныхъ людей и гонцовъ, не обязаны были давать кормъ имъ и ихъ конямъ; а кому изъ этихъ проѣзжихъ государевыхъ людей случалось выѣзжать къ помытчикамъ, то за свой и конскій кормъ и за постой платили деньги по соглашенію съ помытчиками. Кромѣ того, помытчики были изъяты изъ вѣдѣнія и суда намѣстниковъ и тіуновъ, кромѣ случаевъ душегубства и разбоя съ поличнымъ, поэтому «праветчики и доводчики» (т. е. пристава и слѣдователи) не имѣли права вмѣшиваться въ дѣла помытчиковъ и лишены были возможности брать съ нихъ обычные поборы.

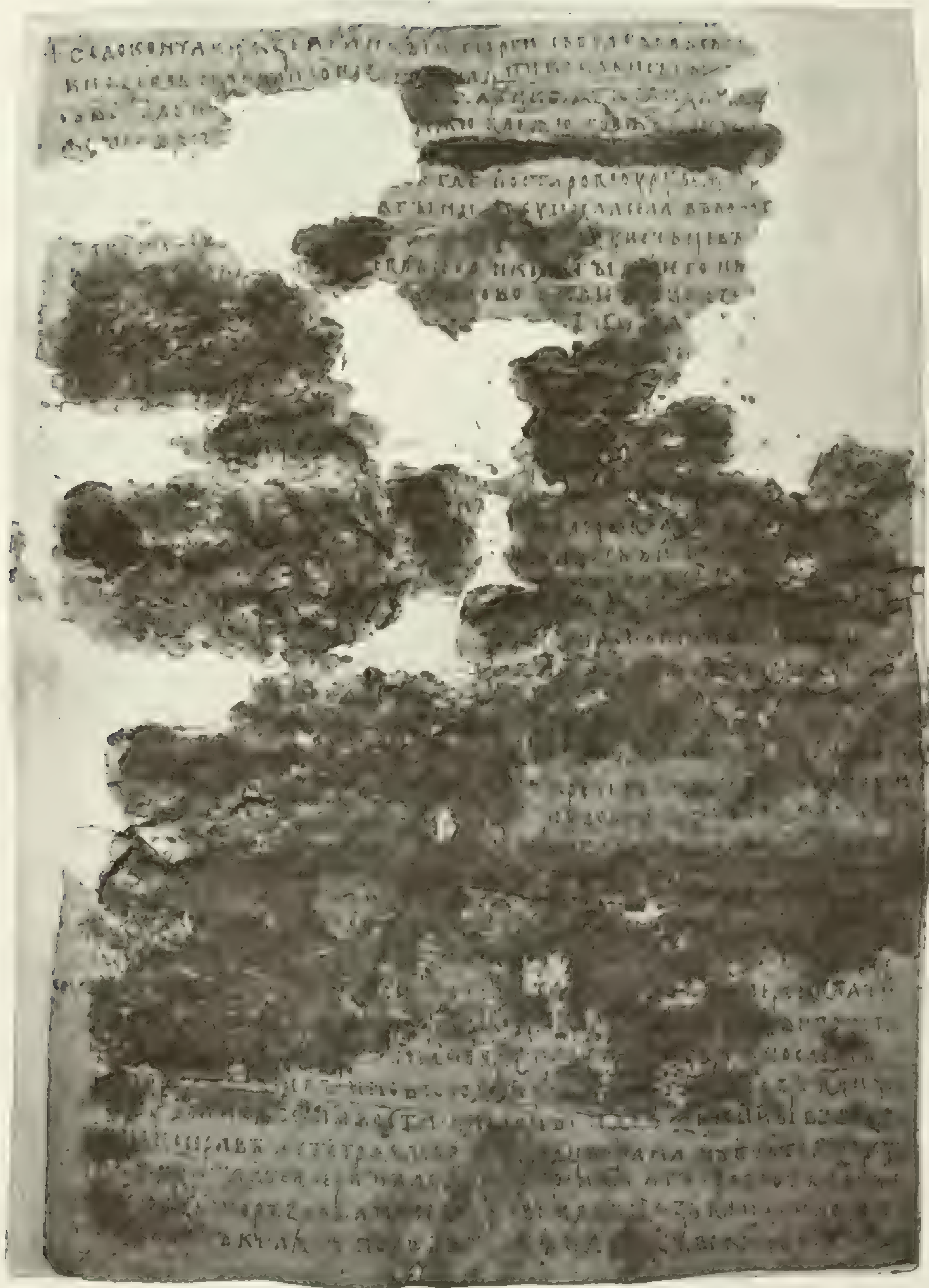


Тяжбы помытчиковъ между собою разрѣшались или мѣстнымъ волостелемъ, или особыми земскими судьями, выбранными самими помытчиками изъ своей среды; напротивъ, когда на помытчикахъ искали чего-либо люди посторонніе, то ихъ судилъ самъ великій

20

князь, или его ближній бояринъ сокольничій. Въ помощь себѣ при ловлѣ соколовъ и кречетовъ помытчики имѣли право держать «наймитовъ» изъ людей «неписьменныхъ и нетяглыхъ», и эти наймиты также освобождались отъ всякихъ податей и пошлинъ и стояли внѣ вѣдѣнія мѣстной администраціи. При проѣздѣ помытчиковъ съ оброкомъ на Москву, волостели, намѣстники, посадники и черные люди обязаны были оказывать имъ всякое содѣйствіе, доставляя потребное количество корма и подводъ; въ то же время помытчики были свободны отъ платы за перевозъ и отъ многихъ пошлинъ, которыя обязаны были платить торговцы и промышленники, привозившіе различные товары въ Москву; но если, помимо оброка, помытчики везли какой-либо товаръ на продажу, то они уплачивали за него всѣ обычныя пошлины.

Въ княжескихъ грамотахъ помытчикамъ и сокольникамъ легко замѣтить, какъ постепенно возростали и увеличивались льготы помытчиковъ: такъ при Василіи III помытчики, наравнѣ съ тяглыми и черными людьми, несли еще нѣкоторыя общія повинности, въ родѣ посошной службы, яма (т. е. поставки подводъ для княжеской почтовой гоньбы) и городового дѣла (т. е. крѣпостныхъ работъ), а начиная съ Грознаго и при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ и Василіи IV Шуйскомъ они были освобождены и отъ этихъ повинностей. Въ исключительныхъ случаяхъ помытчики получали еще большія льготы: при Іоаннѣ Грозномъ семья вологодскихъ сокольниковъ Блазновыхъ выпросила себѣ во владѣніе дикія, покрытыя лѣсомъ и мхами, мѣста и была на десять лѣтъ освобождена отъ всякихъ повинностей и даже отъ обычнаго соколинаго оброка. Это постепенное возростаніе льготъ и правъ соколиныхъ помытчиковъ, начавшееся со времени Грознаго, наводитъ на мысль, что уже съ этого времени соколиная охота начинаетъ получать преобладающее значеніе въ царской охотѣ, и здѣсь, стало быть, нужно искать разгадку удивительно пышнаго ея послѣдующаго расцвѣта.



Договорная грамота Великаго Князя Георгія съ Великимъ Княземъ Тверскимъ Михаиломъ Ярославичемъ 1318 года.

Приведемъ здѣсь подлинныя грамоты, данныя Великими Князьями и Царями помытчикамъ.

Грамота, относящаяся къ 1294—1304 годамъ, дана была великимъ княземъ Андреемъ Александровичемъ Посадникамъ, Казначеямъ и старостамъ Заволочья (Карамзинъ. «Ист. Госуд. Росс.» т. IV, стр. 191).

Отъ Великаго Князя отъ Ондрѣя къ посадникамъ и къ скотникамъ (скотница кладовая, Соловьевъ, т. III, ст. 9) и къ старостамъ: како есмь докончалъ (въ силу договора, заключеннаго) съ Новымъ-Городомъ ходити тремъ ватагамъ моимъ на морѣ; а въ Атаманъ Андрѣй Критцкій атьдаютъ (да даютъ ему) съ погостовъ кормъ и подводы по пошлинѣ, а сынъ его Кузма, какъ пойдетъ съ моря съ потками съ данными по данничему пути (съ данными птицами по пути, гдѣ жители обязаны данью), дадятъ ему корму и подводы по пошлинѣ съ погостовъ; а какъ пошло при моемъ отцѣ, и при моемъ братѣ, неходите на Терскую сторону Новгородцамъ и нынѣ не ходятъ (Акты Археографическ. Экспед., т. I, стр. 1).

Въ договорной грамотѣ Великаго Князя Георгія съ Великимъ Княземъ Тверскимъ Михаиломъ Ярославичемъ, относящейся къ 1318 году, между прочимъ читаемъ:... «А что поимали на Вологдѣ кречеты, и серебро, и бѣлу и.... (истлѣвшее мѣсто).... св. (л) ободамъ и Посломъ и у Волоцѣ и у Ладожанъ или что (истлѣвшее мѣсто).... ихъ людей дат иимъ назадъ по исправѣ» (Собраніе Госуд. Грамотъ и Договоровъ, ч. I, стр. 18).

Къ періоду 1320—1340 годовъ относится слѣдующая грамота Великаго Князя Іоанна Даниловича:

Се язъ Князь Великій Иванъ Даниловичъ всея Руси пожаловалъ есмь сокольниковъ Печерскихъ, кто ходитъ на Печеру, Жилу съ други, а се ихъ имена: Жила, Олюша, Василко, Степанъ, Карпъ, Ѳедецъ, Острога, Бориско, Кузма, Дмитрокъ, Власій, Микитица, Ивановъ сынъ, Семенецъ, Кондратъ, Чешко, Семенець, Григорь, Степанець, Савица: ненадобѣ имъ никоторая дань, ни ко старостѣ, имъ не тянути и что у нихъ третники и наймиты кто стражетъ на готовыхъ конѣхъ, а въ кунахъ, и тѣмъ не надобѣ никоторая дань, ни ко старостѣ имъ не тянути ни биричь (глашатай, объявляющій по улицамъ и площадямъ постановленія правительства; иногда полицейскій служитель. Даль. Слов.) ихъ не поторговывать, ненадобѣ ни кормъ, ни подвода; кто ли, черезъ мою грамоту, что у нихъ возметъ, и язъ Князь Великій кажню, занеже ми люди тѣ надобны. А приказалъ есми ихъ блюсти Меркурью: и ты Меркурей, по моей грамотѣ блюди ихъ, а въ обиду ихъ не выдавай никому» (Акты Археограф. Экспед., т. I, стр. 1).



Царь Василій IV Іоановичъ Шуйскій,
изъ книги „Титулярника“ Царя Алексѣя Михаиловича.

Пропуская грамоту Великаго Князя Василія Ивановича III и Царя Іоанна Грознаго, приведемъ здѣсь грамоту Царя Василія Ивановича Шуйскаго, почти тождественную съ грамотами названныхъ Великаго Князя и Царя:

Се язъ, Царь и Великій Князь Василей Ивановичъ всеа Руси, пожаловалъ есми своихъ Переславскихъ соколниковъ, соколнича пути и помытчиковъ и обротчиковъ, что живутъ въ пригородѣ на посадѣ, Гришку Рябикова, да Боженка Ильина, да Ортюшку Максимова, да Казаринка Петрова, да Ивашка Поганникова, да Ванку Панина, да Тишку Новикова, да Ивашка мелника, да Меншичка Дементьева, да Тренку кузнеца, да Тренку сапожника, да вдову Оксиньицу, да Гаврилку хлѣбника, да Илейку Обросимова: что они намъ били челомъ и положили передъ нами блаженныя памяти Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всеа Русіи жалованную грамоту, чтобъ намъ ихъ пожаловать, велѣти тое старую жаловалную грамоту переписати на наше царское имя и велѣть бы имъ дати свою царскую жаловалную грамоту новую таковужъ какова у нихъ прежъ сего была. И язъ, Царь и Великій Князь Василей Ивановичъ всеа Русіи, выслушавъ ихъ старую жаловалную грамоту Переславскихъ соколниковъ, соколнича пути, и помытчиковъ и оброчниковъ, Гришку Рябикова съ товарищи, пожаловалъ велѣлъ тое старую грамоту переписати на свое Царево и Великаго Князя Василея Ивановича всеа Русіи имя и велѣлъ имъ дати сю свою царьскую жаловалную грамоту, таковужъ какова у нихъ прежъ сего была: наши намѣстницы Переславскіе и ихъ тіуны Гришку Рябикова и его товарищей не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства и разбоя съ поличнымъ, а праведчики и доводчики поборовъ своихъ на нихъ и поворотнаго (плата съ возовъ на постоялыхъ дворахъ, Даль. Слов.) не емлютъ и не всылаютъ къ нимъ ни почто; а кому будетъ чего искати на Гришкѣ Рябиковѣ и на его товарищехъ, ино ихъ сужу язъ, Царь и Великій Князь Василей Ивановичъ всеа Русіи, или мой соколничей; а ѣздити отъ нихъ и по нихъ нашему даному приставу, котораго имъ язъ пожалую, велю дати, а срокъ имъ даной приставъ срочитъ одинъ въ году въ той же день по Крещеньѣ Христовѣ; а опричь того моего данаго пристава, не ѣздить по нихъ никто; а кто на нихъ накинетъ срокъ не по тому ихъ сроку, и имъ къ тому сроку ѣздити не велѣлъ; а кто на нихъ безсудную грамоту возметъ, не по тому ихъ сроку, и та безсудная не въ безсудную. Также есми ихъ пожаловалъ: наше князи и бояре и воеводы и ратные люди у нихъ во дворѣхъ силно не ставятся, а наши высылщики и гонцы и емщики подводъ у нихъ и проводниковъ не емлютъ въ городѣ и по дорогамъ, опричь ратныя вѣсти; а съ подводами на яму не стоятъ, и съ черными людми



городскими, ни съ цѣловалники, ни съ сотскими, ни съ десятскими, во всякіе подати и тяглы не тянутъ..... (истлѣвшее мѣсто)..... А съ черными людьми не тянутъ ни вочто, ни въ посошныя службы. А оброку имъ мнѣ, Царю и Великому Князю, давати съ своихъ дворовъ съ году на годъ на Рожествѣ Христовѣ на мою соколню соколничему нашему по 3 сокола перомъ (живыхъ, натурою); а не будетъ соколовъ перомъ и имъ давати въ нашу казну за три сокола оброку по 1½ рубля, съ году на годъ, за соколъ по полтинѣ, да пошлинъ съ сокола по гривнѣ. А коли Гришка съ товарыщи поѣдутъ къ намъ, на Москву, съ нашими оброчными соколы или съ соколнимъ оброкомъ, безъ товару, и наши намѣстники по городамъ и по волостемъ волостели и ихъ пошлинники, и по мытамъ мытчики, и по рѣкамъ перевозчики, и по гатямъ гатовщики, мыта (пошлина, Даль. Слов.) и тамгу и явки, ни иныхъ никоторыхъ пошлинъ на нихъ не емлютъ. А коли они явятъ сю нашу грамоту нашимъ намѣстникомъ и всякимъ пошленникомъ и они съ нее явки не даютъ ни чего. А прочетъ сю нашу царьскую жаловалную грамоту, велѣли есми отдавати Гришкѣ съ товарыщи назадъ, и они себѣ ее впередъ держатъ для нашихъ пошлинниковъ. Дана ся наша царьская жаловалная грамота на Москвѣ, лѣта 7114 году Іюля въ 10 день» (Акты Археографич. Экспедиціи, т. I, стр. 122).

Подъ охраной княжескихъ грамотъ, помытчикамъ жилось несравненно вольнѣе и легче, чѣмъ чернымъ

людямъ; волостели и намѣстники не смѣли ихъ тѣснить поборами подъ страхомъ княжескаго гнѣва: «а кто черезъ мою грамоту что у нихъ возметъ, и язъ великій князь кажню, занеже ми люди тѣ надобны», писалъ въ своей грамотѣ еще Іоаннъ Калита.

За всѣ эти льготы помытчики платили князьямъ ежегодный оброкъ соколами. Каждая община помытчиковъ обыкновенно доставляла на княжескую сокольню ежегодно по три сокола «перомъ», т. е. натурою, живыхъ; но при Өеодорѣ Іоанновичѣ размѣръ оброка былъ гораздо выше: двинскіе и каргопольскіе помытчики обязаны были доставлять каждый годъ по 2 кречета «подкрасныхъ», по 3 «кропленыхъ» да по 35 кречетовъ сѣрыхъ. При неудачной ловлѣ, когда не было возможности доставить соколовъ и кречетовъ «перомъ», помытчики платили оброкъ деньгами по полтинѣ за каждаго сокола, а за трехъ соколовъ полтора рубля со всей артели, хотя въ артели ихъ было обыкновенно около двадцати человѣкъ [154]). Тогдашняя московская полтина на наши деньги стоила около $4\frac{1}{2}$ руб. сер.; такова была цѣна сокола дикаго, неприрученнаго и невыношеннаго; выношенные соколы цѣнились несравненно дороже: уже въ XI в., по закону «Русской Правды», укравшій выношеннаго сокола или ястреба платилъ его владѣльцу гривну кунъ, т. е. семь рублей на наши деньги; впослѣдствіи цѣна соколовъ должна была значительно повыситься; извѣстно, что въ XIV в. выношенный соколъ въ Польшѣ стоилъ свыше 300 рублей [155]); возможно полагать не безъ основанія, что въ Москвѣ онъ цѣнился немного ниже, чѣмъ въ Польшѣ.

Личный составъ соколиной охоты, ея организація и внутренніе распорядки за разсматриваемый періодъ мало извѣстны. Несомнѣнно, что существовала княжеская сокольня и при сокольнѣ находился извѣстный штатъ сокольниковъ для выпашиванія и ухода за ловчими птицами; для ястребовъ были особые слуги, такъ называемые «садовники ястребьи» [156]), которые дрессировали ихъ для охоты, устроивая



Царь Иванъ Грозный на соколиной охотѣ, съ рисунка Шварца.

садку на птицъ. Составъ соколиной охоты въ XV—XVI в. былъ уже довольно многочисленный, потому что при Грозномъ царскіе сокольники населяли въ Москвѣ, подъ Новинскимъ цѣлую слободу. Въ Москвѣ же, вѣроятно, также при Грозномъ, былъ построенъ каменный храмъ во имя Св. Трифона Чудотворца, что въ Напрудной слободѣ, который, по народному вѣрованію, считается защитникомъ полей отъ вредныхъ насѣкомыхъ и пресмыкающихся. Народное преданіе связываетъ построеніе храма Св. Трифону съ чудеснымъ спасеніемъ царскаго сокольничаго отъ неминуемой царской опалы. Молодой царскій сокольничій, сынъ богатаго и знатнаго боярина, только что помолвленный (по другому преданію — уже повѣнчанный), по имени Трифонъ Патрикѣевъ, по оплошности упустилъ любимаго государева сокола. Разгнѣванный царь приказалъ ему отыскать сокола не позже трехъ дней, подъ страхомъ царской опалы и жестокаго наказанія. Три дня и три ночи сокольничій провелъ въ лѣсу въ тщетной надеждѣ найти отыгравшаго сокола и горячо молилъ о помощи Св. Трифона. Наконецъ, усталый, измученный, удрученный отчаяніемъ, онъ присѣлъ отдохнуть, задремалъ и тотчасъ же увидѣлъ сонъ: ему предсталъ Св. Трифонъ на бѣломъ конѣ и съ соколомъ въ рукахъ и сказалъ ему, что отыскиваемый соколъ сидитъ на соснѣ невдалекѣ отъ того мѣста, по направленію къ востоку. И дѣйствительно, очнувшись отъ сна, сокольничій скоро розыскалъ сокола и въ благодарность за чудесную помощь построилъ Св. Трифону сначала часовню, а потомъ храмъ [157]). Высшее лицо въ составѣ соколиной охоты былъ государевъ сокольничій, обыкновенно изъ родовитыхъ бояръ. Сокольничему принадлежалъ общій надзоръ за соколиной

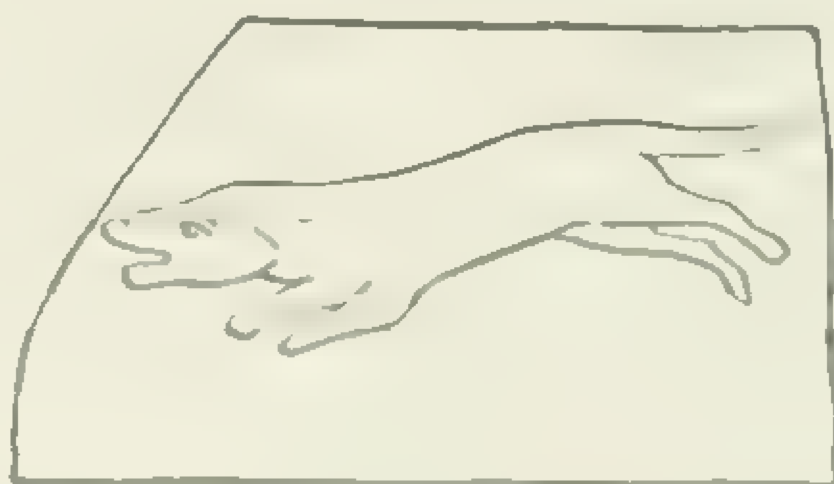


рис. XIV.
Снимокъ съ фрески Кіево-Софійскаго собора XI столѣтія.

охотой и судъ надъ сокольниками. Въ XVI в. званіе сокольничаго иногда соединялось со званіемъ ловчаго, т. е. завѣдывающаго всей охотой птичьей и псовой. Въ 1504 году сокольничимъ В. К. Василія III былъ Кляпикъ Еропкинъ [158]).

Переходя къ вопросу о псовой охотѣ, мы прежде всего должны отвергнуть ошибочное предположеніе, что «Василій III едва ли не первый (изъ Русскихъ князей) завелъ псовую охоту, ибо Россіяне въ старину считали псовъ животными нечистыми и гнушались ими» [159]). Неоспоримый фактъ, что при Василіи III псовая охота достигла наибольшаго развитія, но многія историческія данныя не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что она существовала съ самыхъ раннихъ временъ. Въ «Русской Правдѣ» (XI в.) псы, именно охотничьи, упоминаются на ряду съ соколами и ястребами; среди фресокъ Кіево-Софійскаго собора, какъ мы видѣли выше, имѣются изображенія охоты съ собаками на кабана (р. III), векшу (р. II) и оленя (р. V). Уже съ XII в. встрѣчается въ лѣтописи званіе псарей [160]), и въ этомъ же вѣкѣ мы видимъ въ лицѣ Новгородскаго князя Всеволода Мстиславича первый примѣръ крайняго увлеченія псовой охотой наравнѣ съ соколиной. Но особенно частыя упоминанія о псаряхъ относятся къ XV в., а подъ 1504 г. въ духовной великаго князя Іоанна III впервые названа княжеская псарня, помѣщавшаяся близъ Москвы въ селѣ Луцинскомъ [161]). Около того же времени русскія борзыя собаки становятся извѣстными при дворахъ европейскихъ государей: въ 1519 г. Христіанъ II, король Датскій, подарилъ Французскому королю Франциску I борзыхъ собакъ русской породы, вывезенныхъ изъ Московскаго государства [162]), безъ сомнѣнія, питомцевъ княжеской псарни. Такимъ образомъ блестящая псовая охота Василія III многимъ, конечно, была обязана заботамъ его отца, Іоанна III, о разведеніи чистыхъ породъ охотничьихъ собакъ.

По свидѣтельству Герберштейна, у Василія III были двѣ породы собакъ, такъ называемыя «canes molossi et odoriferi», собаки большія,

21*



и kurtzi, собаки поменьше, употреблявшіяся для охоты за зайцами [163]). Такъ какъ въ нѣмецкомъ переводѣ (1567 г.) записокъ Герберштейна canes molossi et odoriferi названы Jagdhund и Suchhund, то, по всей вѣроятности, это были собаки борзыя и гончія [164]). Что же касается породы собакъ, названныхъ у Герберштейна kurtzi, то это, безспорно, борзыя собаки, именно кавказскія, горной породы, называвшіяся прежде куртинками.

Такимъ образомъ въ княжеской псовой охотѣ употреблялась не только мѣстная порода борзыхъ, но и восточная порода. Восточная порода борзыхъ цѣнилась очень высоко и доставлялась обыкновенно татарами. Въ Польшѣ татары съ раннихъ временъ вели торгъ борзыми собаками, которыхъ приводили на ярмарки иногда большими партіями; нельзя сомнѣваться, что они продавали ихъ также на Руси. Татарскимъ борзымъ приписывалась особенная понятливость и «вѣжливость»: хорошая татарская борзая смирна, идетъ безъ своры возлѣ лошади охотника и послушна его приказанію. Какъ цѣнились хорошія охотничьи собаки, можно судить по законамъ Владислава Ягелло (XIV в.), по которымъ за воровство охотничьяго пса пола-

гался штрафъ 6 гривнъ (15 р. 84 к.), а за убійство крестьянина 10 гривнъ (26 р. 40 к.) [165]). Собственно рыночная цѣна охотничьихъ собакъ въ XIV вѣкѣ въ Польшѣ была приблизительно слѣдующая: борзыхъ можно было купить по 10 р., гончихъ по 4—5 р. и лягавыхъ 6—7 р. [166]).

О русскихъ цѣнахъ на охотничьихъ собакъ не сохранилось рѣшительно никакихъ указаній; однако, нѣтъ основаній предполагать слишкомъ значительную разницу русскихъ цѣнъ противъ польскихъ, въ особенности относительно восточной породы борзыхъ, которыхъ поставляли и въ Польшу, и на Русь, одни и тѣ же поставщики — татары. Безъ сомнѣнія, татары оказали значительное вліяніе на развитіе и характеръ русской княжеской охоты XIII, XIV и слѣдующихъ вѣковъ. Татары, вообще, очень любили охоту, были въ ней большіе искусники, а Татарскіе ханы обставляли свою охоту такою пышностью и торжественностью, что она невольно производила впечатлѣніе на заѣзжихъ европейцевъ, напримѣръ, на Плано Карпини и Барбаро. Такъ, ханъ Узбекъ (XIV в.) ѣздилъ на охоту къ берегамъ Терека со всѣмъ войскомъ, многими знаменитыми данниками и послами разныхъ народовъ. Охота затягивалась на мѣсяцъ или два. Нѣсколько сотъ тысячъ людей было въ движеніи; каждый воинъ украшался лучшими одеждами и садился на лучшаго коня; купцы на безчисленныхъ телѣгахъ везли товары индѣйскіе и греческіе; роскошь и веселье царили въ шумныхъ станахъ, и дикія степи казались улицами городовъ многолюдныхъ [167]). Въ ханскихъ охотахъ принимали участіе и Русскіе князья, пріѣзжавшіе въ Орду и иногда подолгу жившіе въ ней; при Узбекѣ въ Ордѣ жилъ цѣлыхъ три года Московскій князь Георгій Даниловичъ и женился даже на любимой сестрѣ Узбека, Кончакѣ, принявшей крещеніе подъ именемъ Агаѳіи [168]). Само собою понятно, что все, что было въ ханской охотѣ рѣдкаго и поразительнаго, князья заимствовали и переносили въ строй своей охоты; на охотѣ Василія III, описанной нами во II главѣ, легко можно замѣтить

черты татарскихъ позаимствованій, въ особенности пышность и великолѣпіе обстановки княжеской охоты. Что касается способовъ охоты, то здѣсь едва ли можно предполагать какія-либо заимствованія у татаръ, такъ какъ основные способы производства охоты повсюду одни и тѣ же. У татаръ самымъ любимымъ способомъ охоты были облавы. Разсыпаясь на огромномъ пространствѣ, они составляли кругъ и, при звукахъ оружія и трубъ, съ дикимъ крикомъ, гнали звѣрей прямо къ ханской ставкѣ, постепенно съуживая кругъ и замыкая звѣрей живою стѣной со всѣхъ сторонъ; ханъ первый убивалъ попавшихся звѣрей, а воины добивали уже тѣхъ, которыхъ не убилъ ханъ; по окончаніи облавы, разводили множество костровъ и шумно пировали до поздняго часа [169]).

И въ русской княжеской охотѣ облавы звѣрей практиковались съ самаго древняго времени. Еще въ XI вѣкѣ, въ 1088 г. Кіевскій князь Всеволодъ устроивалъ за Вышгородомъ облаву на зайцевъ при помощи «кличанъ»-загонщиковъ [170]), которые въ юго-западной Руси назывались иначе «осочниками»; при охотахъ на волковъ практиковалось подвываніе: волки, отзываясь на искусный вой охотника, выходили къ извѣстному мѣсту и здѣсь находили себѣ вѣрную смерть отъ мѣткихъ ударовъ охотниковъ [171]). Отдѣльныя выраженія и сравненія, встрѣчающіяся въ лѣтописи [172]), указываютъ на существованіе въ древнія времена травли, когда звѣря преслѣдовали верхами. Травлю звѣрей, преимущественно зайцевъ, особенно любилъ Василій III, обладавшій инстинктомъ истаго борзятника; его травли производились по всѣмъ правиламъ тогдашняго охотничьяго искусства, причемъ самъ князь и другіе знатные участники охоты вели охотничьихъ собакъ собственными руками и спускали ихъ на выгнанныхъ зайцевъ лишь по знаку князя. «Если зайцы слишкомъ долго или совсѣмъ не выбѣгали на поляну, и травля не удавалась, тогда устроивали здѣсь же заячью садку: по крику князя: «гуй, гуй» выпускали изъ мѣшковъ заранѣе



Медвѣжьи потѣхи, съ современной гравюры на мѣди изъ Путешествія Олеарія.

припасенныхъ зайцевъ и травили ихъ собаками: зайцы выскакивали изъ мѣшковъ и метались между собаками, словно козлята или ягнята въ стадѣ» [173]).

Охота на зайцевъ съ собаками продолжала существовать и при Іоаннѣ Грозномъ [174]); но послѣ Грознаго активная охота князей приходитъ въ упадокъ и временно замѣняется домашними травлями и садками звѣрей и звѣриными потѣхами. Такого рода охота впервые вошла въ дворцовые обычаи при Василіи III, сильно развилась при Грозномъ, а при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ стала почти исключительной забавой царя.

И въ травляхъ, и въ потѣхахъ дворцовыхъ главную роль играли медвѣди дикіе, или выученные, дрессированные. Для государевой потѣхи медвѣди отыскивались по всѣмъ областямъ и лучшіе по-

всюду отбирались въ силу царскаго указа и доставлялись въ Москву на обширный псаренный дворъ, гдѣ, кромѣ медвѣдей, содержались и другіе звѣри, а также и охотничьи собаки. Ученые медвѣди, жившіе постоянно во дворѣ, назывались дворными; другіе были гончіе или «гонные» медвѣди, т. е. пойманные уже взрослыми и не совсѣмъ прирученные [176]), такъ что они составляли нѣчто среднее между дворными и дикими медвѣдями; дикіе медвѣди поставлялись на потѣху прямо изъ лѣса. Медвѣжья потѣха была разнообразна, но вся она распредѣлялась на три статьи: медвѣжья травля, медвѣжій бой и медвѣжья комедія, если правильно будетъ такъ называть медвѣжье представленіе съ поводчиками и съ неизмѣнною спутницею ученыхъ медвѣдей — ряженой козой. Должно полагать, что всѣ эти три статьи входили въ составъ каждаго зрѣлища медвѣжьей потѣхи, которое могло начинаться комедіей, продолжаться травлей и заканчиваться боемъ. Во время медвѣжьей комедіи поводчики забавляли зрителей присказками и приговорками, которыя служили какъ бы текстомъ къ этому медвѣжьему балету и объясняли медвѣжьи дѣйства; старинный ироническій и шутливый умъ русскаго человѣка при этомъ не ходилъ въ карманъ за словомъ и съ беззастѣнчивымъ остроуміемъ выставлялъ на показъ всякія смѣшныя стороны тогдашней жизни. Травля медвѣдей производилась съ помощью собакъ, или же дикихъ медвѣдей, напускавшихся на медвѣдей ученыхъ. Бой съ медвѣдемъ происходилъ такъ: въ кругъ, обнесенный стѣною, ставили человѣка, и на него спускали свирѣпаго медвѣдя; задача бойца заключалась въ томъ, чтобы не пропустить момента, когда всего легче воткнуть медвѣдю въ бокъ рогатину или деревянныя вилы: если боецъ успѣвалъ уловить моментъ, онъ сразу клалъ медвѣдя на мѣстѣ, а нѣтъ — такъ самъ становился жертвой разъяреннаго звѣря и погибалъ на глазахъ зрителей. При удачномъ исходѣ боя съ медвѣдемъ, бойца вели къ царскому погребу, гдѣ онъ въ честь государеву напивался до-пьяна, и, кромѣ того, изъ государевой казны



Выводка собакъ передъ Ловчимъ Московскаго Пути.

обыкновенно ему отпускалось портище (кусокъ) хорошаго сукна на кафтанъ, цѣною въ два рубля.

Это было обычнымъ государевымъ жалованьемъ за такую потѣху въ XVI и XVII вв. Разумѣется, по нашимъ понятіямъ, эта награда не соотвѣтствуетъ подвигу; но должно помнить, что ходить одному на медвѣдя въ то время было обычнымъ, заурядным явленіемъ охотничьей жизни, потому и бой съ медвѣдемъ на дворцовой потѣхѣ цѣнился въ мѣру своей повседневной оцѣнки. Большею частію бойцы принадлежали къ дворцовому же, государеву, чину и состояли при Ловчемъ пути, или при царской охотѣ: это были псовники, конные и пѣшіе псари и собственно охотники, первые люди Ловчаго пути [176]). Хотя подобныя зрѣлища не лишены были по тому времени своего интереса и привлекательности, хотя они находятъ себѣ оправданіе

22

въ условіяхъ и нравахъ эпохи, однако, исторія охоты должна видѣть въ нихъ примѣръ крайняго упадка активной охоты и отсутствія здоровыхъ охотничьихъ инстинктовъ.

Интересное явленіе въ исторіи княжеской и царской охоты XVI и XVII вв. представляетъ охота на зубровъ въ Бѣловѣжской пущѣ, которая нынѣ составляетъ достояніе Россійской Императорской Короны. Пуща, гдѣ происходили королевскія облавныя охоты, была раздѣлена на загоны, и лица, завѣдывавшія пущею, обязаны были назначать для каждаго загона потребное количество облавщиковъ [177]). Охота на зубровъ, въ особенности старыхъ, требовала большой силы, ловкости и проворства. Выбиралось удобное мѣсто между деревьями, не очень толстыми, но могущими закрыть человѣка. Выгнанный собаками зубръ бросался на перваго попавшагося человѣка, а тотъ старался укрыться за деревомъ и при удобномъ случаѣ вонзалъ въ зубра копье. Но это было не такъ-то легко; обыкновенно охотники вначалѣ разбѣгались въ стороны отъ разъяреннаго звѣря, на часъ и болѣе, предоставляя зубру утомиться отъ собственнаго бѣшенства и ярости. Затѣмъ на усталаго звѣря вновь спускали собакъ, которыя задерживали его, и тогда управлявшій охотою приказывалъ дать сигналъ, что онъ готовится убить зубра. Когда сраженный зубръ падалъ на землю, король слѣзалъ съ коня и кинжаломъ снималъ съ зубра шкуру. Послѣ этого зубра потрошили и изъ внутренностей его варили похлебку для собакъ, чѣмъ и заканчивалась охота [178]).

Объ организаціи и служебномъ персоналѣ древней княжеской охоты должно замѣтить, что еще Владиміръ Мономахъ завелъ въ своей охотѣ «ловчій нарядъ», причемъ, по всей вѣроятности, существовалъ, присущій всякой правильной охотѣ, извѣстнаго рода порядокъ, который состоялъ въ распредѣленіи занятій между служащими: конюхами, сокольниками и т. п. Въ Московскомъ государствѣ, при сильномъ развитіи соколиной и псовой охоты, организація ея

распалась на два большихъ отдѣла: Сокольничій путь и Ловчій путь. Въ вѣдѣніи перваго сосредоточены были всѣ дѣла, касающіяся соколиной охоты и многочисленныхъ прислужниковъ ея. Ловчій путь спеціально вѣдалъ дѣла звѣриной охоты и ея служебнаго состава: псарей конныхъ и пѣшихъ, конюховъ, охотниковъ или ловчихъ, которые считались вольными слугами государевыми и подчинены были только завѣдывавшему Ловчимъ путемъ. Сокольничій и ловчій, завѣдывавшіе путями, были самыя высшія лица въ составѣ княжескихъ охотъ, назначались обыкновенно изъ приближенныхъ бояръ и занимали высокое положеніе среди другихъ придворныхъ чиновъ. Сокольничій чиномъ преимуществовалъ передъ ловчимъ, но часто обязанности сокольничаго и ловчаго, какъ мы уже замѣтили выше, возлагались на одно и то же лицо; такъ это было обычнымъ порядкомъ при дворѣ Грознаго, но впослѣдствіи, при Өеодорѣ Іоанновичѣ и Годуновѣ, должности эти окончательно раздѣлились. Должность ловчаго «Пути» впервые учредилъ Василій III, и первымъ ловчимъ былъ Михаилъ Ивановичъ Нагой съ 1509 по 1525 г. Тверскимъ Ловчимъ при этомъ В. К. былъ Иванъ Алексѣевичъ Бобрищевъ-Пушкинъ [170]). Нагого смѣнилъ Давыдъ Григоріевичъ Проѣстовъ, служившій въ ловчихъ съ 1525 по 1534 г.; за нимъ съ 1535 по 1550 г. ловчимъ былъ Өеодоръ Михайловичъ Наумовъ, впослѣдствіи пожалованный въ окольничіи, съ сохраненіемъ званія ловчаго и сокольничаго; съ 1551 по 1562 г. должность сокольничаго отправлялъ его сынъ Иванъ-Жукла Өеодоровичъ Наумовъ; въ 1563 г. въ ловчіе былъ назначенъ и ходилъ въ этой должности до 1567 г. Григорій Дмитріевичъ Ловчиковъ; послѣ его смерти должности сокольничаго и ловчаго вновь сливаются, и съ 1568 по 1574 г. сокольничимъ и ловчимъ былъ Иванъ Ивановичъ Бобрищевъ-Пушкинъ; въ 1574 г. должности эти опять раздѣлены, причемъ сокольничимъ до 1582 г. оставался Бобрищевъ-Пушкинъ, а ловчимъ былъ Иванъ Михайловичъ Пушкинъ; при царѣ Өеодорѣ и Борисѣ Годуновѣ въ ловчихъ ходилъ

22*

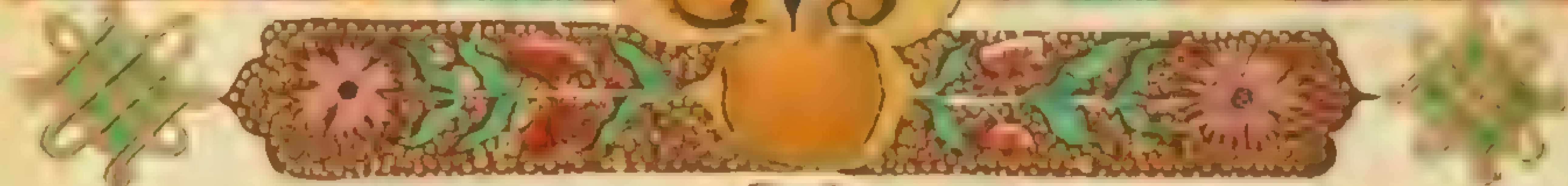
Димитрій Андреевичъ Замыцкій; въ 1600 г. вновь былъ назначенъ отдѣльный сокольничій — Иванъ Алексѣевичъ Жеребцовъ; при самозванцахъ сокольничимъ и ловчимъ былъ Гаврило Григорьевичъ Пушкинъ, съ окладомъ жалованья въ 120 рублей. Ловчій, находившійся при государѣ въ Москвѣ, назывался ловчимъ Московскаго пути, въ отличіе отъ ловчихъ городовыхъ (напр., ловчій Рязанскаго пути), которые завѣдывали промысловою охотою князей на княжескихъ угольяхъ [180]), и были учреждены гораздо ранѣе, какъ увидимъ ниже.











Глава IV.

Правовыя отношенія Великихъ Князей, народа и частныхъ лицъ въ области охоты.

Въ общемъ строѣ древне-русской жизни охота, какъ мы видѣли, имѣла весьма существенное экономическое значеніе. Для князей охота была главнѣйшей статьей дохода, для народа и частныхъ лицъ источникомъ, откуда черпались средства для удовлетворенія жизненныхъ потребностей и нуждъ и для исполненія повинностей, налагаемыхъ государствомъ. Такимъ образомъ, въ области охоты встрѣчались, соприкасались и сталкивались интересы князей, народа и частныхъ лицъ, и уже въ раннюю пору чувствовалась нужда упорядочить возникавшія отсюда взаимныя отношенія, уравновѣсить и регулировать по отношенію къ охотѣ права князей, народа и частныхъ лицъ, а также и цѣлыхъ учрежденій, напримѣръ монастырей.



Въ европейскихъ государствахъ право охоты очень рано становится повсюду исключительнымъ правомъ государства; охота дѣлается государственной регаліей или ради общихъ фискальныхъ интересовъ, или ради частныхъ интересовъ государей и правителей. При регаліи охоты, народъ и частныя лица теряютъ право производства охоты даже на собственныхъ земляхъ, подъ страхомъ тяжкой отвѣтственности и даже смертной казни. На Руси, съ самыхъ древнихъ временъ, охота была свободнымъ промысломъ, доступнымъ для всѣхъ, независимо отъ того, къ какому классу населенія принадлежалъ охотникъ, хотя необходимо замѣтить, что князья, какъ увидимъ при дальнѣйшемъ изложеніи исторіи царской охоты, пользовались по отношенію къ охотѣ особыми правами и преимуществами. По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, у насъ на Руси звѣриная и птичья охота съ древнихъ временъ составляли исключительное право князей и были княжеской регаліей [181]). Но это мнѣніе стоитъ въ рѣшительномъ противорѣчіи со всѣми данными, хотя и скудными, но совершенно ясными для разрѣшенія этого вопроса. Для устраненія этого ошибочнаго мнѣнія достаточно одной ссылки только на «Русскую Правду» (XI в.), гдѣ есть нѣсколько статей, относящихся до охоты, но нѣтъ ни малѣйшаго намека на то, что она составляла исключительное право князей [182]); въ дальнѣйшемъ изложеніи мы встрѣтимъ вѣскіе положительные аргументы въ пользу мнѣнія, что въ древней Руси правомъ охоты пользовалось все населеніе Руси.

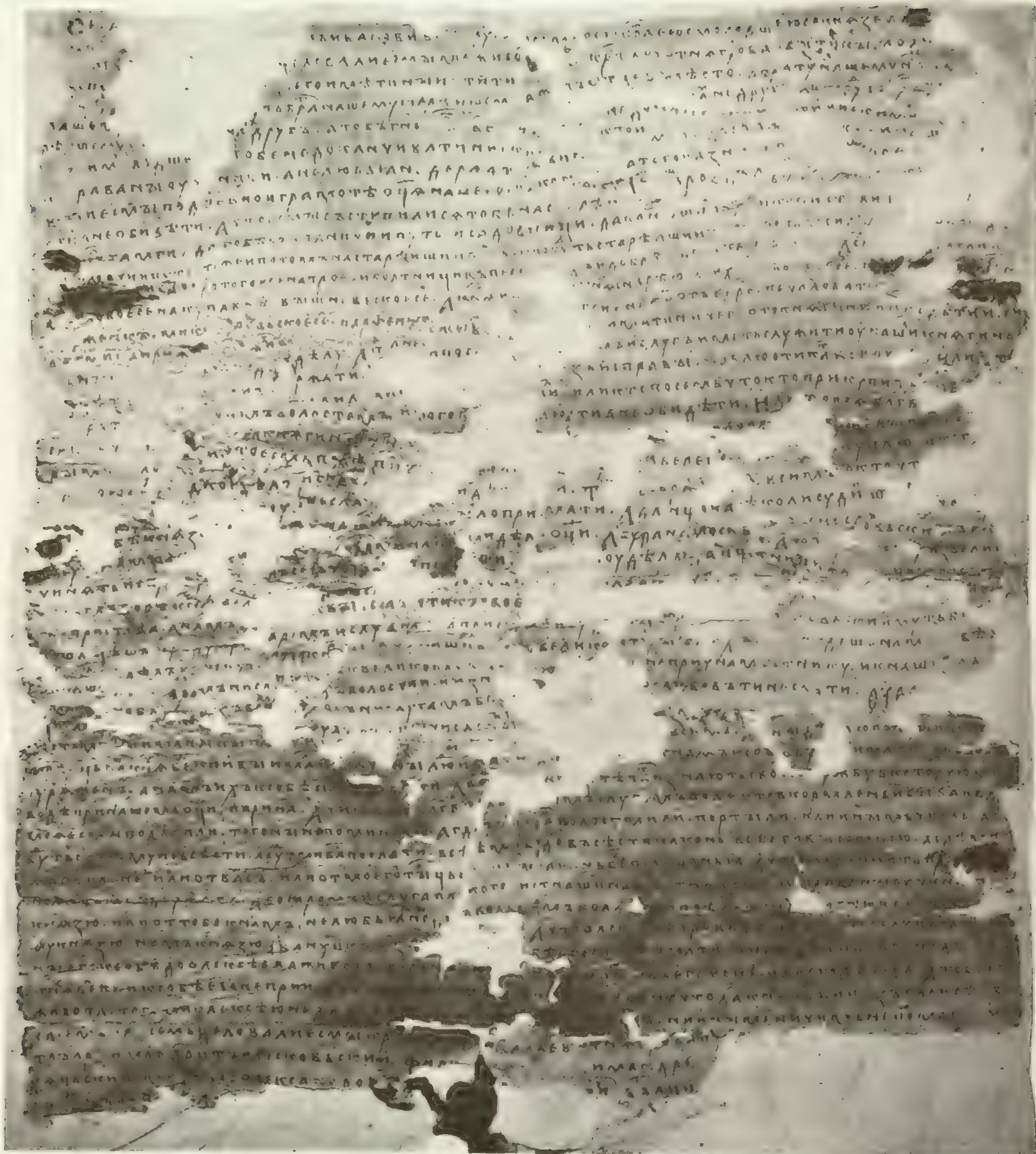
Въ исторіи народовъ право охоты повсюду возникаетъ одновременно съ правомъ поземельной собственности и развивается параллельно съ нимъ. Тамъ, гдѣ право поземельной собственности не установилось еще и не утвердилось въ писанномъ законѣ, охота составляетъ свободный и для всѣхъ доступный промыселъ, съ теченіемъ времени ограничиваемый обычаемъ, который является древнѣйшимъ источникомъ всякаго рода юридическихъ нормъ. По скудости и неясности свѣдѣній, трудно опредѣленно разрѣшить вопросъ о



земельномъ владѣніи въ начальную эпоху древней Руси; но должно полагать, что, вслѣдствіе обширности государственной территоріи и сравнительно рѣдкаго населенія, владѣніе землей въ тѣ времена основывалось на такъ называемомъ «правѣ перваго захватившаго»: владѣльцемъ земельнаго участка становился тотъ, кто первый облюбовалъ и захватилъ его, вложилъ въ него свой трудъ, обработалъ его; оттого-то на Руси границы земельныхъ владѣній обозначались въ древности такой фразой: «куда топоръ, коса, соха ходили». Съ теченіемъ времени возникли и другіе способы пріобрѣтенія земельныхъ владѣній, именно: пожалованіе земли князьями и свободная купля-продажа. Въ границахъ своего земельнаго владѣнія, захваченнаго ли, пожалованнаго ли, или купленнаго, каждый свободно пользовался всѣми естественными выгодами и преимуществами своего участка: ловлями звѣриными и птичьими, бортевымъ (пчеловоднымъ) промысломъ и рыбною ловлею. Таковъ былъ общій принципъ, на основаніи котораго устанавливались права и отношенія въ области охоты въ древней Руси.

Права и преимущества князей въ области охоты вытекали изъ ихъ поземельныхъ правъ и отчасти изъ ихъ исключительно-высокаго положенія. Съ того времени, какъ князья съ оружіемъ въ рукахъ подчиняютъ своей власти различныя славянскія племена, они начинаютъ считать себя собственниками земли, которою владѣли эти племена [184]), а потому, древне-Русскіе князья, не лишая народъ и частныхъ лицъ права производить охоту, сами лично свободно производили охоту по всей территоріи, когда занимались охотою ради утѣхи. Признавая себя собственниками всей русской земли, древне-Русскіе князья считали себя въ правѣ устанавливать такъ называемый «ловчій налогъ». Въ 1289 году Мстиславъ, князь Владимірскій (Волынскій), пріѣхавъ въ Берестье и узнавъ, что берестяне не обложены ловчимъ налогомъ, приказалъ брать съ нихъ, «за ихъ коромолу (непослушаніе)», ловчій налогъ въ такомъ размѣрѣ: съ каждой сотни

по двѣ лукны (кадочки) меду, по двѣ овцы, по пятнадцати десятковъ льну, по сту хлѣбовъ, по пяти цебровъ (Zober—ушатъ) овса, по пяти цебровъ ржи и по 20 куръ — съ сельскихъ жителей, а съ городскихъ по 4 гривны кунъ (около 30 р.) [184]). Этотъ фактъ показываетъ, что ловчій налогъ примѣнялся не вездѣ, такъ какъ берестяне до 1289 года были отъ него освобождены; примѣненный въ данномъ случаѣ, какъ наказаніе за крамолу, ловчій налогъ, очевидно, долженъ былъ напоминать берестянамъ, что они пользуются землею и охотничьими угодьями лишь по милости князя и подъ условіемъ полнаго повиновенія ему; слѣдовательно, въ ловчемъ налогѣ должно видѣть символъ исконныхъ верховныхъ правъ князя на всѣ земли княжества. Но если, по мнѣнію древне-Русскихъ князей, дѣйствительно имъ принадлежали верховныя права на всю территорію, то понятно, что они считали себя въ правѣ отводить въ свое пользованіе лучшія, наиболѣе выгодныя для охоты мѣста по всей территоріи русскаго государства. Такъ это и было. Лѣтописецъ говоритъ, что княгиня Ольга имѣла «ловища по всей землѣ»: «въ лѣто 6455 (947) иде Вольга Новугороду и устави по Мьстѣ повогсты (погосты) и волости и по Лузѣ, оброки и дани; ловища ея суть по всей земли, знамянья (знаки владѣнія) и повогсты и мѣста... и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ» [185]). Это лѣтописное извѣстіе не оставляетъ никакого сомнѣнія, что лучшія охотничьи угодья князья отводили въ свое личное пользованіе, а менѣе выгодныя угодья уступали народу изъ оброка и дани. Точно также и въ завоеванныхъ и вновь присоединенныхъ областяхъ лучшія охотничьи угодья отходили во владѣніе князей. Та же княгиня Ольга, послѣ покоренія древлянъ, захватила для себя лучшія ловища, а остальныя уступила покореннымъ древлянамъ, назначивъ за пользованіе ими «уставы и уроки» [186]); на томъ же основаніи князья считали своею собственностью всѣ свободныя земли, никѣмъ не занятыя (res nullius — въ римскомъ правѣ), со всѣми ихъ угодьями и доходными статьями, и изъ этихъ свободныхъ земель они нерѣдко дѣлали по-



Договорная грамота Московскаго Великаго Князя Семена Ивановича съ братьями его, князьями Иваномъ и Андреемъ, 1341 г.

жалованія монастырямъ и боярамъ, или отдавали ихъ на оброкъ крестьянамъ: при Іоаннѣ Грозномъ, напримѣръ, вологодскіе сокольники Блазновы получили въ оброкъ дикія свободныя мѣста въ Вологодскомъ уѣздѣ, гдѣ водились ловчія птицы [187]). Наконецъ, къ князьямъ же переходили обыкновенно и выморочныя владѣнія, которыя, за прекращеніемъ рода, некому было наслѣдовать, и вотъ фактъ, подтверждающій это: Волокъ Ламскій, представлявшій многія удобства для охоты, находился во владѣніи удѣльныхъ Волоцкихъ князей; но когда умеръ послѣдній князь Волоцкій, Ѳеодоръ Борисовичъ, не оставившій послѣ себя потомства, Волоцкій удѣлъ переходитъ во владѣніе великаго князя Василія Іоанновича, и Волокъ Ламскій съ 1515 года, какъ мы и говорили, становится самымъ любимымъ мѣстомъ для охоты великаго князя [188]).

Благодаря такимъ бытовымъ условіямъ и порядкамъ, Русскіе князья съ самыхъ древнихъ временъ по всей территоріи имѣли свои охотничьи угодья, доставлявшія имъ громадный доходъ. Общее названіе княжескихъ охотничьихъ угодій—«ловища»; ловища раздѣлялись на птичьи и звѣриныя, птичьи иначе назывались «перевѣсищами» по основному способу ловли птицъ перевѣсами; въ западной Руси, гдѣ водилось безчисленное множество бобровъ, такія охотничьи угодья назывались «бобровыми гонами» и «зеремянами», причемъ послѣднимъ словомъ обозначались мѣста поселенія или колоніи бобровъ [189]). Княжескія охотничьи угодья, объединяемыя, въ цѣляхъ управленія, въ отдѣльныя группы, носили названіе путей: въ Московской Руси охотничьихъ путей было два, Сокольничій и Ловчій; первый заключалъ въ себѣ птичьи ловища и ихъ управленіе, а второй ловли звѣриныя и всѣхъ лицъ, служившихъ этому дѣлу. Огромныя выгоды, какія доставляло князьямъ звѣроловство, и съ другой стороны страсть къ охотѣ, придавали въ глазахъ князей большую важность Сокольничему и Ловчему пути, т. е. праву промышлять звѣрями и птицами. Князья чрезвычайно дорожили этими путями и ревниво оберегали

ихъ, какъ самую важную статью дохода. Симеонъ Гордый потребовалъ, напримѣръ, отъ братьевъ, чтобы они уступили ему на старѣйшинство оба эти пути въ станахъ Московскихъ, которые должны были находиться въ общемъ, нераздѣльномъ владѣніи всѣхъ братьевъ-князей [190]); равнымъ образомъ, Димитрій Донской въ своей духовной приказывалъ своимъ сыновьямъ подѣлиться поровну ловчимъ и сокольничьимъ путями [191]).

Здѣсь намъ необходимо отмѣтить нѣкоторыя особенности въ способахъ пользованія и управленія княжескими охотничьими угодьями. Ловчій путь, обозначавшій собою всѣ княжескія охотничьи угодья, разбросанныя въ томъ или другомъ удѣлѣ (напр., «Московскій путь»), дѣлился на станы. Въ каждомъ станѣ заключалось нѣсколько деревень и починковъ, находившихся въ завѣдываніи особаго ловчаго: у Іоанна Грознаго во Владимірскомъ уѣздѣ былъ, напр., Ильмехотскій станъ, въ которомъ состояло 22 деревни и 1 починокъ [192]). Насколько важны и велики были доходы отъ охотничьихъ угодій, можно судить по свидѣтельству Флетчера, который говоритъ, что, за удовлетвореніемъ всѣхъ дворцовыхъ издержекъ и расходовъ на жалованье многочисленному дворцовому штату, отъ этихъ оброчныхъ статей оставался еще громадный излишекъ, въ видѣ шкуръ и мѣховъ, дававшихъ при продажѣ до 230.000 рублей [193]). Въ видахъ обезпеченія себѣ постояннаго и вѣрнаго дохода отъ охотничьихъ угодій, князья Московской Руси поселяли на такихъ мѣстахъ разный промысловый людъ, носившій въ древности общее названіе «дѣлюевъ», дѣловыхъ людей, а по своей спеціальности распадавшійся на ловчихъ, сокольниковъ, псарей, бобровниковъ, ловцовъ оленьихъ, тетеревниковъ, ловцовъ заячьихъ, лебединыхъ и гоголиныхъ. Вмѣстѣ съ коренными жителями селъ, гдѣ были охотничьи угодья, они составляли промышленныя поселенія, подчиненныя дворцовому вѣдомству, но составлявшія личную собственность князей, такъ какъ въ древней Руси не существовало строгаго различія между имуществами государственными и государевыми.

23*

Промысловые охотники, поселенные на княжескихъ угодьяхъ, пользовались княжескими землями и лѣсами изъ оброка; они обязаны были заниматься ловлей звѣрей для князя и поставлять ихъ въ дворцовое вѣдомство. Они причислялись къ вольнымъ слугамъ, и удѣльные князья не имѣли права принимать ихъ къ себѣ на службу. Отъѣздъ такихъ слугъ, соединенный съ прекращеніемъ взятыхъ ими на себя обязанностей, велъ къ лишенію пожалованныхъ земель: «инъ земли лишенъ, поиди прочь» [194]).

Звѣриная ловля на угодьяхъ княжескихъ производилась ими подъ надзоромъ и руководствомъ ловчаго, завѣдывавшаго извѣстнымъ становъ. Городскіе и сельскіе люди, жившіе въ предѣлахъ такого стана, несли особаго рода повинности по отношенію къ княжескимъ охотничьимъ промысламъ и лицамъ, ихъ производившимъ, но, въ соотвѣтствіи съ этимъ, они пользовались также и особыми правами и преимуществами сравнительно съ простыми «черными людьми». Каждый станъ, т. е. группа дворцовыхъ промысловыхъ поселеній, представлялъ изъ себя отдѣльную и самостоятельную административную единицу, изъятую изъ вѣдѣнія общихъ судебныхъ и административныхъ учрежденій, и свободную отъ обыкновенныхъ повинностей и податей, взамѣнъ которыхъ на нее возлагалась спеціальная служба княжескому охотничьему промыслу. Въ то время, какъ «черныя земли» — обыкновенныя села и деревни въ дѣлахъ суда и управленія подчинялись намѣстникамъ и волостелямъ, дворцовыя поселенія при охотничьихъ угодьяхъ, напротивъ, вѣдались уже не волостелемъ, но ловчимъ, который завѣдывалъ становъ. Въ такомъ случаѣ къ ловчему переходили всѣ обязанности и права волостеля, и случалось иногда, что должность волостеля и ловчаго совмѣщалась въ однихъ рукахъ [195]). Должность ловчаго, завѣдывавшаго княжескими угодьями, впервые упоминается около 1455 г. въ княженіе Василія II Темнаго [196]). Въ помощь себѣ по дѣламъ суда и управленія становъ ловчій имѣлъ при себѣ двухъ чиновниковъ, которыхъ назначалъ и смѣнялъ собственною



Великій Князь Дмитрій Ивановичъ Донской,
изъ книги „Титулярника“ Царя Алексѣя Михаиловича.

властью, именно тіуна и доводчика: перваго для разбора судныхъ дѣлъ, а второго для дознанія, слѣдствія и сыска по преступленіямъ, совершавшимся въ районѣ его стана. При судѣ тіунъ замѣнялъ собою ловчаго, какъ его помощникъ, но не составлялъ съ нимъ коллегіальнаго учрежденія: и тіунъ, и доводчикъ лица, вполнѣ подчиненныя ловчему, дѣйствовавшія по его приказу и полномочію [197]).

Для того, чтобы вполнѣ выяснить права и положеніе ловчаго и его чиновниковъ, съ одной стороны, и, съ другой стороны, права и обязанности подчиненныхъ имъ жителей промысловыхъ селеній, мы обратимся къ уставной грамотѣ, данной Іоанномъ Грознымъ бобровникамъ Ильмехотскаго стана, Владимірскаго уѣзда, весьма типичной грамотѣ, въ которой съ большою тщательностью опредѣлены и урегулированы всѣ подробности положенія ловчаго, его чиновниковъ и подчиненныхъ ему бобровниковъ. Бобровники 23-хъ деревень Ильмехотскаго стана, по этой грамотѣ, обязывались «вѣдать Великаго Князя службу—бобровую ловлю: ловить бобровъ по рѣкамъ: Клязьмѣ, Судогдѣ и Колахтѣ, а что добудутъ бобровъ, возить ихъ къ Москвѣ, къ государевой казнѣ, шерстью (т. е. шкурами), а не добудутъ бобровъ давать за бобровъ оброкомъ, съ году на годъ, полтретья ($2\frac{1}{2}$) рубля денегъ», что на теперешній счетъ равнялось приблизительно 12 р. сер. За эту службу Великому Князю, Ильмехотскіе бобровники освобождались изъ вѣдѣнія и суда Владимірскихъ намѣстниковъ и ихъ чиновниковъ: тіуновъ, праведчиковъ, приставовъ и доводчиковъ, и не обязаны были давать имъ кормы и нести всѣ другіе поборы; съ тяглыми людьми бобровники не тянули ни въ какіе проторы и разметы, т. е. освобождались отъ всѣхъ личныхъ повинностей и вещественныхъ податей, обычныхъ для тяглыхъ людей; кромѣ того, освобождались отъ тягостнаго постоя и прокорма проѣзжихъ государевыхъ чиновниковъ: «князья, бояре, воеводы ратные и всякіе ѣздоки (т. е. гонцы) у нихъ не ставятся, ни подводъ, ни проводниковъ, ни кормовъ силою не емлютъ, а кому случится

стать, кормъ себѣ и конямъ у бобровниковъ покупають»; наконецъ, бобровники, при проѣздѣ на бобровую ловлю съ бобровою снастью или съ оброкомъ на Москву, освобождались отъ «мыта», т. е. таможенныхъ сборовъ на внутреннихъ таможняхъ, а когда ѣхали обратно съ Москвы, то не платили мытчикамъ «заднихъ калачей», обычный (но сверхсмѣтный, нужно полагать) поборъ на мыту съ деревенскихъ жителей, возвращавшихся съ Москвы на деревню съ городскими «гостинцами». Таковы были преимущества Ильмехотскихъ бобровниковъ; постоянное сохраненіе за ними всѣхъ этихъ льготъ обезпечивалось очень внушительной припиской въ княжеской грамотѣ: «а черезъ сію мою грамоту кто изобидитъ чѣмъ, быти имъ отъ меня Великаго Князя въ казни». Въ дѣлахъ управленія и суда Ильмехотскіе бобровники подчинялись мѣстному волостелю, который, очевидно, исполнялъ также и обязанности ловчаго и имѣлъ при себѣ тіуна и доводчика, непремѣнныхъ помощниковъ всякаго ловчаго. Содержаніе этихъ трехъ лицъ составляло повинность бобровниковъ и обезпечивалось сборами съ нихъ установленныхъ «кормовъ» и нѣкоторыхъ обычныхъ даней и пошлинами съ судебныхъ дѣлъ между Ильмехотскими бобровниками. Такъ какъ ловчимъ Ильмехотскаго стана былъ Кривандинскій волостель, человѣкъ свой, мѣстный, а не пріѣзжій, то не было основаній, какъ водилось въ другихъ мѣстахъ, давать ему «въѣзжее»: обыкновенно, при пріѣздѣ и вступленіи въ должность, ловчему давалось отъ подчиненныхъ въѣзжее «кто что принесетъ» [198]).

Установленные «кормы» Ильмехотскіе бобровники давали волостелю, тіуну и доводчику три раза въ годъ: на Рождество, на Пасху и на Петровъ день. Въ Рождество волостелю съ каждыхъ 6 деревень доставлялось по 10 хлѣбовъ, по полоти мяса, по мѣху овса и по возу сѣна; тіуну въ половину противъ волостеля, а доводчику одинъ хлѣбъ, часть мяса и зобня (лукошка) овса съ каждыхъ 6 деревень; въ Пасху волостель получалъ по 10 хлѣбовъ и полоти мяса, тіунъ въ половину меньше, а доводчикъ по хлѣбу и части мяса; въ Петровъ

день волостелю полагалось отъ каждыхъ 6 деревень по 10 хлѣбовъ и по барану, тіуну половина того, а доводчику по хлѣбу и сыру. А если волостелю, тіуну и доводчику былъ «нелюбъ» доставленный натурою кормъ, они могли брать за него деньгами по расцѣнкѣ, точно опредѣленной въ княжеской грамотѣ: за каждый хлѣбъ по деньгѣ, за полоть мяса два алтына, за окорокъ (тіуну) алтынъ, за часть мяса (доводчику) деньга, за петровскаго барана два алтына, за сыръ (доводчику) деньга, за возъ сѣна два алтына, за мѣхъ овса восемь денегъ, за зобню овса (доводчику) двѣ деньги. Сверхъ указанныхъ трехъ сроковъ для доставленія ловчему «кормовъ», въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Каменскомъ станѣ Дмитровскаго князя Юрія существовалъ еще и четвертый: по осени ловчій, вмѣстѣ съ тіуномъ и доводчикомъ, получалъ съ каждой деревни новину по осьминѣ ржи и по осьминѣ овса; при этомъ въ Каменскомъ станѣ раскладка по деревнямъ всѣхъ установленныхъ «кормовъ» ловчему производилась пропорціонально съ количествомъ пашенъ и угодій, принадлежавшихъ той или другой деревнѣ. Ильмехотскіе и Каменскіе бобровники, при заключеніи браковъ, давали своимъ ловчимъ обязательный даръ: если бобровникъ отдавалъ дочь замужъ въ другую волость, то платилась «выводная куница по гривнѣ», а если бракъ заключался между людьми своей же волости, то «новоженный убрусъ по алтыну» (т. е. ширинка или полотенце). Но самые большіе доходы ловчіе получали отъ пошлинъ съ судебныхъ дѣлъ, вчинавшихся въ ихъ станѣ. Всякое судебное дѣло, уголовное и гражданское, было обложено опредѣленной въ пользу ловчаго пошлиной, хотя бы оно и кончалось мировой сдѣлкой тяжущихся сторонъ.

Необходимо замѣтить, что въ судебныхъ дѣлахъ компетенція ловчихъ не вездѣ была одинакова. Въ Каменскомъ, напр., станѣ ловчій вѣдалъ всѣ безъ исключенія судебныя дѣла, и ему присвоено было даже право смертной казни въ отношеніи «завѣдомо лихихъ людей»; но, въ видахъ гарантіи населенія отъ возможныхъ злоупо-

Духовная грамота

Великаго Князя Дмитрія Ивановича Донскаго, 1389 г.

требленій ловчаго столь широкими полномочіями, ловчій вершилъ судныя дѣла не иначе, какъ при участіи «дворскаго», т. е. окружного начальника княжескихъ вотчинъ, и «лучшихъ людей», выбранныхъ изъ среды станового населенія. Напротивъ, въ Ильмехотскомъ станѣ ловчій судилъ единолично, самъ или черезъ своего тіуна, но за то изъ его компетенціи было изъято душегубство, подлежавшее суду Владимірскихъ намѣстниковъ.

Судебныя пошлины въ пользу ловчаго и его тіуна взимались въ такихъ размѣрахъ: при гражданскомъ доказанномъ искѣ съ отвѣтчика взыскивалась въ пользу ловчаго и тіуна пошлина въ половинномъ размѣрѣ исковой суммы; если же искъ не былъ доказанъ истцомъ, то взыскивалось съ истца по два алтына съ каждаго рубля исковой суммы въ пользу ловчаго, а въ пользу тіуна по восьми денегъ съ рубля. Судебныя пошлины значительно возрастали, когда тяжущіяся стороны, недовольныя рѣшеніемъ ловчаго, «сводили дѣло къ полю», т. е. рѣшали его посредствомъ поединка въ полѣ. Съ XIII по XVII в. «поле» или судебные поединки практиковались очень часто, именно по искамъ, возникавшимъ изъ преступленій, по дѣламъ о поземельной собственности и по нарушенію договоровъ; тяжущіеся дрались на полѣ мечами или дубинами, и кого на полѣ основательно поколотятъ или даже совсѣмъ убьютъ, тотъ и считался проигравшимъ процессъ и несъ всѣ послѣдствія, соединенныя съ проигрышемъ судебнаго процесса [179]). Такъ какъ судебные поединки не пользовались сочувствіемъ общества и вызывали постоянный противъ себя протестъ со стороны духовенства, то съ дѣлъ, рѣшавшихся «полемъ», взимались усиленныя пошлины, дабы постепенно отвадить тяжущихся отъ такого способа суда. Поэтому, когда тяжущіеся «сводили дѣло къ полю», но рѣшали его мировой сдѣлкой, не начиная самаго поединка, то и съ отвѣтчика, и съ истца взыскивалась въ пользу ловчаго и тіуна пошлина въ половинномъ размѣрѣ исковой суммы; при состоявшемся поединкѣ, побѣжденный долженъ былъ вполнѣ удовлетворить истца

и уплатить ловчему и тіуну пошлину въ полномъ размѣрѣ исковой суммы. По искамъ, возникавшимъ изъ черезполосности владѣній, напримѣръ, если бобровникъ «переоретъ», запашетъ чужую межу, виновный платилъ ловчему или тіуну барана, «а не любъ имъ баранъ, за барана алтынъ». За «самосудъ», когда поймавшій вора съ поличнымъ отпускалъ его на свободу, не заявивъ о томъ ловчему или тіуну, съ уличеннаго взыскивалось два рубля московскихъ, т. е. около 9 рубл. на наши деньги.

Указанными пошлинами и установленными кормами исчерпывались всѣ повинности Ильмехотскихъ и Каменскихъ бобровниковъ по отношенію къ ихъ ловчимъ и тіунамъ. Ловчіе и тіуны не имѣли права на какіе-либо другіе поборы и обязывались «по бобровнымъ деревнямъ не ѣздить, ночлеговъ не чинить, ни подводъ, ни проводниковъ не брать»; кромѣ того, имъ воспрещалось самовольно, безъ зова, приходить на деревенскіе пиры и братчины, когда деревня въ складчину варила пиво и брагу; будучи же приглашены, обязывались не ночевать въ той деревнѣ, гдѣ пили, но въ другой. Что же касается доводчика, то при служебныхъ разъѣздахъ онъ получалъ прогоны по деньгѣ на версту, а по дѣламъ взысканія вдвое, причемъ Ильмехотскій доводчикъ долженъ былъ ѣздить одинъ, безъ паробка, и на одной лошади, а Каменскому доводчику дано было право ѣздить съ паробкомъ и на тройкѣ лошадей; во время остановокъ доводчики не имѣли права пользоваться обѣдомъ и ночлегомъ въ одной и той же деревнѣ, но гдѣ обѣдали, тамъ не ночевали, а гдѣ ночевали, тамъ не обѣдали. Каменскіе бобровники были ограждены также и отъ поборовъ со стороны такъ называемыхъ «попрошатаевъ», вольныхъ ловцовъ, служившихъ при станахъ по найму и не имѣвшихъ земельнаго надѣла [200]); послѣднимъ воспрещалось, подъ страхомъ личнаго княжескаго суда, ѣздить по деревнямъ и «насильно сбирать жито». Наконецъ, ловчимъ строго указывалось не накидывать лишнихъ сроковъ для доставки боброваго оброка; этихъ сроковъ должно было

24*

быть только два: одинъ на Крещенье, другой черезъ недѣлю отъ начала Петровскаго поста [201]).

Изложивъ хозяйственные и административные порядки на охотничьихъ угодьяхъ князей Московской Руси, мы бросимъ теперь бѣглый взглядъ на то, какъ было поставлено это дѣло въ Литовской Руси, чтобы путемъ сравненія лучше выяснить особенности старинно-русскаго охотничьяго хозяйства. Польско-Литовскіе короли занимали на югѣ и западѣ древней Руси территорію, въ высшей степени выгодную и удобную для охоты: здѣсь было много мѣстъ, отвѣчающихъ условіямъ промысловой охоты, и были лѣса, въ родѣ Бѣловѣжской пущи, гдѣ короли вдоволь могли наслаждаться правильной охотой, прекрасно ими организованной. Съ одинаково-большою заботливостью Польско-Литовскіе короли относились и къ своимъ промысловымъ охотничьимъ угодьямъ, и къ мѣстамъ правильной охоты. Мѣста, гдѣ охотились сами короли, считались заповѣдными, и въ нихъ никому охотиться не разрѣшалось; таковы были лѣса за Нѣманомъ къ Мазовецкой и Прусской границѣ [202]) и Бѣловѣжская пуща, т. е. сплошной лѣсъ отъ Бѣловѣжа до Ковна. Послѣдняя находилась въ завѣдываніи особыхъ ревизоровъ, охранялась спеціальными лѣсниками и была раздѣлена на загоны. Ревизоры, вмѣстѣ съ лѣсниками и загонщиками, должны были заблаговременно развѣдывать, сколько примѣрно звѣрей было въ загонѣ, и сколько для нихъ потребуется загонщиковъ. Заранѣе составлялся списокъ загонщикамъ и отдавался приказъ объ ихъ нарядѣ, «дабы не гнать людей изъ далекихъ волостей, когда и безъ того обойтись можно». Загонщиками при королевскихъ охотахъ были какъ тяглые люди, такъ и «осадные», т. е. спеціальные загонщики, состоявшіе на службѣ при королевской охотѣ; послѣдніе за свою службу пользовались «двумя волоками» (земельнымъ надѣломъ) и были свободны отъ чинша, т. е. тягловой службы, и отъ всякихъ податей. Тяглые и осадные люди на время королевской охоты освобождались отъ всякихъ другихъ работъ, а ребятъ и стариковъ на



ловы приказывалось совсѣмъ не брать [203]). Принадлежавшія королямъ охотничьи угодья завѣдывались: въ королевскихъ волостяхъ старостами, а въ пущахъ лѣсными ревизорами. Относительно пущъ, въ которыя по стародавнему обычаю допускались королевскіе и шляхетскіе подданные, ревизоры должны были составлять подробныя вѣдомости всѣмъ, кому входъ въ пущу дозволяется; кромѣ того, они должны были наблюдать, чтобы близъ лазовъ подданные ни скота, ни собакъ не держали, и отнюдь не позволяли бы себѣ охотиться, что влекло за собой смертную казнь [204]). Промысловая охота производилась при помощи тяглыхъ людей, причемъ за свою службу они или получали особое вознагражденіе: напр., при охотѣ на бобровъ пятаго бобра, или «почеревье» (брюшко) отъ каждаго бобра; или же освобождались отъ тягловой службы и взамѣнъ ея несли нѣкоторыя другія повинности; напр., «осочники» (загонщики) въ королевскихъ волостяхъ были свободны отъ тягловой службы, но за то обязаны являться 12 дней въ году на толоку къ королевскимъ волостямъ: три дня пахать паръ, три дня жито косить, три дня жито жать и три дня убирать яровое [205]).

Нѣкоторыя охотничьи угодья короли сдавали подданнымъ въ аренду за высокую цѣну. Въ XV в. бобровые гоны въ Полоцкой области сдавались въ аренду жителямъ области: мѣщанамъ, дворянамъ, городскимъ и волостнымъ людямъ за 200 рублей-грошей, т. е. за 1100 рублей, но, такъ какъ полочане били челомъ королю Александру, что имъ не въ моготу платить столь высокую аренду, то цѣна была сбавлена на половину [206]).

Всѣ другія охотничьи угодья, разбросанныя по всей территоріи Польско-Литовскихъ королей, или принадлежали королевскимъ подданнымъ на правѣ собственности, или же находились въ ихъ пользованіи на оброчныхъ условіяхъ. Въ послѣднемъ случаѣ оброкъ уплачивался звѣриными шкурами, бобровыми и куньими, или же переводился на деньги: за бобра платилось 45 грошей, т. е. около

2 р. 50 коп., а за куницу отъ 6 до 16 грошей, т. е. отъ 30 до 90 коп. [207]); но, сверхъ этого, оброчники несли еще и личныя повинности по производству королевскихъ охотъ: выставляли бобровыхъ охотниковъ съ конемъ и псомъ, ходили на облавы и ловы королевскихъ воеводъ и намѣстниковъ, давали подъ нихъ подводы на охоту, отпускали лѣтомъ сѣно для воеводскихъ сокольниковъ и, наконецъ, чередуясь съ послѣдними, стерегли ловчихъ птицъ [208]). На собственныхъ волокахъ и на оброчныхъ угольяхъ королевскіе подданные охотились совершенно свободно и могли бить волковъ, лисицъ, рысей, россомахъ, бѣлокъ, зайцевъ и всякаго малаго звѣря и всякую птицу, но сернъ и другихъ большихъ звѣрей запрещалось убивать даже и на собственныхъ волокахъ [209]). По стародавнему обычаю, королевскіе воеводы, намѣстники и старосты пользовались правомъ охоты на крестьянскихъ земляхъ, могли брать подводы и людей для своихъ охотъ и получали даже извѣстную долю изъ охотничьихъ добычъ королевскихъ подданныхъ; но многія мѣстности по особымъ королевскимъ уставнымъ и жалованнымъ грамотамъ были изъяты изъ-подъ дѣйствія такого обычая [210]).

Вопросъ о томъ, пользовался ли въ древней Руси правомъ свободной охоты простой народъ, долженъ быть рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Извѣстно, что съ древнихъ временъ русскіе вели обширную торговлю мѣхами съ востокомъ и западомъ, а это возможно было лишь подъ условіемъ свободы и общедоступности охотничьяго промысла для всѣхъ группъ населенія. Но самое вѣское и неотразимое доказательство заключается въ томъ, что русскій народъ съ древнихъ временъ уплачивалъ подати князьямъ, какъ мы видѣли, мѣхами и шкурами звѣрей: когда подать не денежная, а натуральная, то естественно, что она уплачивается тѣми именно продуктами, которые составляютъ результатъ общаго и главнаго народнаго промысла. Не лишенъ при этомъ большого значенія и самый способъ собиранія даней, практиковавшійся древними Рус-

скими князьями. Съ IX по XI вѣкъ (а въ отдѣльныхъ случаяхъ и въ XII, и XIII даже вв.) Русскіе князья собирали дань съ подданныхъ сами лично. Обыкновенно съ ноября по апрѣль, для сбора даней и полатей, они объѣзжали свои волости въ сопровожденіи всей дружины, большого количества войска и многочисленныхъ слугъ. Это называлось «идти въ полюдье», и съ внѣшней стороны скорѣе напоминало военные походы, чѣмъ мирное собираніе даней. Народу при этомъ приходилось не только платить урочную дань мѣхами, но еще и дарить князя и многочисленную свиту тѣми же шкурами и мѣхами [211]), а это было бы совершенно немыслимо, если бы охота въ древней Руси была княжеской регаліей, а не свободнымъ народнымъ промысломъ.

Итакъ, безспорно, въ древней Руси народъ пользовался правомъ охоты, и оно опиралось, какъ всегда и вездѣ, на правахъ поземельнаго владѣнія. Владѣніе землей древней Руси было на правѣ личномъ или общинномъ; такой же характеръ носило и владѣніе всѣми другими угодьями, связанными съ поземельною собственностью, въ томъ числѣ и охотничьими. Какъ пользовались общинники своими охотничьими угодьями, о томъ не сохранилось никакихъ извѣстій; но должно полагать, что на общинныхъ угодьяхъ практиковалась единоличная и коллективная охота: нѣкоторые виды охоты, напримѣръ, облавы, требуютъ большаго числа охотниковъ, другіе виды, какъ, напримѣръ, охота съ перевѣсомъ, могли совершаться единолично; вѣроятно, въ общинныхъ лѣсахъ общинники имѣли каждый по собственному перевѣсу [212]). Народъ не менѣе князей дорожилъ своими угодьями, ревниво оберегалъ и, когда могъ, упорно отстаивалъ свои исконныя права на нихъ. Такъ, новгородцы, какъ мы видѣли выше, благодаря особенностямъ государственнаго устройства ихъ области, прямо договаривались съ своими князьями относительно мѣстъ и сроковъ княжеской охоты на ихъ земляхъ. Въ 1265 году новгородцы заключили договоръ съ княземъ Ярославомъ Ярославичемъ «по

Договорная грамота Великаго Новгорода съ Великимъ Княземъ Ярославомъ Ярославичемъ Тверскимъ, гдѣ и когда можетъ охотиться Великій Князь; 1270 г.

старинѣ», какъ было при его дѣдахъ и отцѣ, и по этому договору Ярославъ обязывался охотиться за кабанами не ближе 60 верстъ отъ города; лѣтомъ ему предоставлялось охотиться за звѣрями на Озвало (мѣстность географически неопредѣленная), но не въ Руссѣ; въ Руссу же онъ могъ отправляться на охоту черезъ двѣ зимы на третью, а въ Ладогу и Княжее (Княгининъ) на третье лѣто [213]). Но Ярославъ договоръ этотъ вскорѣ нарушилъ. Онъ завелъ большую соколиную и псовую охоту и, забывъ о договорѣ, безпечно гонялся за зайцами по полямъ, ему не предоставленнымъ, и билъ утокъ и гоголей по Волхову и инымъ водамъ. Новгородцы были возмущены подобнымъ нарушеніемъ договора. Въ другихъ областяхъ подобныхъ договоровъ съ князьями народу учинять не приходилось; поэтому тамъ князья всегда сохраняли за собой право какъ охотиться на земляхъ крестьянъ, такъ равно и брать для своихъ охотъ нужное количество облавщиковъ изъ деревень [214]). Во время татарскаго ига такими же правами пользовались ханскіе охотники: они производили охоту по всѣмъ лѣсамъ и полямъ, водили съ собой крестьянъ на облавы, брали у нихъ годныя охотничьи орудія, а иногда отнимали даже и самый уловъ охотниковъ-крестьянъ [215]).

Въ древней Руси громадное количество охотничьихъ угодій принадлежало монастырямъ. Русскіе князья изъ побужденій благочестія, столь сроднаго русской душѣ, любили жаловать монастырямъ села и деревни со всѣми ихъ угодьями, лѣсами и пашнями, звѣриными, птичьими и рыбными ловлями и «бортевыми ухожаями» [216]). Подъ охраной княжескихъ жалованныхъ грамотъ монастыри вели крупное сельское хозяйство и въ широкихъ размѣрахъ производили промысловую охоту при помощи крестьянъ своихъ селъ и деревень. Монастырскія охотничьи угодья были недоступны для стороннихъ людей, и княжескіе ловчіе также не имѣли права охотиться въ нихъ; послѣдняя привилегія сохранилась за монастырями даже во время татарскаго владычества. Когда владѣльческія права монастырей нару-

25

шались лицами мѣстной администраціи, монастыри искали защиты и суда у самихъ князей [217]), а при нарушеніяхъ со стороны частныхъ лицъ получали иногда отъ князей помощь въ видѣ посылки къ нимъ ратныхъ людей для поимки и наказанія самовольныхъ охотниковъ [218]). Вообще нужно сказать, что монастыри энергично отстаивали свои владѣльческія права всякій разъ, какъ только имъ угрожалъ произвольный захватъ. Въ XVI в. (въ 1516 г.) Кіевскій Пустынскій Николаевскій монастырь велъ у Кіевскаго воеводы любопытную тяжбу съ Софійскимъ митрополичьимъ намѣстникомъ, Васько Паньковичемъ, изъ-за одного «бобровaго зеремени». Основываясь на «людскихъ рѣчахъ и повѣданьяхъ», Паньковичъ утверждалъ, что пустынскіе старцы самовольно, «не обсылаючись» съ нимъ, спорное «зеремя погонили и бобры побили» и не хотятъ дать для митрополита половину улова, такъ какъ-де это зеремя находится, по мѣстоположенію, въ обоюдномъ владѣніи монастыря и митрополита. Но старцы предъявили воеводѣ жалованныя грамоты, «Господарскіе листы» королей Александра и Сигизмунда II, выставили надежныхъ свидѣтелей «пановъ почестныхъ», и дѣло было рѣшено воеводой въ ихъ пользу [219]).

Были охотничьи угодья и у частныхъ лицъ въ древней Руси. Частныя лица владѣли ими на правѣ полной собственности. Нечего и говорить, что у удѣльныхъ князей были прекрасныя охотничьи угодья, и заведены были собственныя охоты [220]). Бояре и служилые люди пріобрѣтали угодья путемъ княжескихъ пожалованій [221]), или посредствомъ покупки у другихъ лицъ [222]). На собственныхъ угодьяхъ бояре вели не только промысловую, но и правильную охоту, для которой имѣли при себѣ собственный штатъ охотниковъ [223]). При черезполосности боярскихъ охотничьихъ угодій съ великокняжескими, обоюдное пользованіе угодьями регулировалось особыми частными договорами бояръ съ княземъ [224]). Наконецъ, собственныя охотничьи угодья и свои охоты были и у крестьянъ-собственниковъ, называв-

шихся въ древней Руси «своеземцами». Прекрасное подтвержденіе этому мы находимъ въ сказаніи XV в. о крестьянинѣ Лукѣ Колоцкомъ. Лука былъ простой крестьянинъ, жившій въ 15 в. отъ Можайска, на рѣкѣ Колочѣ. Онъ нашелъ въ деревнѣ чудотворную икону Богородицы, понесъ ее въ Можайскъ и Москву, и повсюду ея появленіе сопровождалось чудесами. Отъ приношеній къ иконѣ Лука собралъ себѣ большое богатство, построилъ на Колочѣ большой и красивый дворъ, какъ будто князь какой, вкусно ѣлъ и пилъ, набралъ отроковъ, ѣздилъ на охоту съ соколами и кречетами, держалъ множество псовъ, медвѣдей и утѣшался ими. Удѣльнаго Можайскаго князя Андрея Димитріевича Лука и знать не хотѣлъ, всячески ему «шкодилъ и дерзилъ». Не разъ онъ билъ и грабилъ княжескихъ сокольниковъ, отбиралъ у нихъ соколовъ и кречетовъ; не разъ доставалось отъ него и княжескимъ ловчимъ, у которыхъ онъ отнималъ медвѣдей, пойманныхъ для князя. Но одинъ ловчій за все отомстилъ ему: уступая Лукѣ, по его требованію, медвѣдя, ловчій спустилъ медвѣдя къ Лукѣ на дворъ прежде, чѣмъ Лука успѣлъ уйти въ комнаты, и медвѣдь сильно ободралъ Луку. Къ едва живому Лукѣ тотчасъ же пріѣхалъ Можайскій князь и отечески укорялъ его за озорное житіе, говоря: «по дѣломъ тебѣ такъ и приключилось». Лука раскаялся, просилъ князя распорядиться всѣмъ его богатствомъ на какое-либо дѣло богоугодное, и князь построилъ монастырь Колоцкій, гдѣ Лука постригся и умеръ въ покаяніи [225]).

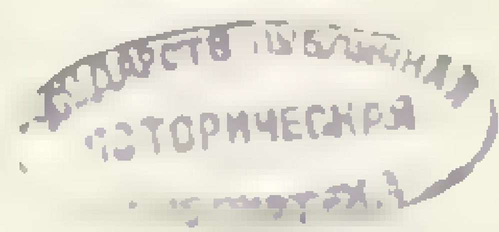
Итакъ, мы видимъ, что въ древней Руси охота была достояніемъ всего народа и составляла важнѣйшій промыселъ, въ которомъ одинаково были заинтересованы всѣ слои населенія. Естественно, что съ самыхъ раннихъ временъ она должна была стоять подъ особой охраной и покровительствомъ закона. Нашъ первый законодательный сборникъ, «Русская Правда», изданіе котораго относится ко времени Ярослава Мудраго, уже предусматривала нарушенія въ области охоты правъ частной собственности въ видѣ намѣренной порчи охотничьихъ

25*

орудій и воровства ловчихъ птицъ, собакъ и самой добычи и опредѣляла матеріальную отвѣтственность виновныхъ въ этомъ слѣдующимъ образомъ: I) за намѣренную порчу чужого перевѣса виновный платилъ 3 гривны кунъ (21 р.) штрафа князю и 1 гривну въ удовлетвореніе потерпѣвшаго [226]); II) за воровство ястреба, сокола, пса, а также за похищеніе улова изъ чужого перевѣса 3 гривны штрафа и гривну владѣльцу; III) за воровство голубя и куропатки по 9 кунъ (2 р. 52 коп.), а гуся, утки, лебедя и журавля по 30 кунъ (8 р. 40 коп.); IV) за воровство племеннаго бобра изъ норы 12 гр. (84 р.) штрафу; V) если въ чьемъ-либо владѣніи будетъ изрыта земля, найдутся сѣти и другіе признаки воровской ловли, то община этой мѣстности должна разыскать виновнаго или уплатить штрафъ въ размѣрѣ 12 гр. [227]).

Въ другихъ, изданныхъ послѣ «Русской Правды», законодательныхъ памятникахъ разсматриваемаго нами періода мы не встрѣчаемъ статей, касающихся охоты. Лишь въ польскихъ законахъ конца XVI в. въ отношеніи охоты слышенъ поздній отголосокъ «Русской Правды» въ слѣдующемъ узаконеніи: «Если кто на охотѣ пойманнаго или гонимаго чужими собаками кабана, оленя или лося присвоитъ себѣ, или стащитъ чужую собаку, тотъ долженъ заплатить противнику 3 гривны штрафа и стоимость собаки, кромѣ того 3 гривны судьѣ» [228]).

Широкое развитіе права охоты и законовъ о ней есть фактъ временъ уже новѣйшихъ, и мы встрѣтимся съ нимъ въ слѣдующихъ частяхъ «Исторіи Царской Охоты».





КОНЕЦЪ

ПЕРВАГО ТОМА.

Н. Самокишъ

Страница 124-я, строчка сверху 7-я — вмѣсто «къ Елизаветѣ Англійской», читать: «къ Маріи и Филиппу Англійскимъ».

Тамъ же, строчка сверху 9-я — вмѣсто «королевѣ», читать: «королевской четѣ».

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Лаврент. спис. лѣтоп., 4.

[2]) Тамъ же, 31.

[3]) Воскрес. лѣт. 263; Карамзинъ. «Ист. Гос. Росс.», т. I, стр. 37.

[4]) Въ 1316 году, во время борьбы Твери съ Москвою, когда Тверской князь Михаилъ Ярославичъ напалъ на союзниковъ Юрія Даниловича, на новгородцевъ, то «поиде къ Новугороду ратью, и увернуся на Ловоти изъ Устьянъ, и заблудися въ озерѣхъ и въ болотѣхъ, и начаша вои его мерети голодомъ, ядяху конину и съ щитовъ кожу сдираючи, а снасть свою всю пожгоша», IV Новгор. Лѣт. 48. См. Струтосовъ — «Охота въ допетровской Руси» въ «Прир. и Охот.», 1881 г., т. II, стр. 31.

[5]) Струтосовъ въ «Пр. и Ох.», 1881 г., т. II, стр. 31—32.

[6]) См. Морева «Очеркъ Коммерческ. географ. и хозяйств. статистики Россіи», СПБ., 1891.

[7]) Акт. Зап. Росс., т. I, № 6; Акт. Археогр. Эксп., т. I, № 15. См. Н. Аристова «Промышленность древней Руси». СПБ., 1866, стр. 58.

[8]) Рукописная книга о градѣ Курскѣ. См. Аристова «Пром. др. Руси», стр. 6, прим. 12.

[9]) Лавр. сп. лѣт., стр. 95 1-го изд. (216 во 2-мъ изд.). См. Струтосова въ «Пр. и Ох.», 1881, ч. II, 32 и Аристова «Пр. др. Руси», стр. 6, прим. 12.

[10]) Ипат. сп. л. 199, изд. 1871. См. Струтосова въ «Пр. и Ох.», 1881, ч. II, 30.

[11]) I Новг. л., 21; Аристовъ, 4, прим. 9.

[12]) «Исторія о вел. княжествѣ Московскомъ». Переводъ Шемякина. Москва, 1867, стр. 43.

[13]) См.: Петрея де-Ерлезунда «Ист. о вел. кн.», Москва, стр. 54.

Герберштейна «Записки о Московіи». Перев. Анонимова. СПБ., 1866, стр. 124.

Джонъ Мильтонъ — въ Чтен. Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс., 1874, кн. 3, стр. 3.

Бумаги Флорентійскаго Центральнаго Архива... Пер. гр. Бутурлина. Москва, 1871, стр. 355.

[14]) «Ист. о вел. кн. Моск.», стр. 54.

[15]) Карамзинъ. «Ист. Гос. Росс.», т. I, прим. 516.

[16]) «Ист. о в. кн. Моск.», стр. 29.

[17]) «Зап. о Моск.» Герберштейна. Пер. Анонимова, стр. 101.

[18]) Воскрес. л. 177.

[19]) «Зап. о Моск.», стр. 103.

[20]) «Конь дикихъ своими руками связалъ есьмъ въ пуштахъ» — говоритъ Мономахъ — «10 и 20 живыхъ конь». Лавр. лѣт. 104.

[21]) См. Аристова «Промышлен. др. Руси», стр. 7.

[22]) «Зап. о Моск.», стр. 166.

[23]) «Бумаги Флор. Архива», стр. 320.

[24]) Акты Зап. Росс., т. I, № 13.

[25]) Дополн. къ Акт. Ист., т. I, № 4.

[26]) «Ист. о в. кн. Моск.», 392.

[27]) Карамзинъ. «Ист. Г. Росс.», т. VIII, 174; Соловьевъ. «Русс. Ист.», т. IV, 99.

[28]) «Сказ. кн. Курбскаго». СПБ., 1868, стр. 14.

[29]) Ключевскій. «Сказанія иностранцевъ о Моск. Гос.»... Москва, 1866, стр. 151.

[30]) Соф. лѣт. II-я, стр. 143; Воскр. 95.

[31]) Лавр. сп. л. 101.

[32]) Ипат. сп. л. 12., изд. 1871.

[33]) Софійск. лѣт. 89.

[34]) Плано Карпини. Собраніе путешествій къ татарамъ и др. восточн. народамъ XIII—XV вв., изд. Языкова. СПБ., 1825, стр. 185.

[35]) Карамзинъ. «Ист. Г. Р.», т. X, 277.

[36]) Изъ рукоп. книги о градѣ Курскѣ: ...«изъ Рыльска и иныхъ градовъ людіе хождаху туда (къ Курску) прибытка ради своего звѣрей ловити». Карамз. «И. Г. Р.», IV, пр. 166. См. выше примѣч. 8.

[37]) IV Новг. л. 73.

[38]) См. Струтосова «Охота въ допетровской Руси». «Прир. и Охота», 1881 г., т. II.

[39]) «Зап. о Московіи». Герберштейнъ.

[40]) Л. Сабанѣевъ. «Соболь и соболиный промыселъ» въ «Природѣ», 1874 г.; есть и отдѣл. изданіе.

[41]) Н. Стромиловъ. «Охота и мѣховой промыселъ въ др. Руси». Журналъ Охоты, 1875, III, 34—36.

[42]) См. Аристова «Пром. древ. Руси», 146—7.

43) Рыбниковъ. «Собр. нар. пѣс.», т. I, 60.

44) Ип. сп. л. 29; Соф. 89; Герберштейнъ; Истахари, Ибн.-Фоцланъ.

45) Памятник. XII в., Москва, 1821, 173 стр. См. у Аристова «Пр. др. Р.», 147.

46) Ип. л. 122

47) Флетчеръ (англичанинъ, бывшій въ Москвѣ въ 1588 г.) утверждаетъ, что названіе «бѣлой лисицы» неправильно присвоено песцу. См. Зап. Историко-Филол. Факульт. СПБ. Унив., ч. 27, стр. 121.

48) Рубруквисъ, посолъ Людовика XI-го, говоритъ объ этомъ.

49) «Московія», стр. 10.

50) Костомаровъ. «Очерк. жизни великорусскаго народа», стр. 120.

51) «Донесеніе о Московіи» Перштейна, стр. 10.

52) Ефимками въ древней Руси назывались нѣмецкіе серебряные талеры — по нѣмецки Joachimsthaler, потому что дѣлались изъ серебра, добывавшагося въ рудникахъ Joachimsthal'я.

53) Собраніе Государственныхъ грам. и договор., Москва, 1813 г., т. I, №№ 8, 10 и 11.

54) «Записки о Московіи», стр. 168.

55) «Зап. о Моск.», стр. 167—8.

56) Забѣлинъ. «Ист. русск. жизни», ч. II, стр. 297.

57) «Записки о Моск.», стр. 166.

58) Бум. фл. арх., стр. 318.

59) Ипат. сп. лѣтоп., изд. 1871, стр. 41.

60) Ипатскій сп. лѣт., изд. 1871, стр. 241.

61) Ипат. сп. лѣт., изд. 1871, стр. 345—6.

62) Карамзинъ. «И. Г. Р.», т. II, пр. 300.

63) Забѣлинъ. «Ист. русск. жизн.», т. II, 382.

64) Струтосовъ. «Прир. и Охота», 1881, т. II, въ статьѣ «Охота въ допетровской Руси».

65) См. В. Григорьева изслѣд. «О достовѣрности ярлыковъ, данныхъ ханами Золотой Орды русскому духовенству». М., 1842, стр. 112—118 и 118—129.

66) См. изсл. проф. В. О. Миллера «О лютомъ звѣрѣ народныхъ пѣсенъ». М., 1866. — На основаніи лингвистическихъ и историческихъ соображеній, проф. Миллеръ утверждаетъ, что «лютымъ звѣремъ» въ древнее время наши предки называли льва, извѣстнаго имъ отчасти по литературнымъ источникамъ (напр., изъ Библіи), отчасти по разсказамъ паломниковъ на востокъ. Въ народныхъ пѣсняхъ древняго

времени лютый звѣрь и волкъ часто фигурируютъ рядомъ, какъ различные звѣри. Впослѣдствіи названіе «лютаго звѣря» было усвоено волку, какъ его эпитетъ.

[67]) Изв. Ак. Наук., т. X, 548. См. у Аристова «Промышл. др. Россіи», стр. 77.

[68]) «Запис. о Моск.», стр. 192—193.

[69]) Карамзинъ. «И. Г. Р.», т. X, стр. 302.

[70]) Въ церковномъ правилѣ митрополита Іоанна Якову Черноризцу 1089 г.

[71]) Въ вопросахъ Кирика епископу Нифонту до 1156 г.

[72]) Рукоп. Румянц. муз. № 380. См. Костомарова «Очерки жизни великорусскаго народа». Современникъ, 1860, т. LXXXVIII, стр. 95,—и въ отд. изданіи. СПБ., 1860, стр. 147.

[73]) Домострой, изд. Яковлева. Одесса, 1887, стр. 15, 21, 58.

[74]) Герберштейнъ. «Зап. о Моск.», 53—5. По церковнымъ правиламъ грекороссійской церкви, духовенству охота воспрещается, какъ занятіе, не соотвѣтствующее высокому значенію пастырей. Въ принципѣ охота не разрѣшается и католическому духовенству, но оно всегда охотилось, прикрываясь декреталіями папы Климента V, которыя дозволяютъ бить зайцевъ и др. звѣрей, когда они вредятъ садамъ, огородамъ и полямъ или домашнему скоту: «quo casu hoc eis permittitur» сказано въ текстѣ декреталій (т. е. въ этихъ случаяхъ охота разрѣшается), поэтому на жаргонѣ католическихъ монаховъ и самая дичь называется quo casu; а чтобы всегда былъ законный предлогъ для охоты, у нихъ въ обычаѣ возносить ежедневно молитву pro pullis et nidis, т. е. объ изобиліи выводковъ и сохраненіи логовищъ. См. у Струтосова въ «Пр. и Ох.», 1881, т. II.

[75]) Аѳанасьевъ. «Поэтич. воззрѣнія Славянъ»... т. 1, стр. 731.

[76]) Новг. л., IV, 73. См. Струтосова въ «Пр. и Ох.», II, 1881.

[77]) См. Н. Сементовскаго «Сказаніе о ловахъ велик. кн. Кіевскихъ», СПБ., 1857 г., стр. 2; Карамзинъ. «Ист. Гос. Росс.», т. I, стр. 149; К. Аксаковъ. «Истор. статьи», стр. 619.

[78]) Лавр. лѣт., стр. 25, изд. 1846.

[79]) Лавр. лѣт., стр. 24, изд 1846.

[80]) Ипат. лѣт., стр. 41, изд. 1871 г.; Лавр., стр. 56, изд. 1872 (27 стр. въ изд. 1846 г.).

[81]) «Въ лѣто 6483 (975). Ловы дѣющу Свѣньгельдичю, именемъ Лютъ, исшедъ бо изъ Киева гна по звѣри въ лѣсѣ; узрѣ и Олегъ и рече: «кто се есть»? И рекоша ему: «Свѣнгельдичъ», и заѣхавъ уби и, бѣ бо ловы дѣя Олегъ. И о томъ бысть межи има ненависть Ярополку на Олега, и молвяше всегда Ярополку Свѣнгельдъ:

«пойди на брата своего и приимеши власть единъ его, хотя отмьстити сыну своему». Ипат. спис. лѣтоп., изд. 1871, стр. 49; Соловьевъ. «Ист. Росс.», т. I, изд. 1874, стр. 150—151; Н. Сементовскій. «Сказ. о лов. в. кн. Кіев.», стр. 2—3.

[82]) Н. Сементовскій. «Сказ. о лов. в. кн. Кіев.», стр. 3; К. Аксаковъ. «Истор. статьи», стр. 356, 361, 364, 365, 368, 374 и 377.

[83]) Ипатьевск. спис. лѣтоп., изд. 1871 г., стр. 53.

[84]) Лавр. спис. лѣт., стр. 65, изд 1846 г.

[85]) Карамзинъ. «Ист. Госуд. Росс.», т. II, стр. 11.

[86]) Ипат. лѣт., стр. 106, изд. 1871.

[87]) Какъ это дѣлаетъ Н. Сементовскій въ «Сказ. о лов. в. кн. Кіев.», стр. 5.

[88]) Ипат., изд. 1871 г., 150 стр.; Лаврент., изд. 1872 г., 207 стр.; въ I Софійской опредѣленно указано, что Всеволодъ охотился за Вышгородомъ на зайцевъ, стр. 149, въ Полн. Собр. Лѣт. 1846 г. Въ Лавр. лѣтописи это событіе отмѣчено подъ 6599 (1091) г.

[89]) Соловьевъ. «Ист. Росс.», изд. 1856, II, 88.

[90]) См. «Духовную» Мономаха въ Лавр. лѣт., стр. 100—109, изд. 1846, въ Полн. Собр. Лѣт.

Знаменательное, къ счастію дошедшее до насъ, поученіе этого князя къ дѣтямъ является драгоцѣннымъ матеріаломъ для разбираемаго нами вопроса.

«Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ ни чюжимъ, ни въ селѣхъ ни въ житѣхъ (домахъ), да не кляти васъ начнутъ... Лѣность бо всему мати, еже умѣетъ, то забудеть, а его же не умѣеть, а тому ся не учитъ (что знаешь, то забудешь, а чего не знаешь, тому не научишься); добрѣ же творяще, не мозите ся лѣнити ни на что же доброе. Первое къ церкви: да не застанетъ васъ солнце на постели тако бо отецъ мой дѣяшеть (дѣлалъ) блаженный и вси добріи мужи совершеніи; заутренюю отдавше Богови хвалу, и потомъ солнцю въсходящю, и узрѣвше солнце, и прославити Бога съ радостью и рече: Просвѣти очи мои Христе Боже, и далъ ми еси свѣтъ твой красный; а еще Господи, приложи ми лѣто къ лѣту, дапрокъ грѣховъ своихъ покаявъся, оправди въ животъ, тако похвалю Бога и сѣдше думати съ дружиною, или люди оправливати (судить. Соловьевъ, т. II, стр. 40) или на ловъ ѣхати, или поѣздиши, или лечи спати: спанье есть отъ Бога присужено полудне, отъ чина, бо почеваетъ и звѣрь и птица и человѣци. А се вы повѣдаю, дѣти моя, трудъ свой, о же ся есмь тружалъ пути дѣя и ловы 13 лѣтъ... А се труждахося ловы дѣя: понеже сѣдохъ въ Черниговѣ, а изъ Чернигова вышедъ и до... (истлѣвшее мѣсто) лѣта по сту

26*

уганивалъ и имъ даромъ, всею силою, кромѣ иного лова, кромѣ Турова, иже со отцемъ ловилъ есмь всякъ звѣрь. А се въ Черниговѣ дѣялъ есмь: конь дикихъ своима рукама связалъ есмь, въ пушахъ 10 и 20 живыхъ конь, а кромѣ того иже по рови (можетъ быть собственное имя) ѣздя ималъ есмь своима рукама тѣ же кони дикіѣ. Тура мя 2 (раза) метала на розѣхъ и съ конемъ, олень мя одинъ болъ (бодалъ), а 2 лоси, одинъ ногама топталъ, и другый рогома болъ. Вепрь ми на бедрѣ мечь отялъ (оторвалъ), медвѣдь ми у колѣна подъклада (потникъ подъ сѣдломъ. Буслаевъ) укусилъ, лютый звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедры, и конь со мною поверже: и Богъ невреженa мя съблюде. И съ коня много падахъ, голову си розбихъ дважды, и руцѣ и нози свои вередихъ (повреждалъ) въ уности (юности) своей вередихъ, не блюда живота своего, ни щадя головы своея. Еже было (что слѣдовало) творити отроку моему, то самъ есмь створилъ дѣла, на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая собѣ упокоя. На посадники не зря, ни на биричи, (глашатай, объявляющій на улицахъ и по площадямъ постановленія правительства; иногда полицейскій служитель. Даль. Словарь), самъ творилъ что было надобѣ, весь нарядъ и въ дому своемъ, то я творилъ есмь: и въ ловчихъ ловчій нарядъ самъ есмь держалъ, и въ конюсѣхъ, и о соколѣхъ и о ястребѣхъ.... Смерти бося, дѣти, не боячи (не бойтесь), ни рати, ни отъ звѣри, но мужьское дѣло творити, како Вы Богъ подастъ. Оже бо язъ отъ рати, и отъ звѣри и отъ воды, отъ коня спадаяся, то никто же васъ не можетъ вредитися и убити, понеже (если) не будетъ отъ Бога повелѣно; а иже отъ Бога будетъ смерть, то ни отецъ ни мати, ни братья не могутъ отъяти.... Се же хощю сказати, яже слышахъ преже сихъ 4 лѣтъ, яже сказа ми Горютя Роговичь Новгородецъ, глаголя сице: яко послахъ отрокъ свой на Печеру, люди, яже суть дань дающе Новугороду» (Лаврентьевская лѣтоп., стр. 100—109).

91) Сементовскій. «Сказ. о лов. в. кн. Кіевскихъ», стр. 15; Забѣлинъ. «Ист. русск. жизни», т. II, 103.

92) Ипат. лѣт., стр. 122 (въ Полн. Собр. Лѣт. 1846) и у Карамзина «Ист. Гос. Росс.», т. III, 61 стр.

93) Ипат. лѣт., 139 (въ Полн. Собр. Лѣт.)

94) Ипат. спис. лѣт., 133 въ П. С. Л. 1846.

95) Н. Сементовскій. «Сказ. о лов. в. кн. Кіевскихъ», стр. 17.

96) Ипат. лѣт., 550, изд. 1871.

97) Ипат. сп. л., 196 въ П. С. Л. 1846.

98) Ипат. л., 596, изд. 1871.

99) Никоновск. лѣт , стр. 159; I Новгор. л.,7—въ П. С. Л.

[100]) Никон. л., 148; I Новг., 61; I Софійск., 186; Воскресенск. л., 169—въ П. С. Лѣт.

[101]) Собр. грам. и дог., ч. I, стр. 2—3.

[102]) Освободивъ въ 1515 году изъ-подъ стражи бывшаго Казанскаго царя Лешифа и, желая показать ему свою особенную милость, великій князь позволилъ Лешифу ѣздить на охоту (Карамзинъ. «Ист. Гос. Росс.», т. VII, стр. 81).

По свидѣтельству Герберштейна, государь города Кошира, стоявшаго на берегу Оки, на шесть миль выше Коломны, былъ приглашенъ Василіемъ III на охоту, гдѣ его и отравили, вслѣдствіе доноса о злоумышленіи на жизнь великаго князя (Записки о Московіи, стр. 104).

[103]) Считаемъ не лишнимъ позаимствовать у историка Карамзина нѣсколько словъ, характеризующихъ личность Василія III-го: «Василій Іоанновичъ, какъ говорили тогда, судилъ и рядилъ землю всякое утро до самаго обѣда, послѣ коего уже не занимался дѣлами; любилъ сельскую тишину, живалъ лѣтомъ въ Островѣ, Воробьевѣ или Москвѣ на Воронцевѣ полѣ до самой осени; часто ѣздилъ по другимъ городамъ и на псовую охоту въ Можайскъ и Волокъ Ламскій; но и тамъ не забывалъ Государства: трудился съ думными боярами и дьяками; иногда принималъ пословъ иноземныхъ. Въ 1519 году въ Маѣ онъ выѣхалъ изъ Москвы къ Николѣ на Угрѣшу, оттуда въ Островъ, гдѣ жилъ до Петровокъ, а потомъ все лѣто провелъ въ Воронцовѣ» («Ист. Госуд. Росс.» съ древ. врем., т. V, стр. 409).

[104]) II Софійск. л., 267; Карамзинъ. «И. Г. Р.», т. VII, 181—184; Соловьевъ. «Ист. Росс.», т. V, 396; Герберштейнъ. «Зап. о Моск.», 195—198.

Приводимъ подлинныя слова лѣтописца о кончинѣ Василія Іоанновича:

«Въ лѣто 7042 (1533 г.) Сентября, и поѣде князь велики Василей Ивановичъ всея Руси и съ своею съ великою княгинею Еленою и дѣтми, со княземъ Иваномъ и со княземъ Юрьемъ Васильевичи, къ Живоначальной Троицы и къ Преподобному чюдотворцу Сергію, на память (въ день) чюдотворца Сергія: и туто князь велики молился и праздновалъ чюдотворцову память и молебная совершивъ. И отъ троицы поѣде съ великою княгинею и съ дѣтьми въ свою отчину на Волокъ на Ламскый тѣшитися, а ѣхалъ на свое село на Озерецкое и ту начатъ немощи (заболѣлъ): и явися у него мала болячка на лѣвой странѣ на стегнѣ (верхняя часть ноги, бедро, ляшка. Даль. Словарь—на згибѣ) съ булавочную голову, веръху же у нея нѣсть, ни гною въ ней нѣсть же, а сама багрова. И отъ толѣ пріѣде въ Троецкое село Нахабну, изъ Нахабны прѣденужно, (съ трудомъ) обдержимъ болезнею, въ Покровское Фуниково; и ту празновалъ Покрову Пречистыя Богородицы, и отъ туда поѣде

въ свое село Покровское и пребысть ту два дни, въ третій же день пріѣде на Волокъ, нужно въ недѣлю послѣ Покрова. И того же дни бысть пиръ на Великого Князя у дворецкаго его Тверскаго у Ивана у Юрьевича у Шигоны Поджогина. На утрія же, въ понедѣльникъ, князь вилики великою нужею дойде до мылни; и за столомъ сѣдѣ въ постельныхъ хоромѣхъ нужею. На утрея же того, во вторникъ, бысть погодіе велико (хорошее) тѣшитися Государю, и посла по ловчихъ своихъ по Ѳеодора по Михайлова сына Нагова, да по Бориса по Васильева сына Дятлова, да по Бобрища по Пушкина, и неунявся хотя тѣшитися, и поѣде въ свое село въ Колпь, болезнью обдержимъ скорбяше; до села же того ѣдучи мало бысть потѣхи. Въ Колпь же пріѣхавъ и сѣдяше за столомъ и нужею, и посла по брата своего по князя Андрея Ивановича на потѣху къ собѣ; князь же Андрей пріѣха къ нему вскорѣ. Тогда же князь велики великою нужею выѣха со княземъ Андреемъ Ивановичемъ на поле съ собаками, и поѣздиша мало, токмо двѣ версты отъ села и возвратишася въ Колпь: и сѣдящимъ за столомъ съ братомъ своимъ со княземъ Андреемъ Ивановичемъ, изнемогающи; и отъ толѣ стола у него не бысть, но вкушающи мало на постелѣ. И нача къ болѣзни своей призывати князя Михайла Львовича Глинскаго; а къ Москвѣ посла воскорѣ подохторовъ своихъ, по Миколая по Булева да по Фефила.....» (Софійская II, стр. 267).

[105]) Карамзинъ. «Ист. Гос. Росс.», т. VIII, 87—97; т. IX, 3, 100 и 188. Примѣч. къ IX т., 31.

Соловьевъ. «Ист. Р.», т. VI, 449—450; т. VII, стр. 7.

Петрей де-Ерлезундъ. Ист. о велик. княж. Московскомъ, 151, 163.

Горсей. «Зап. о Моск.» въ «Библ. для Чт.», 1865, Февр., 44—45.

Псковская лѣтоп. 319 (въ П. С. Л.).

[106]) Акт. Ист., Доп. I, 119, 196, 205, 207, 208, 210.

Горсей въ «Библіотекѣ для Чтенія», 1865, Март., стр. 17.

Флетчеръ въ изсл. Середонина, 151—152.

Варкача въ «Чт. Общ. Ист. и Др.», 1874, IV, 19.

[107]) Горсей въ «Биб. для Чт.», 1865, Март., 16.

[108]) Объ охотѣ въ Польшѣ см. «Газет. Лѣсоводства и Охот.», 1859.

[109]) Карамзинъ. «Ист. Гос. Росс.», т. IV, прилож., стр. 54. Улучшеніе и преобразованіе царской охоты по образцу охоты Польскихъ королей во времена Лжедимитрія было тѣмъ болѣе возможно, что онъ находился подъ обаяніемъ польскихъ нравовъ.

[110]) Карамзинъ. «И. Г. Р.», т. XI, 249 и примѣч. 394.

Соловьевъ. «Ист. Росс.», т. VIII, 125.

Трачевскій. «Русск. Ист.», 1885, стр. 200.

Петрей де-Ерлезундъ. «Истор. о вел. княж. Москов.», 209—210.

[111]) Соловьевъ. «Ист. Р.», т. VIII, 70, 77.

Костомаровъ. «Ист. въ жизнеописаніяхъ», ч. I, 752.

[112]) Ипат. лѣт. 142; Пол. соб. Русс. лѣт.

[113]) Софійск. II лѣт., 332; Карамзинъ. «И. Г. Р.», т. VI, 99 и 276 и т. VII, 24; Соловьевъ. «Ист. Р.», т. V, 109.

[114]) Соловьевъ. «Ист. Р.», т. V, 379.

[115]) Соловьевъ. «Ист. Р.», т. VI, 129.

[116]) Карамзинъ. «И. Г. Р.», т. XI, прим. 7.

[117]) Карамзимъ. «И. Г. Р.», т. VII, 165.

[118]) Акт. Зап. Росс., т. I, 71.

[119]) Соловьевъ. «Ист. Росс.», т. V, 134.

[120]) Акты Зап. Росс., т. I, 317—318, 325, 334—335.

[121]) Карамзинъ. «И. Г. Р.», т. VI, 225; Соловьевъ. «Ист. Р.», т. V, 189.

[122]) Мильтонъ. «Московія», 34; Карамзинъ. «И. Г. Р.», т. VIII, прим. 35.

[123]) Соловьевъ. «Ист. Р.», т. VII, 304.

[124]) Описаніе путешествія Варкача въ «Чт. Общ. Истор. и Древн. Росс.», 1874, IV, 19.

[125]) Соловьевъ. «Ист. Р.», т. VII, 165.

[126]) Соловьевъ. Т. VIII, 33; Карамзинъ. Т. XI, 43.

[127]) Ипат. л. 224 въ П. С. Р. Л.

[128]) Максимовъ. «Годъ на Сѣверѣ», ч. II, 348.

Забѣлинъ. «Ист. Р. Жизни», ч. I, 563.

[129]) Акты Юридич., № 48, изд. 1838.

[130]) «Прир. и Охота», 1892, VI, стр. 1—32, ст. «Весновка» — изъ воспом. о жизни въ Тобол. губерн.

[131]) Акты Зап. Россіи, т. I, 70 стр. и т. III, 112.

[132]) «Природа» (сборникъ ест. ист., въ статьѣ Сабанѣева о соболѣ), 1874, II, 240—242.

[133]) «Раскопки въ странѣ Древлянъ», В. Б. Антоновича, проф. Унив. Св. Владиміра, въ «Матеріалахъ по Археол. Россіи», изд. Археол. Коммиссіей. СПБ., 1893, стр. 13.

[134]) «Раскопки великокняжескаго двора древняго града Кіева, произведенныя весною 1892 года». І. А. Хойновскаго. Кіевъ, 1893, стр. 22, 38, 39, 40 и 41.

[135]) Лавр. л. 28; Ипат. 56, 162, 170 въ П. С. Р. Л. Ср. Аристова «Промышл. др. Руси», стр. 43.

[136]) См. у Стромилова въ «Журн. Охоты», 1875, III, № 3, стр. 37.

[137]) «Записки о Московіи», стр. 198.

[138]) Маржеретъ. «Состояніе Россійской державы въ началѣ XVII в.». Пер. съ франц. СПБ., 1830, стр. 42.

[139]) Собран. Гос. Грам. и догов, т. I, 36.

[140]) Тамъ же, стр. 58.

[141]) II Новгор. л., 142, въ П. С. Р. Л.

[142]) Петрей де-Ерлезундъ. «Исторія о вел. кн. Моск.», 36.

[143]) «Записки о Московіи», 198.

[144]) Въ запискахъ Котошихина, писателя XVII в., есть указаніе, что для ловли соколовъ и кречетовъ употреблялись голуби. См. у гр. Толстого въ его «Исторіи финансовыхъ учрежденій въ Россіи». СПБ., 1846.

[145]) См. «Охота въ Царствѣ Польскомъ до XIV в. и съ XIV до XVIII в.», въ «Газетѣ Лѣсоводства и Охоты» за 1859 г.

[146]) Герберштейнъ, 198 стр

[147]) Костомаровъ. «Очерки жизни великор. народа», 148 стр.

[148]) «A large and fair white Ierſawcon .. together with a drumme of ſiluer, the hoops gilt, used for a lure to call the sayd Hawke». См. Hakluyt's Collection of the early voyages, travels and discoveries of the English nation. New edition. London, vol. I, 1809, p. 323.

[149]) Въ «Задонщинѣ», памятникѣ XV вѣка, есть слѣдующее указаніе относительно привязыванія соколамъ колокольчиковъ: «досюда есмя были, братіе, никуда не изобижены, ни соколу, ни ястребу, ни бѣлому кречету, ни тому псу поганому Мамаю. Тогда же соколи и кречати и бѣлозерскіе ястреби отъ златыхъ колодицъ изъ камяна града Москвы возлетѣша подъ синія небеса позвонять своими позлащенными колокольци». Цитировано по Аристову, «Пром. др. Руси».

[150]) Гр. Д. Толстой. «Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи». СПБ., 1846.

[151]) См. Грам. в. кн. Андрея Александровича въ Акт. Арх. Эксп., т. I, стр. 1.

[152]) См. Грам. Іоанна Грознаго въ Акт. Ист., т. I, 539 и 547 стр.

[153]) См. Грам. Іоанна Даниловича въ Акт. Арх. Эксп., т. I, стр. 1—2; Грам. Василія Іоанновича, тамъ же, стр. 119; Грамота Ѳеодора Іоанновича, напечат. въ «Архангельскихъ Губ. Вѣдомостяхъ», 1853 г., № 40.

[154]) О помытчикахъ свѣдѣнія заимствованы изъ Акт. Археограф. Эксп., т. I, стр. 1, 2, 119, 122; Акт. Ист., т. I, стр. 539 и 547; Арх. Губ. Вѣдом., 1853 г., № 40.

[155]) Именно 6 rubligroszy, но I rubelgrosz 120 zlotych, а I zloty (въ XIV в.) 45 к. с.; слѣд., 6 × 120 × 45 к. — 334 р. См. «Газету Лѣсовод. и Охоты», 1859, стр. 149—151. Въ 1324 г. въ Италіи соколъ цѣнился въ 133 фр. 32 с. См. у Аристова, прим. 859.

[156]) «Собр. Грам. и Дог.», т. I, стр. 322.

[157]) См. брошюр. протоіер. I. Приклонскаго «О Московской Трифоновской, что въ Напрудной Слободѣ, церкви». М., 1884, стр. 11—12.

[158]) Памятники Дипл. Снош. т. I, стр. 123, сооб. Н. П. Лихачевъ.

[159]) «Ист. Гос. Росс.», т. VII, 204. Карамзинъ.

[160]) Въ 1159 г. Святославъ Черниговскій жаловался, что въ семи опустошенныхъ Половцами городахъ остались только «псареве да Половци». См. Ипат. л. 84 въ П. С. Р. Л.

[161]) «Собр. Гос. Грам. и Дог.», т. I, № 123.

[162]) См. у Стромилова въ «Журн. Охоты», 1875, т. III, № 3, стр. 36.

[163]) «Записки о Моск.», 196.

[164]) Замысловскій, Герберштейнъ и его «Историко-геогр. извѣстія о Россіи», СПБ., 1884, стр. 286.

[165]) См. «Журн. Лѣс. и Ох.», 1859, стр. 150.

[166]) Тамъ же.

[167]) См. у Карамзина «Ист. Г. Р.», томъ IV, стр. 210, выдержки изъ сочин. Абульгази «Histoire des tartares».

[168]) Карамзинъ. «И. Г. Р.», т. IV, 203.

[169]) См. у Карамзина въ «И. Г. Р.», т. V, 163 и у Плано Карпини въ «Собраніи путешествій къ татарамъ», СПБ., 1825, стр. 121.

[170]) I Соф. л., 149 въ П. С. Р. Л.

[171]) Акт. Зап. Росс., т. II, стр. 196. Названіе произошло отъ стариннаго глагола сочить-искать. См. въ слов. Даля и въ «Матер. для др. русск. яз.» Грота; о подвываніи см. Лавр. лѣтоп., стр. 115.

[172]) Напр., «заутра поѣха Мстиславъ изъ Суждаля борзо якоже и на заяцъ». Лавр. л. 159 въ П. С. Р. Л.

[173]) Герберштейнъ. «Зап. о Моск.», 198.

[174]) Въ перепискѣ съ Курбскимъ Грозный, между прочимъ, употребилъ такое бытовое охотничье сравненіе: «заецъ потреба множества псомъ, на враги же множество вои» (войска). См. Сказанія кн. Курбскаго, СПБ., 1868, стр. 157.

Еще характернѣе одна фраза въ письмѣ Грознаго къ Василію Грязному, попавшему въ плѣнъ къ крымскимъ татарамъ; упрекая Грязного, что онъ позволилъ себя захватить въ плѣнъ, Грозный пишетъ: «ты думалъ что въ объѣздъ пріѣхалъ съ собаками за зайцами, но крымцы самого тебя въ торокъ завязали». См. у Соловьева «Ист. Росс.», т. VII, 193 и у Забѣлина «Дом. бытъ русскихъ царицъ», стр. 420.

[175]) Названіе, вѣроятно, произошло отъ слова гонъ, которымъ обозначалось мѣсто внутри тенетъ.

[176]) Акты Истор., Дополн., т. I, стр. 196, 198, 208 и др. Герберштейнъ. «Зап. о Моск.», 199.

Середонинъ. «Джильзъ Флетчеръ», въ зап. Ист. филолог. фак. СПБ. Унив., ч. XXVIII, стр. 151—152.

Забѣлинъ. «Домашній бытъ русскихъ царицъ», Москва, 1872, стр. 462, 464, 465, 467, 468.

Костомаровъ. «Очерки жизни велико-русс. народа», СПБ., 1860, стр. 146—147.

[177]) См. Акт. Зап. Росс., т. III, стр. 86.

[178]) См. у Герберштейна въ «Записк. о Моск.», стр. 167 и въ «Бумагахъ Флор. Архив.», ч. II, стр. 318.

[179]) См. барх. кн., т. I, стр. 326, сооб. Н. П. Лихачевъ.

[180]) См. Древн. Россійск. Вивліоѳик., т. XX.

[181]) Графъ Д. Толстой въ «Исторіи финансовыхъ учрежденій Россіи съ древнѣйшихъ временъ»... СПБ., 1846, стр. 209.

[182]) Проф. В. Сергѣевичъ въ «Лекціяхъ по исторіи русскаго права», СПБ., 1886—88, стр. 619.

[183]) Сениговъ.

[184]) Ипат. л., 224 въ П. С. Р. Л.

[185]) Лавр. л., 25 въ П. С. Р. Л.

[186]) Лавр. л., 25 въ П. С. Р. Л.

[187]) Акты Ист., т. I, 547.

[188]) Соловьевъ. «Ист. Росс.», т. V, 409.

[189]) Бобровые гоны чрезвычайно часто упоминаются въ жалованныхъ грамотахъ, относящихся до исторіи Южной и Западной Россіи. См. Акты Ю. и Зап. Росс., том. I, стр. 11, 13, 14, 17, 18, 19, 20, 28, 29, 34, 37, 40, 42, 43, 45, 47, 58, 61, 118, 123, 173, 224, 237, 297; «Собр. Гос. Грам. и Догов.», т. I, стр. 529; Акты Западн. Россіи, т. I, 67, 68, 154, 178, 185, 186, 192, 196, 200, 202, 353, 365 и 368 стр.; т. II, 7, 12, 31, 41, 42, 85, 101, 123, 130, 135,

146, 167 и 216 стр.; т. III, 153, 158, 216 и 247 стр.; т. IV, стр. 10. Подобнаго рода упоминанія встрѣчаются также во многихъ рукописныхъ писцовыхъ книгахъ Московскаго государства.

[190]) Собр. Гос. Гр. и Дог., т. I, стр. 36; Соловьевъ. «Ист. Россіи», т. IV, стр. 185.

[191]) Собр. Гос. Гр. и Дог., т. I, стр. 58.

[192]) Акты Арх. Эксп., т. I, стр. 155—156.

[193]) Середонинъ. «Дж. Флетчеръ», стр. 318—319.

[194]) Собр. Гр. и Дог., т. I, стр. 74.

[195]) Акт. Арх. Эксп., т. I, 155—156 стр.

[196]) Акты Арх. Эксп., т. I, № 56.

[197]) Проф. Сергѣевичъ въ «Лекц. по ист. р. права 1886—88», СПБ., стр. 554.

[198]) Грамота Дмитровскаго князя Юрія бобровникамъ Каменскаго стана въ Акт. Арх. Эксп., т. I, стр. 120—122.

[199]) См. у проф. Владимірскаго-Буданова въ «Обзорѣ исторіи русскаго права», СПБ., 1888, стр. 527».

[200]) О попрашатаяхъ см. въ Акт. Арх. Эксп., т. I, №№ 35, 43, 56, 86, 135, 171, 217, 280, 300 и 371 и въ Акт. Ист., т. I, №№ 36, 81, 83 и 215; сравн. Толстого «Ист. финанс. учр.», стр. 211.

[201]) Слич. уставную грамоту Ильмехотскимъ бобровникамъ въ Акт. Арх. Эксп., т. I, стр. 155—156 съ грамотой Каменскимъ бобровникамъ, тамъ же, стр. 120—122.

[202]) Акты Зап. Росс., т. III, стр. 179.

[203]) Акты Зап. Россіи, т. III, стр. 73—86.

[204]) Тамъ же.

[205]) Акты Зап. Россіи, т. II, стр. 196—197; т. III, стр. 85—86.

[206]) Акты Зап. Росс., т. I, стр. 171—172.

[207]) Акт. Южн. и Западн. Росс., т. I, стр. 17, 221; т. II, стр. 113, 159, 200, 367.

[208]) Акт. Южн. и Зап. Росс., т. I, стр. 17, 64—65, 144—146; Акты Зап. Росс., т. I, стр. 352.

[209]) Акт. Зап. Росс., т. III, стр. 40, 62, 85—86, 102, 112, 179.

[210]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. I, стр. 131—132; Акты Зап. Росс., т. I, стр. 221, 352; т. II, стр. 121—122, 219, 353—354.

[211]) Соловьевъ. «Ист. Росс.», т. I, 254; т. IV, 184; Забѣлинъ. «Ист. русск. жизни», т. II, 357.

[212]) Акты Юрид., т. I, № 48.

[213]) Собр. Грам. и Дог., т. I, стр. 2—3.

214) См. Акт. Ист., т. I, стр. 173.

215) Григорьевъ. «О достав. ярлыковъ», стр. 112—118.

216) См. Акты Ист., т. I, стр. 1—2, 23, 125 и дополн., стр. 8; Акты Арх. Эксп., т. I, стр. 7, 16; Акты Южн. и Зап. Р., т. I, стр. 40; Акты Зап. Росс., т. I, стр. 27; т. II, стр. 158, 188; Собран. Грам. и Дог., т. I, стр. 232.

См. также у Карамзина «Ист. Гос. Росс.», т. IV, 61 и 284.

217) Акт. Зап. Россіи., т. II, 219.

218) Акты Арх. Эксп., т. I, 85.

219) Акты Зап. Р., т. II, стр. 121—122.

220) Акты Арх. Эксп., т. I, стр. 120—122; Акты Ист., т. I, стр. 173; «Собр. Гр. и Дог.», т. I, стр. 330 и 529, и мн. др.

221) «Акты Зап. Росс.», т. I, стр. 48 и 59 и многія жал. грамоты, цитированныя выше въ примѣчаніи.

222) Собр. Гр. и Дог., т. I, 468 стр.

223) Полевой. «Ист. Россіи съ древн. врем.», т. V, 197. См. у Стромилова въ «Журн. Охоты», 1875 г., т. III, № 3, стр. 33.

224) Акты Зап. Росс., т. I, стр. 70.

225) Соловьевъ. «Ист. Росс.», т. IV, 192 и Прил. къ IV т., стр. XX—XXI.

226) Стоимость гривны кунъ разно переводится на нашъ счетъ: у Карамзина 3 гр. кунъ 7 р. 50, у Проф. Лешкова 40 р., у Прозоровскаго 21 р. Мы принимаемъ послѣднее, какъ среднее. См. у Аристова, стр. 296.

227) Калачевъ. Предв. юрид. свѣдѣнія для полнаго объясн. «Русск. Правды», СПБ., 1880, стр. 155, 194, 199, 201 и 218; Карамзинъ. «Ист. Гос. Росс.», т. II, 52, 57.

228) «Лѣсов. и Охота», 1859 г., стр. 151.









Н. Самокишъ

ПЕРЕП. КИРХНЕРА С.П.Б. МАЛ. МОРСКАЯ 14